

ТОМ
МАРТИН

ТОМ МАРТИН

Обитель ночи

Обитель
ночи



ЭКСМО

СИККИМ

В

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ТОМ МАРТИН

ОБИТЕЛЬ НОЧИ



ЭКСМО
МОСКВА
ИД ДОМИНО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
М 29

Tom Martin
KINGDOM

© 2009 by Tom Martin

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Мартин Т.
М 29 Обитель ночи : роман / Том Мартин ; [пер. с англ. А. Крышана]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. — 384 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-46292-6

«Книга Дзян» — хранилище древней арийской мудрости. Ее обложка сделана из черной как смоль кожи давно вымершего животного, а на заглавной странице нарисовано золотое кольцо с обвившей его змеей, заглатывающей собственный хвост. Ради этой книги перед войной нацистская экспедиция отправилась на Тибет в легендарную страну Шамбалу. Ради нее в наши дни повторяет путь отца, ученого, пропавшего вместе с экспедицией, преуспевающий журналист Антон Херцог. Страшное открытие ждет его в труднодоступных горных районах. Шамбала существует...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-46292-6

© Крышан А., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2011

*Кун Сачаритакул
и Джи Кею, непревзойденному мастеру*



Постигнешь добро — родишь зло.

Лао-цзы, древнекитайский философ,
четвертое тысячелетие до н. э.

(Перевод О. Ворушко)



1

*Монастырь Литанг,
где-то в джунглях Пемако, Тибет*

Никто не знал его имени. Тело было переброшено через спину мула, притаившегося к воротам монастыря. Руки и ноги стянуты путами под брюхом животного. Он был один.

Последние три дня дожди заливали джунгли, превращая их в живой сверкающий океан, сотни лет тщетно пытающийся захлестнуть монастырские стены. Гигантская гусеница струилась по ветке дерева — дюймовые кольца ее туловища вздымались и опадали. Что-то беспрестанно двигалось, шуршало в зарослях. Но легкие шумы заглушала барабанная дробь крупных капель неугомонного дождя. Даже крики обезьян звучали как-то отдаленно и призрачно, с трудом пробиваясь сквозь водяную завесу.

Через внутренний двор монастыря, разбрызгивая лужи, пробежал новообращенный монах Дорджен Трунгпа. Настоятель попросил его сходить в деревню. Насквозь промокшее одеяние липло на бегу к телу, но монах не обращал внимания на дождь и на то, что его босые ноги по щиколотки утопали в грязи.

Дорджен Трунгпа был молодым и сильным, но в тот день он добежал только до монастырских ворот. Там он заметил мужчину на спине мула и в ужасе замер на ме-

сте. Он никогда прежде не видел белого человека. Бледная кожа незнакомца показалась монаху необычайно странной, а кроме того, ее покрывали гигантские пиявки. Несколько мгновений Дорджен Трунгпа стоял в оцепенении, не зная, что делать. Затем с бешено колотящимся сердцем, с нехорошим предчувствием он медленно двинулся к чужаку.

Поначалу юноша решил, что мужчина мертв, настолько безжизненной казалась его кожа. А еще кровь: ею были покрыты руки и изорванная одежда. Веревки глубоко врезались в запястья и лодыжки. Лицо было обращено к животу мула, но у Дорджена Трунгпа не хватило духу приподнять голову этого белого: монах представил себе невидящий взгляд застывших глаз и пиявок, присосавшихся к восковой коже.

Дорджен Трунгпа медленно попятился от незнакомца, будто неосторожное движение могло побеспокоить его, а затем, отойдя на некоторое расстояние, повернулся и бросился бежать. Он бежал, задыхаясь от страха и не оглядываясь, пока не вернулся на залитый водой внутренний двор.

Там человек, сообщил он своим братьям-монахам. Человек с кожей цвета алебаstra. Страшный человек с покрытой пиявками кожей, привязанный к мулу. Идем скорей, торопил он, и два монаха пошли за ним, качая головами и твердя, что это дурной знак.

В пугающей тишине, под немилосердно хлещущим по тонким одеждам ливнем, монахи с трудом управились с телом, срезали путы и сняли белого со спины мула. За правым плечом мужчины висел небольшой парусиновый мешок, крепко подвязанный под левой мышкой. Там лежали его пожитки.

Дорджен Трунгпа по-прежнему полагал, что они имеют дело с трупом: можно ли оставаться живым с такими

ранами и такой бескровной кожей? С большим трудом, оскальзываясь в грязи и мешая пот с дождем, монахи потащили тяжелую ношу по проселку.

Во дворе они опустили его на камни. С территории над крышами древнего монастырского комплекса текли сливающиеся атональные звуки колокола, будто звонил он под водой. Вторя ему, над горами прокатился отдаленный раскат грома.

Три монаха стали очень осторожно снимать пиявок со щек мужчины, оставляя рубцы на коже пепельного цвета. Дорджен Трунгпа запустил палец в рот незнакомца, вытащил оттуда непомерно раздувшегося монстра и швырнул обожравшуюся пиявку в лужу, где она принялась неистово извиваться.

В этот момент на пороге молельного дома возник настоятель — почитаемый своими монахами старший лама Пемако. Семидесяти лет от роду, он был худ как тростинка, однако буквально светился энергией. Когда с внутреннего двора донеслись его приближающиеся шаги, молодые монахи остановились и позволили безжизненному телу соскользнуть на плиты.

В левой руке настоятель держал четки-мала. «Клик-клик, клак-клак», — слышалось отчетливо, и шум дождя не заглушал сухие щелчки. Из-за спины старшего ламы обеспокоенно выглядывал низенький человечек с коротко постриженными черными волосами — помощник настоятеля. Поравнявшись с телом, оба они помедлили и опустили рядом на корточки. Приложив кончики пальцев к горлу несчастного, помощник попытался отыскать пульс. Через секунду он поднял глаза на монахов и вымолвил лишь одно слово:

— Доктора.

Один из монахов тотчас сорвался с места и скрылся в низком дверном проеме дальней стены. «Клик-клик,

клак-клак», — щелкали четки настоятеля, когда он склонился над незнакомцем, отыскивая в его лице признаки жизни. Запустил мозолистые пальцы под клапан рюкзака, порывшись там и вытянул на свет содержимое: трубку, немного опиума и потрепанную, в черном переплете книгу на неизвестном языке. Ламы с интересом все рассмотрели, а затем прикрыли вымокший насквозь клапан. На мгновение ладонь настоятеля зависла над сердцем мужчины, словно пыталась вытянуть оттуда тайну незнакомца.

Первым заговорил помощник. Он приблизил губы почти вплотную к уху настоятеля, чтобы никто из молодых монахов не услышал, и дрогнувшим голосом прошептал:

— Скорее всего, шерпы* бросили его у ворот, когда он заболел лихорадкой. Он на пороге смерти. — Помощник опустил взгляд на белого человека и добавил, скорее для себя: — Непонятно только, как белый человек добрался до Пемако. И зачем?

Когда заговорил настоятель, в его негромком голосе звучали смирение и покорность судьбе.

— Этот человек принес дурную весть. Его прибытие означает, что к ночи меня уже не будет в живых, наши врата откроются, а монастырь погибнет.

Дождь барабанил по плитам внутреннего двора и хлестал по черепичным кровлям древних каменных зданий. Молодой монах привел доктора. Тот присел на колени перед незнакомцем и принялся осматривать его беспомощно распростертое тело. Вода потоком стекала по ли-

* Шерпы — народность, живущая в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма, а также в Индии, потомки тибетцев, в Средние века переселившихся на юг от главного Гималайского хребта. Их основные занятия — торговля и участие в восхождениях на горные вершины в качестве носильщиков и проводников. (Здесь и далее примечания переводчика.)

цу настоятеля, но ни искорки паники не было в его застывших, немигающих глазах.

— Страшное зло приближается к нам из леса.

— Что же делать? — спросил помощник хриплым от испуга шепотом. Он в ужасе смотрел на чужака.

Настоятель вытянул руку и коснулся руки помощника.

— Не бояться. Демоны, идущие сюда, — это всего лишь тени, посланные смутить вас. Немедленно отправляйся в Пещеру магов. Если будет погоня — уходите в туннели, а оттуда в Агартти*. Не возвращайтесь семь дней. Возьми с собой всех, включая незнакомца. Мы должны оказать помощь человеку, который нашел путь к нашим вратам, и защитить его от опасности.

Тень суровой задумчивости легла на лицо помощника настоятеля.

— Но ведь если он предвестник бед, мы не должны его трогать?

— Нет. Это против обетов нашего ордена. О нем надо позаботиться. Он должен отправиться с вами. Я же останусь здесь. Силы тьмы надо встречать милосердием. Пока незнакомец жив, мы в ответе за него. Заставь доктора сделать все, что в его силах. Уходите прямо сейчас через задние ворота в джунгли. Не медлите.

Настоятель бросил последний взгляд на чужака: обложенный в лохмотья и словно лоснящийся от дождя, тот напоминал выброшенного после кораблекрушения на пустынный берег моряка. Настоятель чувствовал глубокое сострадание к этому человеку, сломленному лесом и злом, с которым ему пришлось столкнуться. Он нетороп-

* Легендарная подземная страна. Традиционным местом расположения Агартти считают Тибет или Гималаи. В Агартти живут высшие посвященные, хранители традиции, истинные учителя и правители мира.

ливо кивнул побледневшему помощнику, все еще медлившему в нерешительности, повернулся и побрел прочь, сгибаясь под ударами бури.

Щелчки мала настоятеля разбудили сумрак молельного дома: клак-клак-клак. Лама медленно вошел в древнюю комнату. Перед каменным изваянием святого Миларепа*, основателя ордена, он опустил в позу лотоса и заговорил нараспев молитву сострадания к душам тех, кто — так же неизбежно, как то, что ночь сменяет день, — шел уничтожить его.

— Ом мани падме хум (О, жемчужина в цветке лотоса)**.

Сколько прошло минут или часов, настоятель не ведал. Он бормотал нараспев молитву о всепрощении и милосердии, чувствуя, как легче становится на душе. Он пребывал в глубокой задумчивости, когда вдруг ощутил руку на своем плече. Дорджен Трунгпа прошептал ему в ухо:

— Настоятель, простите великодушно, что прерываю вашу медитацию...

Старый лама открыл глаза, и его негромкое гортанное пение оборвалось. От страха юношу била дрожь, он с трудом выговорил:

— Там на дороге китайские солдаты. Они вот-вот сломают ворота.

Настоятель поднялся и перекинул мокрую полу туники через плечо. Его лицо выразило глубокую скорбь, и он положил руку на вздрагивающее плечо молодого монаха.

* Джецун Миларепа (1052–1135) — учитель тибетского буддизма, знаменитый йог-практик, поэт, автор песен и баллад, до сих пор популярных в Тибете, один из основателей школы кагью.

** Одна из самых известных мантр в буддизме (особенно характерная для ламаизма), шестислоговая мантра.

— Почему ты еще здесь? Я велел всем уходить.

Новичок ответил охрипшим голосом:

— Моя вина. Моя карма. Я нашел чужака, я принес его сюда.

Настоятель покачал головой и вздохнул.

— Не стоит корить себя, мой мальчик. Может стать-ся, это путь, по которому тебе суждено отправиться. Однако запомни: что бы они с тобой ни творили, это лишь иллюзия. Мысленные образы, которые мы ошибочно принимаем за действительность, не более чем грезы. Все демоны мира живут в нашем воображении, точно так же, как боль и страдания. Запомни это раз и навсегда.

И тут раздался странный треск, жутким эхом пронесшийся по зданию и заставивший содрогнуться стены. Дорджен Тругпа вскрикнул от неожиданности, ужас сковал его тело.

— Помни мои слова, и все будет хорошо, — говорил настоятель, пока Дорджен Тругпа пытался взять себя в руки. — А теперь нам надо выйти отсюда, мой мальчик.

Снаружи они увидели, что древние монастырские ворота болтаются на сломанных петлях. Сотни лет эти ворота защищали монастырь, и вот сейчас во внутренний двор вливалась колонна китайских солдат. В центре двора замер армейский джип, в нем стоял низенький толстый офицер. Его грязный, плохо пригнанный оливкового цвета мундир насквозь промок, дождевая вода стекала с козырька фуражки на лицо.

Толпы солдат наводняли молельные комнаты, кельи монахов, кухню и трапезную. Они врывались в опустевшие помещения и рылись там, словно что-то искали. Настоятель замер на пороге, безмолвно наблюдая за происходящим на его глазах разгромом, за солдатами, обшаривающими монастырь. Однако лицо его было безмятежным — он почти улыбался.

Когда армейский офицер заметил настоятеля, он резко выкрикнул команду, и группа солдат выдвинулась вперед с оружием на изготовку. По их приближении Дорджен Тругпа дрогнул и готов был отступить, укрывшись в молебном зале. Однако настоятель даже не шелохнулся, и Дорджен Тругпа остался рядом с ним, скованный страхом. Один из солдат ударил прикладом винтовки в лицо настоятелю, и старик рухнул на землю. Его били и пинали, потом поволокли по лужам к джипу. Там его подняли на ноги и вновь принялись бить — он падал под градом ударов, а его вновь поднимали и били...

Дорджен Тругпа вдруг забыл о наставлениях ламы. Желая скрыться, он стремглав бросился в молебный зал, а за ним бежали солдаты. Свернув за угол, он наткнулся на солдат, шедших в обход. Они накинулись на него, как свора псов, и били до тех пор, пока он не прекратил всякое сопротивление. Его вытащили на центр внутреннего двора и швырнули на землю рядом с настоятелем.

«Моя карма, — подумал Дорджен Тругпа. — Это я накликал беду. Мои действия погубили нас обоих и уничтожили монастырь». Он попытался сосредоточиться и думать о смерти хладнокровно и спокойно, пока офицер выкрикивал команды солдатам. Затем офицер выбрался из джипа. Лицо его было искажено яростью. Он обратился к настоятелю:

— По-китайски понимаешь, тунейдец?

Настоятель, уже стоя на четвереньках, поднял разбитую голову и ответил на китайском языке:

— Да.

Офицер расстегнул пуговицу нагрудного кармана френча и достал листок бумаги, тотчас же промокший насквозь под дождем; вытянул руку и прочитал:

— От имени крестьян Пемако и правительства автономного Тибетского региона Китайской Народной Рес-

публики обвиняю вас в насаждении феодализма. — Он оторвал взгляд от листка и плюнул на землю перед старым ламой. — В вину вам вменяется систематическая эксплуатация крестьян, использование их рабского труда на принадлежащей монастырю земле, взимание с них налогов в форме десятины масла и мяса яков, принуждение их к бесплатному труду на монастырской кухне, пока сами вы сидели сложа руки и бездельничали. Вы столетиями упорно насаждали феодализм и узаконили эту порочную систему, запугивая людей лживыми баснями и угрозами о вечном адском огне и о том, что если они не будут тебе повиноваться, то после смерти возродятся в виде гадов. Короче говоря, вы злоупотребляли невежеством простого народа, использовали суеверия и религию как орудия притеснения. Вы обвиняетесь в том, что хранили изображение самого главного паразита, злобного диктатора и правителя вашей феодальной империи — далай-ламы, пытавшегося расколоть нашу родину и подорвать взаимоотношения Китая с зарубежными нациями. Вы виновны в том, что не признавали верховную власть Коммунистической партии Китая. Кроме того, вы обвиняетесь в укрывательстве иностранного шпиона. Мы требуем немедленной выдачи этого человека. — Офицер оторвал взгляд от листка и прорычал настоятелю: — Ну, что скажешь, паразит?

Настоятель безмолвствовал.

В ярости офицер бросил листок на землю. Затем шагнул к настоятелю и, широко замахнувшись, со всей силы врезал ногой в армейском башмаке по подбородку старика. Раздался жуткий треск, и настоятель опрокинулся навзничь.

Дорджен Тругпа закричал от ужаса и попытался вырваться из рук удерживавших его двух китайских солдат, но тотчас был усмирен несколькими ударами.

Офицер угрожающе склонился над израненным телом ламы:

— А ну, вставай, паразит. Чего разлегся в луже? Не хочешь полетать? Ты ж говорил крестьянам, что умеешь.

Медленно настоятель открыл глаза. Офицер опустил башмак ему на шею и проорал:

— Где беглый шпион?

На этот раз настоятель как будто предпринял попытку ответить — он мучительно пытался вздохнуть. Ожидая ответа на вопрос, офицер убрал ногу с шеи старика. И до его слуха донеслись слова настоятеля:

— Ом мани падме хум... Ом мани падме...

Услышав молитву, офицер резко развернулся и выкрикнул приказ собравшимся солдатам. Вперед вышли двое — настоятель узнал их: это были молодые тибетцы, изгнанные из деревни. Некогда они совершили серьезные преступления, и их заставили нищенствовать, прося подавания, и жить вне общины на краю джунглей. Их обязали мыть монастырские туалеты и хоронить умерших жителей деревни. Оба были в новой мешковатой форме — их взяли в солдаты каких-то несколько часов назад.

Офицер улыбнулся и сказал этим двоим:

— По-моему, паразит страдает головной болью. Вылечите-ка его.

Один из солдат держал в руках молоток и бронзовый четырехдюймовый гвоздь. Лицо его кривила злобная ухмылка. Второй новобранец тяжело уселся на грудь настоятелю и ухватил старика за голову. Настоятель, словно не замечающий происходящего с ним, продолжал свою печальную молитву.

Солдат с молотком опустился на колени рядом с настоятелем и аккуратно приставил гвоздь к центру его

лба. Помедлив, он поднял глаза на офицера. Офицер отрывисто кивнул, и молоток опустился с тошнотворным звуком, вгоняя гвоздь в череп. Последовали еще два удара, пока гвоздь не вошел в кость по самую шляпку. Руки настоящего слабо встрепенулись и бессильно опали по бокам. Дорджен Тругпа мучительно вскрикнул и в отчаянии опустился на пол. Над внутренним двором повисла тишина.

Затем раздался голос офицера, и Дорджен Тругпа с ужасом понял, что тот обращается к нему.

— Ну что, парень, надеюсь, ты убедился, что правосудие вершится даже в такой дали от Пекина, как Пемако. Считаю, что ты вырвался из лап этих злобных и безумных стариков. Ты совсем молодой. Сейчас посмотри...

Он повернулся к сломанным воротам и рывком команду. Дорджен Тругпа сжал зубы и вскрикнул от ярости и отчаяния. Двое солдат волокли молодую девушку — дочь самого зажиточного крестьянина деревни. Ей не исполнилось еще и двадцати, она была красива. Девушка кричала от ужаса и слабо вырывалась из рук мучителей. Они подвели ее к молодому монаху. Офицер что-то скомандовал. Двое державших девушку солдат сорвали с нее одежду и крепко держали пленницу прямо перед молодым монахом. Дорджен Тругпа отвел взгляд от обнаженного тела.

— Ну-ка, монах, давай поглядим, настоящий ты мужчина или нет. Я приказываю тебе заняться сексом с этой крестьянкой.

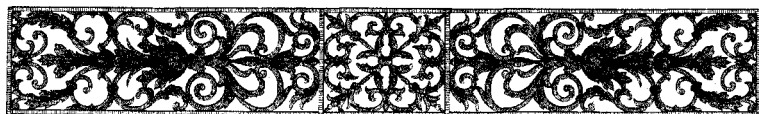
Свет померк в глазах Дорджена Тругпа. Ничто за восемнадцать лет жизни не подготовило его к этому. Все, что он знал, — это ряд монастырских церемоний, недели молитв, постов и медитаций, религиозные праздники в деревне и жизнь в согласии с силами вселенной. Он

задыхался и в отчаянии короткими глотками хватал воздух, когда солдаты схватили его и швырнули к обезумевшей от ужаса девушке. Он не замечал ее наготы, но до его слуха долетали негромкие мольбы, будто стоны умирающего животного. Офицер подбадривал издевательскими выкриками.

— Не робей, парень, давай! Забудь бредни этих стариков. Обет безбрачия — чушь собачья. Тебе просто задурили голову... Так, мое терпение кончается! Приказываю тебе заняться сексом с этой девчонкой, а когда управишься — подожжешь монастырскую библиотеку.

Перед глазами монаха будто наяву предстали все ужасы, в деталях описанные «Тибетской книге мертвых»*: страшные демоны и невыразимая боль, овладевающие душой в момент смерти. Но это была жизнь, ее ужасный поворот. Жизнь, понять которую у Дорджена Трунгпа не было никаких сил. Он закрыл глаза, успокоил дыхание и попытался, несмотря на все трудности, освободить свой разум.

* «Тибетская книга мертвых» («Бардо Тедол») — содержит подробное описание этапов, происходящих с душой человека: от начала процесса умирания и до момента реинкарнации.



2

На дворе день. Это единственное, что поняла Нэнси Келли. Где она, который час, сообразить было не под силу. Снова этот ужасный шум. Прямо над головой с потолка свисал огромный вентилятор, его гигантские лопасти монотонно вращались, однако не давали даже легкого дуновения ветерка. Секунду Нэнси в замешательстве смотрела на вентилятор, а затем, как по команде, все вспомнила: она в Индии, в Дели, на служебной квартире. И кто-то стучит в дверь.

Чертыхнувшись, Нэнси с жалобным стоном перекатилась по кровати. Занавески в комнате были чуть толще прозрачных простыней, и помещение купалось в свете. Она чувствовала себя дезориентированной и больной. Всего лишь несколько часов, как она прилетела в Индию.

Нет, не могла я так быстро заболеть, подумала Нэнси. Это было бы слишком несправедливо.

Она пошарила на прикроватном столике, нашла свой телефон и уставилась на часы дисплея, не соображая, перевела ли она время с нью-йоркского на делийское. Ей вспомнилось, что самолет приземлился глубокой ночью. Водитель провел ее через толпы нищих и зазывал, предлагавших обменять доллары и найти дешевую гостиницу, и она укрылась в салоне поджидавшего «мерседеса». Откинувшись на спинку, Нэнси утонула в неудобном

из-за слишком большого размера кожаном заднем сиденье и неотрывно смотрела в окно на живописный хаос ночного Дели, как на экран телевизора. Это продолжалось до того мгновения, пока машина вдруг не скользнула в темень пустынной улицы и не остановилась перед многоквартирным жилым домом.

Нэнси Келли приехала в Дели, чтобы занять пост главы южно-азиатского отдела «Интернэшнл геральд трибьюн». Ей было тридцать — слишком молода для такой должности, однако ей просто очень повезло со сроками. Назначение стало новым этапом и в ее карьере, и в личной жизни. Нэнси надеялась, что новая работа поможет ей оставить за плечами недавнее прошлое, а экзотичность и красоты Индии вытеснят из памяти последние месяцы в Нью-Йорке — месяцы, тянувшиеся, как долгие годы.

В дверь продолжали стучать, однако Нэнси по-прежнему не находила в себе сил подняться с кровати. На дисплее телефона пульсировала иконка нового сообщения. Нэнси слабо крикнула в сторону двери: «Иду, секундочку!» — и открыла сообщение. Его прислал ее бывший бойфренд Джеймс Лонг, корреспондент «Трибьюн» в Буэнос-Айресе. Сердце Нэнси упало — она не могла избавиться от мысли, что это дурной знак: по прибытии в Индию первым получить сообщение именно от Джеймса. Они познакомились пять лет назад, когда работали в нью-йоркском офисе. Встречались три года. Без сомнения, она была влюблена в Джеймса, однако будущее оба видели по-разному. Он хотел семью и жену, которая сидела бы дома и растила детей; в ее планы такое совершенно не входило. В конце концов Джеймс объявил, что нашел другую (познакомился с ней, когда Нэнси была в одной из своих бесконечных заграничных поездок) — именно такую, о какой мечтал; домоседку с выраженным материнским инстинктом. Новая девушка была из Ар-

гентины, и Джеймсу, похоже, очень повезло: буквально на следующий день подвернулась работа в Буэнос-Айресе, и он получил ее. То ли из-за этого, то ли потому, что он так часто оставался один... С тех пор минуло три месяца. Нэнси, конечно, следовало ожидать подобного, однако разрыв она восприняла очень тяжело. Она знала, что они не пара, но это не останавливало ее и не мешало любить Джеймса.

«Милая моя Нэнси, прости, пожалуйста, что не отвечал на твои звонки. Я говорил тебе в последнюю нашу встречу, что лучше будет, если...»

Она бросила читать и взвесила телефон на ладони, прежде чем нажать «Стереть». Затем облегченно вздохнула, будто только что перерезала правильный проводок, чтобы успешно обезвредить бомбу. Несколько месяцев назад, отметила Нэнси вяло и опустошенно (апатия уже пришла на смену горю), ей отчаянно хотелось получить от него восточку. Теперь же, когда все улеглось и она почти обрела душевное равновесие, ей совершенно не хотелось общаться с Джеймсом.

— Милый мой Джеймс, — громко обратилась она к дрогнувшим от легкого делийского ветерка занавескам. — Теперь я точно знаю: очень скоро настанет день, когда я окончательно выброшу тебя из головы.

Она натянуто улыбнулась и оглядела спальню, словно надеясь отыскать что-то подбадривающее в новой обстановке. Черт бы побрал этот стук, подумала она.

— Ну иду, иду, — сказала Нэнси, теперь уже на самом деле заставляя себя пошевелиться.

Спустив ноги с кровати, она потеряла глаза. Она находилась в одной из самых пленительных стран на свете, ее ожидал головокружительный взлет карьеры, а прошлое осталось в прошлом.

Все разрешилось каким-то сверхъестественным образом. Об открывшейся в Индии вакансии объявили в то самое утро, когда она решила уехать за границу. Точнее, Дэн Фишер, редактор, только что вернувшийся из Парижа, похлопал ее по плечу и пригласил к себе в кабинет. Антон Херцог, ее кумир, всеобщий любимец и ветеран «Трибьюн» — шеф делийского отдела с двадцатилетним стажем, — три месяца назад... пропал: без следа исчез в горах Тибета. Дэн Фишер ждал, ждал, однако совет директоров надавил на него, дав команду найти кого-то на освободившееся место. Индия была самым большим источником материала в Азии, и газета не могла бесконечно ждать возвращения Херцога. Нэнси незамедлительно предложили работу. Дэн даже не потрудился объявить об этом в редакционном разделе о внутренних зарубежных вакансиях — факт, который Нэнси сочла бы куда более странным, не будь она так обрадована возможностью уехать из Нью-Йорка. Это было высокое и почетное назначение, к тому же в Индии ей прежде бывать не приходилось. Дэн сказал, что у нее мощная поддержка в газете: люди любят и ценят ее материалы, ее талант и исследовательскую сноровку. Ну и конечно же, отсутствие семьи могло стать ее преимуществом: семейные люди всегда тяжелы на подъем. «Шкура», в которую ей предстояло влезть, широкая — так сострил Дэн, тепло потрепав ее по руке. Антон Херцог слыл легендой, и она должна быть на высоте. Нэнси благодарно улыбнулась, немного сбитая с толку странным и таким удачным поворотом событий, но перспектива перед ней открывалась колоссальная, и она вовсе не собиралась препираться по поводу неординарной процедуры назначения на должность.

Что касается бедняги Антона, сурового шестидесятилетнего американца аргентинского происхождения, то

все надеялись, что он просто-напросто отправился в одну из своих периодических вылазок «в поле» и рано или поздно объявится. Именно Антон первым вдохновил Нэнси попробовать себя в журналистике, однако, несмотря на свое безграничное восхищение этим человеком, она его мало знала. Она любила его рассказы и всякий раз, взяв в руки газету, в первую очередь искала материал Херцога, однако встретиться с ним ей довелось буквально пару раз, и то случайно. Он редко бывал в редакции, а когда бывал, Дэн Фишер обращался с ним как с членом королевской семьи и почти никого к нему не подпускал. Раза два Нэнси случайно удалось поговорить с Антоном. Он был с ней очень приветлив и доброжелателен, держался скромно, но от этих встреч оставалось странное чувство неудовлетворенности. Нэнси надеялась, что очень скоро Антон вернется в делийскую редакцию, непременно с парочкой рассказов-бестселлеров, а она станет первой его слушательницей.

Однако раздавались и тревожные голоса. Кое-кто из близких друзей Антона, а также тертые калачи в офисе нью-йоркской редакции все сильнее и сильнее беспокоились: здесь что-то не так. Обычно Антон кому-то обязательно звонил, либо присылал открытку, либо как-то давал о себе знать. Но на этот раз — ни слуху ни духу. Говорят, в юности Антон был отличным альпинистом, а еще слыл большим упрямцем. Нетрудно представить, что он запросто мог перенапрячься на каком-нибудь подъеме или упустить что-то в снаряжении, понадеявшись только на свой общеизвестный интеллект и силу. Он был корреспондентом старой закалки, говорил на нескольких азиатских языках и обладал колоссальным багажом знаний об Индии, Китае и Тибете. Бессчетное число раз отказывался от продвижения по службе и повышения зарпла-

ты ради того, чтобы продолжать заниматься любимым делом: выезжать «в поле» лично, охотиться за сюжетами и идти на такой риск, от которого его коллеги вдвое моложе наверняка бы уклонились. Он был легендой, поэтому, наверное, никто не решался предположить худшее.

Нэнси едва не подскочила. В дверь внезапно застучали громче. Голос с индийским акцентом выкрикивал ее имя в щель почтового ящика. Она бросила телефон на кровать и встала. Порывшись в чемодане, отыскала пару брюк-хаки, чистую рубашку и оделась. Затем схватила щетку и попыталась зачесать каштановые волосы до плеч в свободный «конский хвост». Глянув в зеркало, отметила, что выглядит усталой, да и неудивительно.

Выйдя из спальни, Нэнси как будто в первый раз увидела гостиную: накануне вечером она слишком вымоталась, чтобы осмотреться в квартире. Представшее взору очень удивило ее. Комната была заполнена античными каменными статуями и статуэтками. Буквально все поверхности столов — а в гостиной оказалось множество античных столов и столиков разнообразных форм — были заставлены каменными изваяниями. Там были головы Будды в натуральную величину, искусно вырезанные фигурки купцов с Шелкового пути верхом на верблюдах. Нэнси не верила своим глазам — перед ней словно распахнули двери хранилища Сотбис. Без сомнения, Антон был истинным знатоком...

— Мисс Келли! Пожалуйста, не могли бы открыть дверь?

Голос был громким и нетерпеливым. Она присела на колени перед щелью почтового ящика и встретила взгляд карих глаз.



— Да?

— Я из полиции. Капитан Хундалани. Откройте, пожалуйста.

Глаза исчезли — капитан поднялся на ноги.

— Мм... Хорошо.

Нэнси отомкнула три задвижки, чуть приоткрыла дверь и только тогда увидела, что двое из троих стоявших за ней индусов были в полицейской форме. Она распахнула дверь настежь и впустила их. Третий красовался в безупречном черном костюме. Капитану Хундалани было чуть за тридцать, лицо чисто выбрито, усы аккуратно подстрижены. Ни один из вошедших не улыбался. Капитан обратился к Нэнси:

— Мисс Келли, мы просим прощения, что побеспокоили вас. Однако дело срочное.

— Что ж, — ответила Нэнси. — Проходите. Пожалуйста... сюда. — Она жестом показала в сторону гостиной. — Присаживайтесь, где вам удобно. Это не моя квартира... Она принадлежит мистеру Херцогу, моему коллеге по «Интернэшнл геральд трибьюн». Точнее, он здесь живет, но вообще-то квартира служебная. Сейчас мистер Херцог в отъезде...

Капитан Хундалани прервал ее. Голос его был холоден и сух:

— Да. Все это нам известно, мисс Келли. Именно поэтому мы здесь. Прошу вас, будет лучше, если вы позволите нам все объяснить.

В его голосе Нэнси отчетливо слышала угрозу, однако даже представить не могла, в чем дело. Вряд ли проблема в том, что она не зарегистрировалась в полиции: с момента ее прибытия в город прошло лишь несколько часов. Ощущая растущую в душе панику, она опустилась в кресло с шелковой обивкой, едва сознавая, насколько

это кресло красивое и старинное. Мистер Хундалани и двое полицейских остались стоять, хмуро глядя на нее.

— Мы просим вас пройти с нами, мисс Келли... Ответить на кое-какие вопросы.

В лице капитана Хундалани не было и намека на дружелюбие. Волна адреналина захлестнула Нэнси.

— Что? Зачем? Я нахожусь в Индии всего несколько часов. Я только что проснулась. И прежде чем зарегистрироваться, я, наверное, имею право переодеться и принять душ.

Голос ее прозвучал слабо и неуверенно, как будто она бубнила себе под нос. И вдруг, с ужасом и изумлением, она осознала смысл происходящего.

— Вы меня арестовываете?

Капитан Хундалани секунду помедлил, тщательно подбирая с лова.

— Нет, мисс Келли. Если только вы не откажетесь проследовать с нами.

Во рту у Нэнси пересохло.

— О чем вы? Я же говорю: я здесь всего несколько часов, из которых большую часть проспала. Каким образом я могла совершить что-либо противозаконное?

— Мы ведем расследование. Нас интересует ваш коллега мистер Антон Херцог и истинные причины его присутствия в Индии и Тибете.

— Уверена в серьезности ваших оснований, Антон — человек очень непростой. Только не знаю, чем я-то могу вам помочь. Я никогда не была в Индии и Антона не видела несколько месяцев. Я приехала сюда, чтобы заменить его, а не нести ответ за его правонарушения. — Нэнси нервно окинула взглядом комнату, многочисленные статуи и предметы старины, словно говорящие об особенностях личности отсутствующего Херцога. — В любом случае вы не можете так просто заявиться сюда и



арестовать меня... Разрешите позвонить в офис, мне нужен адвокат.

Краешком глаза она заметила, что один из полицейских положил руку на наручники, свисавшие с его пояса. Нэнси отказывалась верить происходящему, но больше всего ее ужасало собственное бессилие.

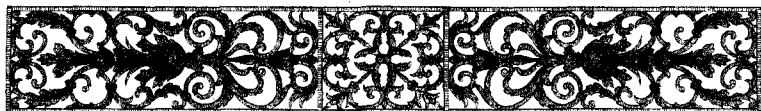
Потрясенная развитием событий, она безучастно стояла, а полицейский отстегнул наручники от пояса и накинул на ее запястья.

— Но я ни в чем не виновата и требую адвоката, — неуверенно возразила она, сознавая, что это звучит по-детски, и не понимая, в чем она вдруг провинилась.

И тут капитан Хундалани улыбнулся — холодно, неискренне и снисходительно.

Он даже не счел нужным спорить.

— Боюсь, это невозможно, мисс Келли. А теперь, поскольку вы согласились с нами сотрудничать, пройдемте. Если мы останемся друзьями — уверяю вас, все упростится.



— Прекратить!

Громкий голос с пекинским акцентом прозвенел над внутренним двором. Глаза Дорджена Тругпа с удивлением распахнулись, словно с ним заговорил бог.

Все повернули головы от обнаженной девушки к монастырским воротам. Там, меж сломанных створок, стоял высокий приятный мужчина, на вид — уроженец Северного Китая, в армейской накидке с капюшоном и офицерской фуражке. Позади, за его спиной, сквозь пелену дождя на дороге маячили приближающиеся силуэты людей. Завладев всеобщим вниманием, северянин заговорил вновь. Он обращался непосредственно к армейскому офицеру.

— Прикажите своим людям немедленно прекратить разграбление монастыря и вернуть одежду девушке. Вы что вытворяете? Культурная революция завершилась десятилетия назад. И отпустите мальчишку.

Дорджен Тругпа не верил своим ушам. Будто ангел-хранитель материализовался из джунглей. Тень ярости промелькнула на лице армейского офицера.

— Как ты смеешь являться сюда и что-то гавкать? Я старший офицер округа Пемако. Ты кто такой, черт тебя дери? Объяснись, или пристрелю тебя на месте!

Северянин зашагал через двор, и по мере его приближения становилось ясно, кто он такой, — по знаку отли-



чия на эмблеме его фуражки, по блестящим черным сапогам до колен, сверкавшим из-под пол плаща. Это был полковник пресловутого Бюро национальной безопасности, более известного как БНБ, китайский эквивалент ФБР и ЦРУ «в одном флаконе». Даже преданные члены Коммунистической партии Китая жили в страхе перед БНБ — идейной полицией китайского правительства, цепными псами революции.

Солдаты во дворе заметно напряглись, когда разглядели звание и принадлежность северянина. Дойдя до центра двора, полковник достал из кармана письмо и в вытянутой руке показал озадаченному армейскому офицеру. Конверт был надежно опечатан красной сургучной печатью в форме звезды.

— Я полковник БНБ Вей Жень. Согласно приказам командующего Южным военным округом генерала Тэ, старшим офицером в Пемако являюсь я, а значит, с этого момента все армейские подразделения к югу от Су-Ла переходят под мое командование. Включая вас.

Армейский офицер, не веря глазам, уставился на полковника Женья, а затем, как капризный ребенок, выхватил из его руки и рывком вскрыл конверт. С минуту он изучал приказы, потом повернулся к своим людям с видом мрачного унижения.

— Вернуть женщине одежду и построиться у ворот... Монаха отпустить.

Дорджена Трунгпа грубо вытолкнули вперед. Он тотчас бросился к телу настоятеля и с рыданиями упал на старика. Полковник Жень улыбнулся армейскому офицеру и одобрительно кивнул.

— Хорошо. Эти суеверные монахи — приманка для туристов, больше с них нечего взять. Древний Тибет канул в прошлое, умер, и мы можем быть снисходительными с последними дикарями, доживающими свой век. —

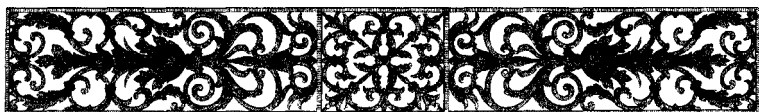
С этими словами он ободряюще хлопнул офицера по спине и продолжил: — В Лхасе китайцев в два раза больше, чем тибетцев. Нам больше нет нужды подвергать гонениям их абсурдные верования: молодежь больше интересуется мобильные телефоны, чем молитвенные колеса*. Здравый смысл коммунизма пришел на смену бестолковой религии монахов.

Затем он обернулся и прошелся внимательным взглядом по собравшимся у ворот мокрым и перемазанным солдатам.

— Так, а где остальные? До наступления темноты чтобы все собрались здесь, во дворе. Я хочу организовать поисковую партию. Прикажите солдатам запасти провизию на десять дней. Однако в первую очередь обработайте раны этого монаха. И уберите труп. Когда это сделаете, приведите юношу ко мне на допрос, но сначала пусть умоется. Штаб будет здесь, в библиотеке монастыря. — Жень с отвращением глянул на небо. — Не век же будет лить... Да, принесите генератор и установите освещение.

Полковник быстро зашагал к двери молельного зала и растворился в темноте.

* Молитвенные колеса (барабаны, мельницы) — устройства или сооружения в виде барабана или диска с нанесенной на него мантрой. Человеческая рука, ветер или вода приводят конструкцию в движение, и таким образом мантра «произносится».



4

Стальная дверь захлопнулась за спиной Нэнси Келли, и ее повели по длинному, едва освещенному коридору с кирпичными стенами. Отзвуки шагов обгоняли идущих, и страх все сильнее охватывал Нэнси. По-видимому, ее будут спрашивать об Антоне Херцогe. Его в чем-то подозревают. А может, Херцог уже осужден и его ищут. В любом случае Нэнси была уверена, что полиция ошиблась с ее задержанием. Толку от показаний не будет никакого: она боготворила Херцогa-журналиста, но почти ничего не знала о нем как о человеке. Перед ее мысленным взором предстала битком набитая комната отдела новостей, где все зачарованно внимали его невероятным рассказам. Что касается личной жизни Антона, его мотиваций, убеждений и привычек, то она не знала ровным счетом ничего, и понимание этого только усугубляло страх. Нэнси уже казалось, что она стремительно погружается в мир кошмаров, как Алиса в Стране чудес, переступившая порог иного мира. И поскольку она не знала, в чем ее обвиняют, ей не удастся отстоять свое доброе имя.

Но был ли у нее выбор? По суровому и враждебному тону капитана Хундалани было совершенно очевидно, что Нэнси крепко влипла. Ее правовой статус в данный момент был чисто условным: ее забрали против воли, без единого шанса переговорить с адвокатом. Нэнси со стра-

хом думала о том, что ее упрячут в жуткую тюрьму и ни одна душа не будет об этом знать. Не исключено, что с Антоном Херцогом произошло то же самое. Может, последние месяцы он томится в какой-нибудь переполненной камере центральной тюрьмы Дели, измученный болезнью и недоумевающий, почему же никто не пытается вытащить его.

Коридор влился в следующий коридор, затем опустился на несколько ступеней и привел в другую часть полицейского участка, напоминавшую обычный офис, а не тюрьму. Сикх-полицейский постучал в какую-то дверь, открыл ее и пригласил Нэнси войти.

В комнате за столом сидел доброжелательный с виду индус средних лет. Черты его лица были весьма заурядными и незапоминающимися. Неожиданно для себя Нэнси вдруг вспомнила слова одного из знакомых сотрудников ЦРУ. Он сказал ей однажды за чашечкой кофе на Таймс-сквер, что лучшие агенты секретной службы имеют самую заурядную внешность, как банковские клерки или люди из очереди на прием к врачу.

Когда такие агенты действуют в одиночку, они настолько неприметны, что их просто невозможно выделить из толпы. Они — самый ценный контингент: смотришь на такого в упор, а рассудок тут же стирает его из памяти.

Исключение составляли разве что глаза индуса. Их холодность абсолютно не соответствовала заурядной внешности. Нетерпение и раздражение, прозвучавшие в его голосе, также удивили Нэнси.

— Снимите с нее наручники, в них нет никакой нужды.

Пока полицейский расстегивал браслеты, мужчина поднялся, вышел из-за стола и совершенно неожиданно подвинул ей стул.

— Прошу, мисс Келли, присаживайтесь.

Нэнси опустилась на стул, недоумевая еще больше. Индус вернулся на прежнее место за столом.

— Приношу извинения за то, что мне пришлось просить вас приехать...

От этих слов Нэнси вскипела.

— Меня не просили. Меня заставили. — Она потеряла запястья. — И наручники надевать было ни к чему.

На секунду показалось, что этот человек искренне ей сочувствует:

— Прошу прощения. Молодые офицеры порой действуют неразумно. Я обязательно поговорю с капитаном Хундалани.

Нотка сочувствия подарила Нэнси надежду на то, что проявление справедливого негодования сейчас подействует.

— Какого черта вы приходите, барабаните в дверь, поднимаете меня с постели и угрожаете арестом? Вы хотите запугать меня?

Глаза мужчины вдруг засверкали от ярости. Инстинктивно Нэнси поняла, что должна вести себя более осмотрительно. Когда индус заговорил вновь, тон его был резким и бескомпромиссным:

— Мисс Келли, здесь не Северная Америка. Индия — небогатая страна. Силы полиции Дели на пределе. Нам элементарно не хватает времени. И, уверяю вас, наши действия оправдывает серьезность положения.

Он оттолкнул стул, поднялся и остановил на пленнице взгляд, бесстрастие и холодность которого граничили с презрением.

— Кроме того, я не позволю североамериканцу критиковать наши методы работы. Готов поспорить, сейчас в Штатах каждый третий афроамериканец сидит за ре-

шеткой. Я не считаю это справедливой и отлаженной правовой системой.

Нэнси пока удавалось скрывать свой испуг.

— Рекомендую вам направить жалобу в посольство США. В том, что касается американского правосудия, я могу согласиться с вами, но я не судья, а журналист.

Кем бы он ни был, этот человек явно больше не соби-
рался продолжать дискуссию по поводу ареста. Индус
отвел взгляд, и Нэнси воспользовалась секундой, чтобы
собраться с мыслями. Скорее всего, он был начальником
и мог сделать с арестованной все, что заблагорассудит-
ся. Прежде чем Нэнси успела раскрыть рот, он сказал:

— Я инспектор Лалл. Вы здесь по делу Херцога.

Сердце Нэнси упало. «Дело Херцога». Два слова про-
звучали пугающе серьезно, и хуже того: у нее возникло
подозрение, что они считают ее близко связанной со сво-
им предшественником и посвященной в детали происше-
ствия, которое они расследуют.

Запинаясь, Нэнси ответила:

— Послушайте, я уже говорила капитану Хундала-
ни, что понятия не имею, о чем речь. С Антоном Херцо-
гом я едва знакома. Меня прислали ему на замену. «Ин-
тернэшнл геральд трибьюн» — крупная международная
компания. А сейчас вы должны разрешить мне встречу
с адвокатом или с представителем моего посольства.

Инспектор окинул ее холодным взглядом, повернул-
ся к замершему на посту у дверей полицейскому и ска-
зал:

— Пожалуйста, пригласите мистера Арумагама.

Полицейский скрылся в коридоре, и инспектор вер-
нулся на свое место. Прозвеневший в его голосе металл
напугал ее до мозга костей.

— Адвокат сейчас будет, мисс Келли. Могу я задать
вам пару вопросов до его прихода? Честно говоря, мне это-

го совсем не хочется, но дело серьезное. Поверьте, очень серьезное. Если хотите спуститься в камеру и все хорошенько обдумать — воля ваша. А мы попробуем про вас не забыть. Кстати, советую ни к кому и ни к чему там внизу не прикасаться. Нам бы не хотелось, чтоб вы подхватили проказу.

Холодок побежал у нее по спине. Открылась дверь, и вернулся полицейский в сопровождении низенького, лысого, усталого вида человека за пятьдесят с очень темной кожей, в очках с толстыми стеклами. Инспектор Лалл представил его взмахом руки, и этот жест как будто выражал его мнение о том, что происходящее здесь — всего лишь фарс и пустая трата времени.

— Мисс Келли, это ваш официальный представитель, мистер Арумагам. Пожалуйста, задавайте ему любые вопросы.

Нэнси в отчаянии посмотрела на усталого пожилого человека, опустившегося на стул рядом с ней. Он не внушал ей никакой надежды, но это было единственной уступкой с их стороны. Едва скрывая отчаяние, она спросила:

— Что происходит? Они вправе так поступать со мной? Вы должны помочь мне...

Мистер Арумагам кивнул, поправил очки и, пошарив в кармане, вытянул визитную карточку:

— Вот моя визитка, мисс Келли.

Она едва не закричала на него от досады.

— Да не хочу я вашу чертову визитку! Я хочу выбраться отсюда. Объясните мне, что происходит...

Адвокат взволнованно откашлялся. Инспектор Лалл сложил руки на груди и наблюдал за их диалогом со смесью скуки и нетерпения. Мистер Арумагам сказал:

— Вас задержали по подозрению в шпионаже. Поэтому вы временно лишаетесь гражданских прав соглас-

но статье третьей, параграфу семь Закона о терроризме и шпионаже от две тысячи пятого года. Вы можете быть задержаны без суда на срок до ста тридцати дней, по истечении которых судья определит, представляете ли вы по-прежнему серьезную опасность для государства, и в случае необходимости выдаст ордер на продление заключения, снова до ста тридцати дней. У вас нет права на свидания и на освобождение под залог. Максимальный приговор за шпионаж — смертная казнь, за соучастие в шпионской деятельности — двадцать пять лет. Насколько я понял, вы задержаны по подозрению в соучастии...

Нэнси Келли вдруг почудилось, что лицо мистера Арумагама сливается с серыми стенами, а голос уплывает куда-то вдаль. Собственные локти, лежащие на столе, стали неподъемными, она смогла лишь опустить лицо на руки. Затем подняла взгляд на инспектора Лалла и резко спросила:

— Соучастие в шпионаже? Но это безумие.

Последовала еще одна устрашающая пауза. Нэнси прервала ее, стараясь не выдать своего отчаяния.

— А как же мое посольство? Моя газета? Я требую, чтобы вы немедленно связались с ними.

— Ваше требование будет выполнено, — заверил мистер Арумагам.

По его голосу было ясно, что он понимает: это ей ни-сколько не поможет.

Инспектор Лалл кивнул, затем бесстрастно произнес:

— Итак, мисс Келли, приступим.

Он раскрыл толстую папку и воззрился на бумаги сквозь очки.

— Вы учились в Париже, в Сорбонне.

С трудом сдерживая себя, Нэнси ответила:

— Да.

— И находились там с тысяча девятьсот девяносто седьмого года по двухтысячный.

— Да.

— И вы утверждаете, что едва знакомы с Антоном Херцогом?

Она вновь попыталась защититься.

— Да. Я встречалась с ним пару раз, и все. В редакции. Он не друг мне, его даже нельзя назвать моим коллегой...

Нотка нетерпения послышалась в голосе инспектора Лалла.

— Мисс Келли, напоминаю: крайне важно, чтобы вы отвечали предельно искренне. С этого момента я буду задавать вопросы только один раз. Но прежде всего позвольте мне сообщить: во-первых, нам уже известно, что Антон Херцог преподавал в Сорбонне целый год, с девяносто восьмого по девяносто девятый. Он на год отошел от «Интернэшнл геральд трибюн» и якобы вел в университете курс письма. Во-вторых, нам также известно, что он являлся председателем комитета, наградившего вас стипендией начинающего репортера, когда вы только пришли на работу в газету. И вот вы прибыли ему на замену. На мой взгляд, вы больше напоминаете протее Антона Херцога, чем человека, незнакомого с ним.

Нэнси Келли покачала головой, не веря ушам. Ведь все было предельно ясно: один человек сменял другого на должности, любые подозрения казались абсурдными. Однако инспектор Лалл пристально смотрел на нее — так, будто ожидал чистосердечного признания. Стараясь оставаться спокойной, Нэнси ответила:

— Во время обучения в Сорбонне я ни разу не встречалась с Херцогом. Я тогда даже не знала по именам ведущих журналистов. Я была обыкновенной студенткой — опаздывала со сдачей курсовых, ходила в бары.

Даже если б я знала его, что такого? Мне не удалось бы стать его протеже. Херцога знает масса людей. Он по праву слывет выдающимся журналистом-международником. А что доказывает мое нынешнее назначение? Чтобы заслужить повышение, я много и тяжело работала. Не представляю себе, что за мотив вы пытаетесь выдвинуть.

Инспектор взглянул на нее почти с сожалением и перевернул страницу в деле.

— Мисс Келли, известно ли вам, чем мистер Херцог занимался в Индии и Тибете?

— Разумеется. Он был репортером «Трибьюн». В последнее время собирал материалы о таянии ледников на тибетских плато. Именно этим он и занимался, когда газета потеряла с ним связь.

Встретив презрительный взгляд инспектора, она замолчала.

— Пожалуйста, продолжайте, — проговорил Лалл насмешливо.

— Обширные тибетские ледники в процессе таяния снабжают водой семь священных рек Азии: Желтую реку, Ганг, Брахмапутру... Это означает, что они служат источником питьевой воды для пятидесяти процентов населения планеты. Если ледники исчезнут, реки пересохнут, и люди останутся без питьевой воды. Начнутся засуха, голод, война... Катастрофа.

— Значит, вот какое прикрытие было у Херцога?

— «Прикрытие»? Чего ради? Он именно над этим и работал. И это все, что я знаю о его деятельности здесь. Кстати, мне рассказал об этом редактор «Трибьюн» Дэн Фишер. Зачем ему лгать? Потом газета потеряла связь с Херцогом. Насколько я знаю, его настоящее местонахождение неизвестно. Если вы что-то знаете о нем, то все

сотрудники редакции были бы рады услышать от вас эту информацию.

Мистер Лалл вновь перевернул лист и негромко проговорил:

— Поверьте, мисс Келли, мы тоже очень хотим найти мистера Херцога. Очень.

Почти минуту они сидели молча. Мистер Лалл медленно переворачивал листы дела, пока не добрался до конца досье. Он резко захлопнул папку и поднял глаза на Нэнси.

— Бесполезно.

Переведя взгляд на сикха-полицейского, он сказал:

— Пожалуйста, принесите мисс Келли сверток.



5

Ординарец внес вещи полковника Женья в монастырскую библиотеку и поставил рядом со старинным деревянным столом. Полковник и бровью не повел. Он медленно вышагивал вдоль заставленной книжными полками каменной стены, сопровождаемый капитаном из БНБ. Каблуки сапог звонко цокали по каменным плитам пола. Он провел лучом фонаря над корешками древних книг в переплетах из кожи яков. Много их было сложено в стопках на полу — книги, отобранные полковником. Не отрывая взгляда от полок, Жень проговорил:

— Если она когда-то и была здесь, то исчезла.

Затем он резко повернулся к капитану и спросил:

— Вы уверены, что обыскали все?

Капитан, тоже бегая глазами по книжным переплетам, ответил:

— Так точно. Каждый дюйм. Проверили каждую плитку пола и каждый кирпич в стенах. Ручаюсь.

Капитан стянул с полки тяжелый фолиант и раскрыл наугад. Пролистал несколько страниц, мельком проглядев текст, захлопнул книгу и поставил обратно.

Полковник заглянул ему через плечо.

— Не теряйте время. Ее здесь нет. Этот жирный армейский идиот до смерти напугал монахов. Если она и была, они унесли ее с собой. Или это не тот монастырь.



— Но это единственная гомпа* в Пемако.

— Поправочка: единственная *известная нам* гомпа. Однако ходят слухи о другом монастыре. — Полковник Жень как-то странно взглянул на коллегу. — Понимаете, о чем я, капитан?

— Да, полковник, конечно. Однако я уверен: это миф. Регион Пемако неоднократно исследовали с воздуха.

— Капитан, ваша вера в наши воздушные силы трогательна, но я не был бы так уверен. Полеты над этими районами невероятно опасны, и даже лучшие исследователи порой поддаются искушению подрисовать свои карты, не рискуя жизнью. Кто их будет проверять-то? Между тем, древние свидетельства о существовании другой гомпы слишком многочисленны и систематичны, чтобы отмахнуться от них.

Полковник Жень выключил фонарь и сокрушенно вздохнул.

— Прошу прощения, капитан, но я хотел бы попросить вас покараулить у двери. Я должен посоветоваться с Оракулом и не хочу, чтобы тупой солдафон прервал меня. До сего момента Оракул успешно направлял нас. Хочется верить, он поможет еще раз — напоследок.

— Слушаюсь, полковник.

Полковник поднял небольшой вещмешок, принесенный ординарцем, и поставил его на стол.

— Какое несчастье, что они убили настоятеля, — проговорил он, развязывая тесемки мешка. — Он был бодхисатвой. Он достиг просветления, однако остался в бренном мире, чтобы помочь другим последовать его путем. Я мог бы часами беседовать с ним о жизни. Быть может, нам даже удалось бы уговорить его помочь... Он мог бы указать нам путь. — Полковник Жень посмотрел на ка-

* Монастырь.

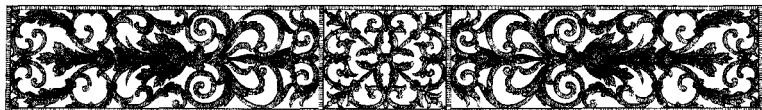
питана и закончил уже деловым тоном: — Это все. Теперь слово за Оракулом.

Капитан щелкнул каблуками, отдал честь, строевым шагом направился за дверь и крепко прикрыл ее за собой.

Оставшись в одиночестве, полковник Жень поднял глаза к заставленным книгами стенам, и хмурая гримаса на мгновение исказила его лицо. Затем он порывлся в мешке, вытащил небольшую обтянутую кожей трубку и изрядно потрепанную книгу. Усевшись за стол, он открыл трубку и высыпал на правую ладонь сорок девять тонких деревянных палочек. Глаза его закрылись, а губы задвигались, словно в безмолвной молитве.

Чуть погодя он сгреб все палочки в пучок, поднес их к краю стола и, раскрыв ладонь, дал им высыпаться на столешницу.

Тяжело вздохнув, он начал кропотливый процесс отбора палочек и постижения смысла узора, который возник при их падении. Поднимая палочки одну за одной, он рисовал на листке бумаги серии маленьких точек и тире. Суть момента была схвачена, теперь должен заговорить Оракул.



Инспектор Лалл говорил и внимательно смотрел на Нэнси. Перед ними на столе лежал сверток из ткани, крепко стянутой обрывком грязной веревки.

— Вот это, — произнес Лалл, — обнаружили неделю назад на теле тибетского монаха-желтошапочника*. А монах был найден замерзшим насмерть в сугробе неподалеку от Маклеод-Гандж в Дхарамсале, на границе с Непалом. Вскрытие показало, что смерть наступила восемь-девять дней назад. Маклеод-Гандж, как вам, вероятно, известно, — это дом родной для ссыльного далай-ламы.

Нэнси протянула руки и взяла сверток. Тот оказался на удивление легким, внутри прощупывалось что-то твердое. Мистер Лалл продолжил:

— Мы полагаем, что монах пытался бежать в Индию через горные перевалы. И, как очень многие до него, погиб. Нам отлично известно, кому на самом деле принадлежало это: вашему предшественнику Антону Херцогу. — Он сделал паузу и добавил с угрозой в голосе: — Вот только предназначалось оно вам. Может, развернете?

Нэнси уставилась на мистера Лалла. Судя по выражению лица инспектора, выбора у нее не было. Что он имел в виду — «предназначалось оно вам»? Она нервно завози-

* Желтая шапка — признак школы гелукпа, по которому ее монахов прозвали желтошапочниками (в противоположность красношапочникам — представителям остальных тибетских школ).

лась с кончиками веревки, чувствуя, как иезуитский взгляд инспектора следит за каждым движением. Лалл вновь гадко усмехнулся.

— Вы ведь уже догадались, что внутри?

Нэнси продолжала возиться с узелком, пропустив его обвинение мимо ушей. Может, они просто собрались засадить ее за решетку или повесить на нее что-то, чтобы манипулировать ею. Полицейский-сикх шагнул вперед и вытащил из кармана нож. Нэнси осторожно перерезала веревку, дав ее концам упасть на стол, опустила сверток на стол и развернула его. Ее глазам предстал прямоугольник из тонкого пластика, чуть крупнее кредитки. Нэнси сразу же узнала бейдж «Интернэшнл геральд трибьюн», на котором рядом с зернистой фотографией черным по белому было напечатано имя: «Антон Херцог».

Она подняла глаза. Мистер Лалл и его коллега не сводили с нее глаз, будто ждали, что она вот-вот выдаст себя малейшим жестом. Очень осторожно она продолжила разворачивать сверток. Ткань раскрылась, и изумленная Нэнси увидела кость животного. Дюймов двадцать длиной, похоже на бедренную. Коричневатая, на вид очень старая, сильно обветренная и шершавая от древности. На одном конце кости имелось грибовидное утолщение, напоминающее вертлужную впадину или фрагмент коленного сустава. И еще нечто — Нэнси могла бы описать это как мундштук, изготовленный из бесцветного металла, чуть более дюйма длиной. Сбоку на нем виднелся незатейливый, но идеально выгравированный глиф: кинжал на фоне свастики*. Символ свастики встречал-

* Эмблема Общества Туле — изображенная на фоне восходящего солнца, в обрамлении дубовых ветвей и в сочетании с коротким мечом (или кинжалом) острием вниз, свастика на эмблеме общества была хотя и левосторонней, но имела совершенно иную форму, чем гитлеровская, и дугообразно загнутые концы (так называемое «солнечное колесо»).



ся в Азии повсеместно, Нэнси знала это. Но она понятия не имела, какой смысл имела комбинация свастики и кинжала. Возможно, символ имел отношение к какой-то древней тибетской буддийской секте или же индийскому царствующему дому.

Под глифом размещались шесть необычных символов — скорее всего, буквы некоего давно канувшего в Лету алфавита. Для тибетских они выглядели слишком примитивно, подумала Нэнси. Может, шумерская клинопись? Нет, вряд ли. Это буквы какого-то азиатского языка — ведь сама кость из Тибета.

Форма букв была примитивной: они состояли из одних прямых линий, без изгибов, словно были предназначены для того, чтобы высечь их на века в гранитной скале либо на золоте, а не писать на бумаге.

Сам мундштук напоминал трубку, какие курили старики в детстве Нэнси. Она смущенно покачала головой, чувствуя на себе недобрую силу взглядов присутствовавших в комнате. Не зная, что еще можно сделать, она взяла трубку обеими руками и всмотрелась более внимательно. Предмет казался ей неприятным, даже отталкивающим, но от него исходила странная энергия. Перед мысленным взором Нэнси пронеслись образы. Расплавленное золото, льющееся где-то в пещере, извергающийся вулкан, башня, безжизненная равнина, истощенный ребенок, бегущий по пустой дороге. Осознанная ясность видений поразила ее. Она несколько раз моргнула, чтобы рассеять их, очень осторожно опустила кость на стол и переключила внимание на ткань. Аккуратно развернув все складки изношенного материала, Нэнси увидела небольшую, размером с игральную карту, фотографию далай-ламы. Она взяла снимок в руки. На тыльной стороне едва виднелась тонкая, как паутинка, нечеткая надпись по-английски: «Для Нэнси Келли. Ганлинг, или костяная труба. Найден Антоном Херцогом. Пемако, Тибет, 17 июня».

У Нэнси перехватило дыхание. От ужаса по телу побежали мурашки. Только усилием воли она заставила себя вздохнуть. Ей не хватало воздуха и страстно хотелось выбраться из этого полицейского участка, бежать прочь из Дели, подальше от этого кошмарного дела Херцога. Если она не сделает этого, она больше никогда не увидит дневного света. Нэнси с ужасом почувствовала, как близко, почти вплотную, к ней подступило зло. Зло пришло за ней.

Вывод напрашивался один: и кость, и остальное содержимое тряпичного свертка предназначалось Нэнси задолго до того, как она получила новую должность. Но как можно на этом строить обвинения — это же смешотворно! Нэнси чувствовала, как смотрит на нее Лалл: он ожидал жеста, знака, малейшего подтверждения ее виновности. Но пленница лишь непонимающе качала головой. Двадцать четыре часа назад она весело попрощалась с друзьями в Нью-Йорке, а сейчас ее привезли в полицейский участок Дели, угрожают арестом и просят объяснить предназначение древней кости.

— Мисс Келли. — Инспектор Лалл впился в нее глазами. — С какой целью мистер Херцог послал это вам? Это его почерк, мы проверили. И с чего это вы заинтересовались старой костью? Вы не коллекционер антиквариата, мисс Келли, в этом я твердо уверен. Так что прошу извинить, но мне не остается ничего, кроме как сделать вывод, что этот предмет представляет для вас ценность иного толка.

Нэнси в отчаянии замотала головой. Она просто не знала, что отвечать. Вот так, наверное, и ломают людей на допросах, подумала она, заставляя их сознаваться в преступлениях, которых они никогда не совершали. Нэнси чувствовала себя разбитой и опустошенной. Ей пришлось сталкиваться с неприветливостью полицейских, но то было в Америке, где она знала свои права и, буду-

чи журналисткой крупной газеты, не сомневалась, что в конечном счете ее обеспечат лучшей юридической защитой. Здесь же, в Индии, втянутая в шпионское дело, она оказалась полностью бесправной. Если расследование обернется против нее или инспектор Лалл сочтет это необходимым, она еще очень долго не увидит света дня.

Лалл вновь оттолкнул стул, встал и принялся неторопливо кружить по комнате. Второй дознаватель не сводил с Нэнси пристального взгляда из-под тяжелых век. Снова повисла долгая, нагоняющая жуть пауза. Нэнси мучительно пыталась придумать выход. Когда заговорил Лалл, его голос казался усталым.

— Мисс Келли, возможно, это некое послание, сообщение? Условный сигнал? Вы очень многим облегчите жизнь, если пойдете нам навстречу. Не исключено, что мы даже поможем вашему другу мистеру Херцогу. Ведь вы хотите этого? Если сообщите, как с ним связаться, или укажете его местонахождение, мы не только найдем и спасем его, но и прекратим дальнейшее уголовное расследование в отношении вас. Как вам такой вариант?

Инспектор вновь взгляделся в ее лицо. А ей ничего не оставалось, как опустить голову.

— Мисс Келли, буду с вами откровенен. Мы считаем, что ваш коллега по-прежнему жив и находится в Тибете. У нас отличная разведка, и согласно ее данным, мистер Херцог вошел на территорию системы долин Пемако более двух месяцев назад и до настоящего времени не вышел. А пока мы тут с вами теряем время, его могут выследить китайцы. Ради его же блага я могу лишь надеяться, что они не схватят его живым. По ту сторону Гималаев не действуют Женевские конвенции. Я твердо уверен, что мистер Херцог предпочтет встретиться с индийским правосудием, а не с китайским. Ну а если вы не поможете нам, мы не сумеем помочь ему. Спра-

шиваю в последний раз: что означает эта костяная труба и как можно связаться с мистером Херцогом?

Давление становилось невыносимым, и все же инстинкты Нэнси подсказывали: несмотря на свой страх и опасность ситуации, она должна играть роль американки, негодующей и оскорбленной проявленной к ней несправедливостью. Это ее единственная защита. Очень медленно выговаривая слова, будто обращалась к маленькому ребенку, Нэнси заговорила:

— Я тоже буду с вами предельно откровенна, инспектор Лалл. Я ни черта не понимаю, что все это значит. Не имею ни малейшего представления. Вы взяли не того человека, и содержание меня под стражей не исправит вашей ошибки. Советую вам либо сейчас же официально предъявить обвинение по сфабрикованному вами делу, либо немедленно меня отпустить. В противном случае, когда я выберусь отсюда — а я, черт бы вас побрал, это сделаю! — я позабочусь о том, чтобы вас и вашу агрессивную, построенную на угрозах, тупую и никуда не годную пародию на полицейскую работу месяцами полоскали во всех газетах мира.

На этот раз, похоже, взрыв возмущения сработал. Инспектор Лалл на минуту погрузился в задумчивость, сделал резкий вдох и с гадливым выражением лица ответил:

— Замечательно. Вы свободны. Пока. Но учтите, я оказываю вам любезность. Я мог задержать вас на тридцать дней по Закону о терроризме. Вы освобождаетесь бессрочно под поручительство, но вам запрещено покидать Дели. Понятно?

Избегая его взгляда, Нэнси кивнула, но внутри ее все ликовало. Она посмотрела на адвоката: судя по всему, поворот событий изумил его больше, чем ее.

Мистер Лалл повернулся к полицейскому-сикху:

— Отведите ее в приемник, верните телефон и бумажник, выпишите документы об освобождении под поручительство. Кость отдайте ей. Она принадлежит редакции ее газеты.

Не говоря ни слова — вдруг Лалл передумает? — Нэнси взяла грязный тряпичный сверток и следом за полицейским направилась к выходу.

Капитан Хундалани вернулся в комнату для допросов и тихо прикрыл за собой дверь. Прежде чем он раскрыл рот, Лалл обратился к нему:

— Хундалани, постарайтесь не упустить ее. — Инспектор раздраженно потер ладони. — У нее единственная наша улика. Крайне рискованная стратегия.

— Слушаюсь, сэр.

— Ключом ко всему может оказаться кость. Уверен, журналистка в итоге приведет нас к нему.

С этими словами Лалл резко поднялся. Он устал и хотел поскорее выйти из душной комнаты для допросов.

— Вы всерьез считаете, что она его сообщница, сэр? — нервно спросил Хундалани.

— Возможно, да. Возможно, нет... Но эта кость означает что-то важное. В этом я твердо уверен.

И тут, впервые на памяти капитана Хундалани, инспектор Лалл посмотрел ему прямо в глаза и улыбнулся. Улыбка была настолько неожиданной и неуместной, что капитан вздрогнул.

— У нас ни единой зацепки, капитан. Посмотрим, что предпримет наша звезда-журналистка. Вдруг именно она поможет нашему расследованию.



— Как вы могли отправить меня сюда?!

Нэнси почти кричала в телефон. Охранники на ступенях полицейского участка заворуженно глядели вслед удалявшейся по тротуару журналистке. Многочисленные прохожие расступались перед ней, лавочники и торговцы оборачивались и провожали взглядами. А на другом конце линии, в Нью-Йорке, редактор «Триббюн» Дэн Фишер пытался ее успокоить.

— Нэнси, я же понятия не имел. Знаешь, ко мне сегодня приходили из ЦРУ. Дай мне объяснить...

— Ну да, только тебя не арестовывали, не возили в участок и не угрожали сроком в двадцать пять лет в тюрьме в Калькутте. Или проказой. Хочешь побыть в камере с прокаженными?

— Нет. Но послушай, Нэнси...

— Как ты мог послать меня сюда? А в следующий раз сделаешь ход посильнее и отправишь в Северную Корею?

— Нэнси, прошу тебя, позволь мне объяснить...

Сделав над собой усилие, Нэнси замолчала в ожидании извинений.

— До сегодняшнего утра я был в полном неведении относительно всего этого. И ни за что не отправил бы тебя в Индию, если б знал, что газета втянута в шпионский скандал между Индией и Китаем. Что касается Антона, это полный бред.

— Расскажи это местному гестапо.

— Слушай, индусы и китайцы — параноики. Они постоянно нагоняют страху друг на друга и ищут повод для придираков.

Нэнси промолчала.

Дэн Фишер продолжил:

— Так вот, утром меня подняли с постели два офицера ЦРУ и заявили, что обязаны нанести мне визит, поскольку их индийские коллеги запросили сведения о Херцогe. Они сказали, что не верят обвинениям, так как, по их данным, Херцог никогда не сотрудничал с разведслужбами. Я сказал, что тоже уверен, что дело сфабриковано. Антон мой друг, я знаю его много лет. В жизни не слышал большей нелепости.

— Если он твой друг, почему ж ты не пытаешься отыскать его?

Нэнси яростно замахала приближающемуся такси — машина скользнула к тротуару и притормозила рядом. Она открыла дверь и забралась внутрь.

— Секундочку, Дэн... Отвезите меня, пожалуйста, в офис редакции «Интернэшнл геральд трибьюн» на Акбар-стрит.

— Нэнси, это ведь не первая «самоволка» Антона. Все очень даже в его духе.

— Но не на три месяца, Дэн.

— Знаешь, ЦРУ откровенно дало понять: самое лучшее сейчас — ничего не предпринимать.

— Очень удобно — для тебя.

— Перестань, Нэнси. Это нечестно.

До Нэнси вдруг дошло, что она по-прежнему сжимает в руках грязную тряпку с завернутой в ней жуткой костью. Это обстоятельство очень смутило ее. Она почувствовала: бог знает почему, но ей не хочется сообщать Дэну Фишеру о костяной трубе. Следом она ощутила огромное желание попросить водителя отвезти ее куда-нибудь

в другое место, подальше от редакции, от истории с Херцогом — туда, где можно спокойно подумать и разобраться, что, в конце концов, происходит.

— Слушай, Дэн, я сейчас поеду в редакцию или еще куда-то, где меня не будут доставать и арестовывать. Позже перезвоню.

— Конечно, Нэнси. Но ты в порядке?

— Ага, настолько «в порядке», насколько может быть в порядке человек, которого выдернули из ступора десинхроза*, привезли на допрос и пригрозили пожизненным заключением.

— Мне жаль... Нет, правда, очень жаль. И прошу тебя, пожалуйста, успокойся. Мы делаем все возможное, чтобы уладить этот вопрос. Глава комитета международных отношений в сенате свяжется с индийским послом. Постарайся успокоиться, набросай рассказик в местном колорите, чтобы как-то отвлечься. Ну, например, о слонах или о земледелии... Очень скоро мы все проясним. Обещаю. Очень важно, чтобы ты оставалась там. Антон всегда хотел, чтобы именно ты заменила его, если он вдруг пропадет без вести. Сделай это ради него.

У Нэнси вдруг закружилась голова.

— Что ты имеешь в виду? Это он велел тебе послать меня сюда?

— Он. Я обычно советуюсь с руководством, кого бы они порекомендовали на вакансии региональных представителей редакции. Антон постоянно твердил, что ты — идеальная кандидатура для работы в Южной Азии.

— Да он не знал меня совсем! А я видела его лишь изредка. И парой слов с ним не перекинулась...

— Ну газету-то он читает, согласна? И твои статьи не пропускает.

* Синдром десинхронизации физиологических циклов после трансмеридиональных перелетов.

— Значит, он был в курсе, что я еду в Дели?

— Да откуда? Мы с ним не общались с тех пор, как он пропал. Я хотел сказать, что Антон всегда рекомендовал мне тебя. И очень настоятельно, словно, кроме тебя, с этой работой не справился бы никто. Потому я и обрадовался, когда понял, что ты тоже хочешь этого.

Нэнси в замешательстве покачала головой: Дэн Фишер не знал, что костяную трубу прислали именно для нее, он не был посвящен в инсинуации инспектора Лалла. Она склонялась к мысли, что Херцог все же знал — каким образом, неясно — о ее прибытии в Дели. Может, он был уверен в силе своего влияния на редактора, достаточной для выбора кандидатуры Нэнси. Может, он сознательно шел на риск — вдруг выгорит. Чтобы удивить ее, запутать, сбить с толку. Вот только зачем, с какой целью? Смысла она не видела. На мгновение Нэнси замутило, а потом напала странная апатия — будто ею управляли силы, недоступные пониманию. Она вспомнила свое необъяснимое стремление отправиться в Индию, яркие и повторяющиеся сны о горных зеленых долинах Тибета. Вспомнила, что именно Херцог выдвинул ее на репортерскую стипендию в Сорбонне и, выходит, на эту должность тоже... Но в следующую секунду она припомнила, как и почему ее только что выпустили из полиции, и гнев охватил ее снова.

— Весьма польщена... Еще не знаю, черт побери, что обо всем этом думать, но потрясена до глубины души. Очарована и счастлива! Раз уж я такая важная шишка, задам тебе вопрос, который вертится у меня в голове: почему бы нам просто не тиснуть в печать материал об исчезновении Антона? Поведаем всем о его пропаже, расскажем людям, что индийская полиция работает «без тормозов»? Раздуюм уголек.

— Нэнси, пожалуйста, потерпи немного. Да, со временем можно будет применить такую тактику. Но в дан-

ный момент мы нуждаемся в помощи местной власти. Не время сейчас раздражать их.

— Уверяю тебя, инспектор Лалл и его дружки уже выказали ко мне предостаточно раздражения. Я не понимаю тебя, Дэн. Антон твой друг, он член нашей команды, а ты бросаешь его на произвол судьбы.

— Нэнси, тебе придется смириться с моим требованием. Я тебя понимаю, но прошу поверить: я знаю, что делаю. Постарайся успокоиться. Обещай, что ты сделаешь хотя бы это.

— Ну конечно, я успокоюсь. Направлю свои стопы напрямик в Кералу*, где погружусь в йога-ретрит и займусь сравнением Аштанги** с Натхой***, если ты этого хочешь. Только прошу тебя, дай мне знать, если появится что-то новое. А если от меня долго не будет вестей — ты знаешь, где меня искать. В этой чертовой тюрьме в Калькутте.

Дэна Фишера, по-видимому, заголовки передовиц волновали больше, чем что-либо иное, подумала Нэнси. «Журналист-перебежчик из “Трибьюн” арестован за шпионаж!» — едва ли такое понравится акционерам. Херцог всегда был рискован парнем; Нэнси казалось, что Фишер, долгие годы работая с ним, занимался своего рода пожаротушением. Ей нравился Дэн Фишер. Возможно, он даже мог бы стать ее другом. Сорокадвухлетний, не намного старше ее самой, Дэн был классным журналистом — воплощение активности, неутомимого трудолюбия и бесстрашия. Они с Нэнси имели много общих друзей. Веселый, порывистый и исключительно ми-

* Штат на юге Индии.

** Аштанга-виньяса-йога — одна из самых эффективных систем хатха-йоги.

*** Натха, или Натх-йоги, — имя бога Шивы, которого в Индии называют также Адинах. Тех, кто почитает в Индии Шиву Адинах, называют натхами.



лый Дэн закатывал грандиозные вечеринки и очаровывал буквально всех. Он включался в борьбу очень осторожно и отлично знал, что мог потерять все: честь фирмы всегда на первом месте, и акционеры не захотят крупного публичного скандала с китайским и индийским правительствами... Нэнси резко сменила направление мыслей. Шумиха может привести к цепной реакции и спровоцировать правительства других стран лишить газету поддержки. От этого серьезно пострадают продажи.

Нэнси тяжело вздохнула и прикрыла глаза. Дневной зной закипал, и она чувствовала, как по шее стекает струйка пота. Она бы сама сделала материал о Херцоге, но что толку? Дэн наверняка его «зарезжет». Будучи изворотливым и проницательным, он чуял, что иметь дело с Херцогом стало опасно. У него был план, но уж точно не для обнародования в международном масштабе. Откинув голову на спинку засаленного кожаного сиденья, Нэнси чувствовала себя уставшей и напуганной, но все-таки радовалась тому, что не попала на место Херцога, который представлялся ей одиноким и всеми забытым, крайне нуждающимся в дружеской поддержке. Несмотря на слова Дэна Фишера о нежелательности противодействия властям, совесть не позволяла Нэнси забыть о судьбе Антона Херцога.



Молодая тибетская женщина в сумерках торопливо пересекла поляну в джунглях, пригнув голову под струями неугомонного ливня и сжав в кулак ткань шали на груди. Это была деревенская учительница, обучавшаяся на курсах медсестер в Лхасе. Она только что отошла от самодельных носилок с чужестранцем. На его тело набросили голубую пластиковую пленку, лоб укутали мокрым полотенцем, прикрывавшим глаза и переносицу, белые руки сложили на груди, как у павшего воина-викинга, ожидающего прощального ритуала погребального костра. По периметру поляны маленькими группками расположились монахи — кипятили у костров воду для чая с маслом яка*.

Женщина пригнулась между ветками деревьев под брезентовым навесом, дававшим слабое укрытие от нескончаемого дождя. Она поклонилась помощнику настоятеля и опустилась на колени на коврик из ячьей шерсти. Старый лама махнул двум сидящим подле него монахам, приказывая им удалиться. Монахи поспешно поднялись и быстро пересекли поляну, чтобы присоединиться к пившим чай. Лама подался к женщине. В голосе его звучала тревога, граничащая с отчаянием.

* Чайный напиток в Тибете называется часуйма и представляет собой крепкий кирпичный чай, в который добавлены сливочное (обязательно топленое) масло яка и соль по вкусу.

— Ну как, он что-нибудь сказал?

Лицо девушки тоже было взволнованным.

— Он весь горит, доктор очень обеспокоен.

— Так сказал или нет?

Девушка никак не решалась ответить, опасаясь сделать что-то не так.

— Да... Правда, я не уверена. Я не совсем разобралась... Он бредит. У него галлюцинации: ему мерещится что-то, чего здесь нет.

— Расскажи мне все. Какие слова он произносил? Назвал ли он свое имя?

Девушка смутилась.

— Нет, лама. Иногда он говорит по-тибетски. Произносит слова вроде тех, какие говорят монахи во время молитв. Потом вдруг перескакивает на другие языки, которых я не знаю, а иногда на английский. Он бредит. По-моему, он зовет людей. Ему очень больно. Но один раз, когда мы остановились у водопада, он улыбнулся и посмотрел на меня, будто очнулся. В тот момент он был счастлив. Он взял меня за руку и повторял одно и то же: «Шангри-Ла... Шангри-Ла... Шангри-Ла...»

Монах почувствовал, как сердце его замерло, а потом встрепенулось с гулким ударом и резкой болью, словно пронзенное тупой иглой. Пытаясь сохранить самообладание, он кивнул и с напряженным выражением лица проговорил:

— Прислушивайся. Ухаживай за ним хорошенько. Попробуй разговорить его.

— Хорошо, лама. Я не отойду от него ни на шаг.

Девушка поднялась на ноги, собираясь уходить, но вдруг остановилась.

— Лама... А что это означает — «Шангри-Ла»?

— Не бери в голову, девочка, — ответил старый лама. — Просто не отходи от него и сообщай мне все, что бы он ни произнес.

Она поклонилась и вышла. По навесу барабанил дождь. Шангри-Ла! Лама слишком хорошо знал, что означают эти слова. Так люди западной цивилизации называли Шамбалу, таинственную страну в Гималаях, затерявшуюся где-то в долинах к западу. Лишь горстка лам издревле хранила тайну опасного пути к ней. Самому настоятелю было запрещено даже приближаться к этому пути.

Лама перевел взгляд на незнакомца, лежавшего недвижимо на другом конце поляны, после чего закрыл глаза и приготовился к медитации.

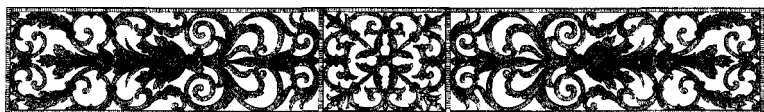
Перед его мысленным взором явились духи. Видения давным-давно умерших лам пришли к нему: великие ламы, бывшие его учителями в детстве. В голове зазвучали их голоса, будто он вернулся через годы назад и сидел у их ног. Как-то раз в монастыре Кайлас престарелый лама рассказывал ему, что страшная война разразилась на землях Запада, далеко-далеко за Гималаями. В те годы казалось, что весь мир балансирует на грани, что он готов уйти на темную сторону, что солнце закатится и мир больше не увидит его. Пришли какие-то белые люди искать дорогу в царство Шамбалу. Они намеревались явиться туда и просить царя о помощи. Ламы попытались помочь белым людям в их поисках, и это было страшной ошибкой. Ламы не понимали, что белые люди пришли из другого мира, погрязшего в крови. Не следовало вступать с ними в сговор. Не следовало помогать им. Те люди несли гибель.

Помощник размышлял и пытался урегулировать дыхание, но каждый раз, когда он намеревался приступить к медитации, в памяти всплывало слетевшее с губ чужестранца слово: «Шангри-Ла».

Его обуял отчаянный порыв вскочить, перебежать поляну и оттащить ужасного незнакомца вниз к реке. Там

надо выйти на середину потока, подталкивая перед собой носилки с телом, а затем ледяные гималайские воды подхватят и унесут прочь этот кошмар — вниз по течению, к водопаду, к Индии и дальше, дальше...

Однако настоятель велел ему позаботиться об этом человеке. Вопреки всему, что стало известно, лама обязан защитить и спасти этого белого. Он содрогнулся и подумал: о, если бы настоятель был здесь и сам слышал те слова...



Уже минула середина дня, когда Нэнси Келли пришла в офис редакции «Интернэшнл геральд трибьюн» на Акбар-стрит. Почти час такси пробивалось по городу, уворачиваясь от запрудивших улицы рикш, коров, нищих и разномастных полуживых от старости автомобилей, заполнявших все городские артерии Дели. Простившись с Дэном, Нэнси сразу же набрала номер делийской редакции.

Вымотанная поездкой, в ожидании соединения она глядела в окно и гадала, за что братья в первую очередь. Одетые в лохмотья жители Дели боролись за выживание. Вот тащится старик с тысячами сплюснутых пластиковых бутылок, и его измученное заботами лицо — карта разбитой жизни; вот на въезде в соседнюю улицу стоит корова, поток движения вынужден огибать ее, и машины едва не задевают прилавок рассвирепевшего торговца овощами. Нэнси машинально наблюдала за этими сценами, едва замечая их. Единственное, на что она была сейчас способна, — это снова и снова прокручивать в голове допрос и нервно сжимать лежащий на коленях сверток. Что же такого мог натворить Херцог, спрашивала она себя, чтобы напугать службы безопасности двух могущественных стран? Брал интервью не у тех людей? Переправлял политические документы для тибетских

радикалов? Это не укладывалось у нее в голове: в наши дни надо быть совсем уж зеленым новичком, чтобы попасться на таких делах, а Херцог, как никто другой, чуял ловушки за версту.

Еще одно не давало Нэнси покоя — слова инспектора Лалла о том, что Херцогу будет выгоднее отвечать за свои действия в Индии, чем в Китае. Ей становилось худо при мысли о том, что может произойти с Антоном, если его схватят по ту сторону границы, неважно, виновного или нет. Ей вспомнилась статья, которую ее коллега как-то написал о технике допросов во времена культурной революции. Этого было вполне достаточно, чтобы потерять остатки веры в человеческое милосердие.

Наконец-то телефон соединился. Трубку взял и энергично ответил Кришна Мертхи, тридцатидевятилетний индеец, славившийся среди азиатских корреспондентов «Трибьюн» эрудицией и осведомленностью. Как-то раз в Нью-Йорке, до отъезда в Дели, Нэнси обедала с коллегами, недавно закончившими работу в делийском филиале. На ее вопрос, к кому там стоит присмотреться, все в один голос заявили, что ключ к успешному сотрудничеству — Кришна Мертхи. Он работник высшей пробы, сказали ей. Мастер на все руки, как говорили раньше, и приверженец традиционных идеалов. И вот, держа телефонную трубку влажной от пота рукой (вторую руку она по-прежнему не отрывала от странного свертка), Нэнси назвала Кришне Мертхи свое имя и извинилась за то, что сразу не дала о себе знать.

— Я все объясню на месте. — Она дала отбой прежде, чем связь прервалась.

Наверняка, подумала Нэнси, Кришна Мертхи сможет пролить немного света на загадочную деятельность Антона Херцога.

Кришна Мертхи ждал ее, когда она открыла дымчатую стеклянную дверь кабинета. Элегантно одетый, худощавый, он протянул ей руку и проговорил:

— Мисс Келли, очень рад вас видеть. Буквально сразу после вас мне позвонил Дэн Фишер.

Кто б сомневался, подумала Нэнси. Не иначе, велел убедиться, что я никуда не сорвусь из Дели и не сотворю ничего опасного для него.

Кришна продолжил:

— Он мне все рассказал. Мне очень жаль, что ваше знакомство с Индией получилось вот таким.

Кришна провел ее в комнату. Со своими умными глазами и добрым лицом он вносил спокойствие в обстановку кабинета — заваленные документами два стола, несколько телефонов и компьютеров, — выглядевшего так, словно здесь только что провели обыск. Перед столами громоздился большой, изрядно потертый кожаный диван, почти скрытый под кипами журналов. Кришна устремился вперед и расчистил местечко для Нэнси, без сил рухнувшей на диван. Пока она приходила в себя, Кришна пробрался через завалы, прошел меж двух столов к открытому дверному проходу, за которым находилась вторая комната. Обращаясь к кому-то в той комнате, он быстро проговорил что-то на хинди и повернулся к Нэнси.

— Я попросил принести чаю. А еще я звонил в штаб-квартиру Корпуса иностранной прессы и попросил их обратиться с жалобой в правительство. И подал официальную жалобу министру внутренних дел от имени газеты.

— Спасибо, — поблагодарила Нэнси. — Я безмерно рада просто выбраться оттуда.

— Хотите что-нибудь съесть? Вы наверняка голодны. Сомневаюсь, что вам предлагали перекусить в полицейском участке.



— Да, спасибо, я бы с удовольствием перекусила. Что угодно...

Несколько мгновений спустя из смежной комнаты появилась женщина. Она несла поднос с большим стаканом воды, чашкой чая и двумя свежее испеченными самосами*. Нэнси с жадностью принялась за еду. Кришна вытянул из-за стола кресло и с сочувствием поглядывал на нее, потягивая чай. Он ждал, когда она заговорит. Нэнси вытерла рот салфеткой и попыталась привести мысли в порядок.

— Кришна, спасибо вам огромное. Простите, если веду себя немного дико.

— Не говорите глупостей. Хотите еще что-нибудь?

— Нет-нет, все замечательно. Вот чего бы я хотела, так это узнать побольше об Антоне Херцогe.

Кришна осторожно кивнул. Она продолжила.

— Вы можете помочь?

Он смутился, словно предпочел бы услышать от нее просьбу о чем-то более привычном: как организовать экскурсию по Дели, где лучше покупать продукты или в каком ресторане питаться.

— А что конкретно вы хотели бы узнать?

— Вы работали с Антоном бок о бок. Вы должны лучше других знать его привычки, предпочтения, планы.

— Не так хорошо, как вы думаете. Да, я много лет проработал с ним...

Кришна замолчал. Надеялся, что она сменит тему, догадалась Нэнси. Однако делать этого она не стала, терпеливо ожидая продолжения.

Кришна поерзал в кресле и проговорил:

— Скажу откровенно, Антон человек довольно странный.

* Пирожки с овощами (индийская кухня).

— А в чем это выражалось?

— Понимаете, Антон любит Индию, в этом нет сомнения. Он искренне верит в Индию, отчаянно хочет рассказать миру об Индии и убедиться, что слова его дойдут до наших сердец... Но он из тех людей, кого понять нелегко. Порой бывает холоден...

— Холоден?

— Нет, это не совсем подходящее слово. Простите, я не очень-то ясно выражаюсь. Не хочу сказать, что Антону не хватает дружелюбия: он вполне дружелюбен, я несчетное количество раз наслаждался его гостеприимством, он был моим наставником. Я должен молиться за него — он был превосходным боссом. Однако есть в нем еще кое-что... непостижимое. Боюсь, только такими словами я могу объяснить это.

— Как вы думаете, почему он исчез?

— Не знаю. Именно это я и пытаюсь сказать. Правда, я не так близко знаю Херцога, несмотря на всю его доброту и на то, что все эти годы мы провели рядом.

— Неужели он никогда не заговаривал о своей личной жизни?

— Никогда. Ни о чувствах, ни о прошлом, ни о семье. Я могу рассказать о его привычках: где выпивал, какой раздел газеты читал первым каждое утро, как бросил пить кофе на три месяца, а затем три месяца пил его постоянно. Я знал все его слабости и стереотипы, но его внутренний мир был для меня закрыт. Лишь однажды, в самом начале своего пребывания здесь, Антон упомянул о своей семье. Он сказал, что отец умер до его рождения — погиб в тысяча девятьсот сорок четвертом году в Сталинградской битве*, а мать эмигрировала из их родного города Мюнхена в Аргентину. Впоследствии он

* Здесь и далее — ошибка автора. Даты начала и окончания Сталинградской битвы: 17.07.1942–02.02.1943.

никогда не вспоминал о своих родных, а я, разумеется, не настаивал.

Кришна переложил кое-какие документы на столе и достал потускневшую серебряную рамку с выцветшим черно-белым фотографическим портретом.

— Это его мать, Анна Херцог.

Нэнси подалась вперед и внимательно вгляделась в фотографию. Женщина средних лет в белой закрытой блузе, красивая, со светлыми волосами, стянутыми в пучок, темными глазами и высокими скулами; кожа очень бледная, полупрозрачная. Нэнси взяла у Кришны снимок.

Какое горе — потерять мужа, не успев родить ребенка. Каково это — растить дитя, зная, что муж не вернется, а Европа в огне? Анна Херцог, наверное, была сильной женщиной — такой она и выглядела, несмотря на нежный облик. Но тогда очень многие оказались в ее положении. У людей того времени притязания были скромнее: они хотели выжить и избежать ужасов войны. Величайшей победой было выжить. Продлить жизнь хотя бы на один день. Нэнси опустила фотографию на стол.

Кришна продолжил:

— Странное дело: хотя воспоминаний о Германии у Антона не сохранилось и провел он в этой стране лишь первые несколько недель жизни, он всегда оставался настоящим немцем.

Кришна встал и подошел к столу Херцога, так завалявшему бумагами, будто перед отъездом их владелец вытряхнул из ящиков все документы.

— Судите сами: стихи Гёте, поэмы Шиллера, Ницше — «Так говорил Заратустра».

Нэнси тоже поднялась на ноги и пригляделась к столу Херцога — там в беспорядке были разбросаны потрепанные томики немецких классиков. Это наводило на мысль, что здесь работал человек, страдающий носталь-

гией. Нэнси представила себе, как он слушает сюиты для виолончели Баха и читает «Фауста» поздней ночью, мысленно уносясь далеко-далеко от знойной и душной Индии.

Кришна продолжал рассказ. Он заметно увлекся, будто в одно мгновение забыл наставления Дэна Фишера.

— Дело не только в книгах. Его душа и характер были истинно немецкими. Я считаю, что Антон обладал всеми положительными качествами, присущими немцам: азартом, строгостью и огромным энтузиазмом. Когда он отстаивал свою точку зрения, это напоминало стихийное бедствие. А когда рассказывал о Вселенной и роли человечества в жизни планеты, то походил на настоящего гуру. — Кришна поднял на Нэнси глаза и улыбнулся. — Только немец способен на такое! А еще он был музыкален, очень музыкален. Прирожденный пианист.

Нэнси задумалась. Жизнь порой так жестока к людям: разрушает их семьи, вынуждает покидать родину и разрывать семейные узы. Херцог был легендой для многих, однако сейчас, обводя взглядом беспорядок на его столе, навевающее печаль фото его матери и коллекцию немецких книг, Нэнси видела человеческую сторону легенды, и у нее отчего-то возникло убеждение, что он был глубоко несчастен.

— У Антона была подруга?

Странно спрашивать такое о человеке, которого она боготворила.

— Нет. Я не в курсе. Во всяком случае, ничего серьезного не было.

Нэнси вновь выдержала паузу, однако Кришна не захотел развивать тему.

— Вообще никого?

— Антон не гей, если вы это имеете в виду. Подружки у него появлялись, но не часто и не всерьез. Такого рода,

что их не назовешь интеллектуальными компаньонами. Были и другие женщины...

Нэнси тяжело вздохнула, ничего не понимая. Разве «немецкая натура» Антона или что-то другое имеют отношение к тому факту, что ее потащили в участок, обвинили в тайном сговоре с ним и в шпионаже? Грустный пожилой человек, одиночка, влюбленный в Тибет. Что же еще они хотели узнать? Возможно, больше ничего и нет. Затем ее взгляд вдруг упал на самую потрепанную книгу, удостоенную места в центре стола. Похоже, этот том листали с завидной регулярностью.

— А это?

Кришна посмотрел на Нэнси.

— Это «Ицзин», или «Книга перемен». Вне зависимости от обстоятельств Антон пользовался ею каждый божий день.

— Я слышала о ней. Это ведь книга для гаданий?

— Что вы, это не просто книга для гаданий. Скорее, это библия Азии.

Нэнси смутилась. Она мучительно сознавала свое невежество в отношении Индии и азиатской культуры.

— В самом деле?

— Да, это судьбоносная книга.

— Вот как? О чем же она?

Кришна немного помедлил, затем решительно проговорил:

— Ни о чем конкретно. Это книга-пророк. Оракул.

Нэнси с трудом удалось скрыть скептицизм:

— Оракул? Значит, книга помогает вам вглядываться в будущее? Вроде гороскопа?

Кришна неодобрительно поцокал языком, и Нэнси поняла, что книга ценилась гораздо выше, чем гороскопы на Западе.

— Извините, пожалуйста, — поспешила сказать она. — Простите меня за эти расспросы.

Кришна улыбнулся:

— Этой книге безгранично верят. Это могучая сила в современной жизни жителей Востока. Правительство Японии в трудные времена нередко обращается к ней, а все ведущие бизнесмены Гонконга и Сингапура постоянно используют Оракул. Мне кажется, и на Западе она становится все более популярной.

— Невероятно...

Нэнси с трудом могла представить себе преуспевающих бизнесменов и политиков, сверяющих свои шаги с гадательной книгой. С другой стороны, многие политики на Западе прибегали к гаданию, хотя старались не афишировать это.

— Разрешите взглянуть?

Кришна взял со стола книгу и передал ей. Борясь со скептицизмом, Нэнси полистала ее и раскрыла наугад. Наверху страницы располагалась странная схема из шести прямых линий, расположенных друг над другом, каждая около двух дюймов длиной. Одни линии были сплошные, другие прерывистые. Под схемой было название, а под названием — непонятный текст, напомнивший ей шарады, которые она разгадывала в детстве. Кришна вытянул руку и указал на изображение.

— Это гексаграмма. Есть шестьдесят четыре комбинации из шести прерывистых и сплошных линий, что в итоге составляет шестьдесят четыре возможных во Вселенной гексаграмм. Каждая имеет свое имя и обозначает одну из шестидесяти четырех стадий в бесконечном цикле перемен, воздействующем буквально на все в мироздании. В любой момент можно определить, на каком этапе цикла мы находимся, стоит лишь составить гексаграмму и найти в книге ее определение. Видите, текст под гексаграммой поясняет ее смысл. Если хотите посоветоваться с Оракулом, вы должны задать ему вопрос, а затем создать гексаграмму. В давние времена это про-

делывали, высыпая на пол сорок девять стебельков тысячелистника. В зависимости от того, как они упадут, стебельки представляли одну из шестидесяти четырех гексаграмм. Однако в наши дни люди в большинстве случаев шесть раз подбрасывают монету: орел — прерывистая линия, решка — сплошная. Гораздо проще.

— Для чего же эту книгу использовал Антон? Довольно странное занятие, если учесть, что оно принадлежит культуре другого народа. И где он научился этому?

— Не знаю. Однако он всегда советовался с Оракулом. Между прочим, многие ищут и находят в этой книге утешение и надежду.

— Но ведь ее рекомендации основаны на случайных комбинациях?

— Так, да не совсем. В природе не бывает чистых случайностей. К примеру, поток воды или рисунок волокон на деревянной доске — он кажется произвольным, бессистемным, а на самом деле подчинен порядку, не доступному нашему пониманию. Это «упорядоченный хаос», его принципы ускользают от нас, но не от Оракула. Древние китайцы называли это основополагающим порядком внутри беспорядка — Ли. Некоторые считают, что Оракул преобразует Ли в слова так, чтобы можно было понять, где твое место в постоянном процессе космических перемен, и предпринять соответствующие действия. Выходит, когда внемлешь Оракулу, внемлешь голосу Вселенной. Так, по крайней мере, говорят мудрецы...

Кришна захлопнул книгу и поднял взгляд на Нэнси.

— Антон неплохо знает культуру Востока, в особенности тибетскую и китайскую. Он должен был знать о Ли, а это значит, что Оракул для него полон смысла. Полагаю, о книге он узнал во время путешествий.

Да, странный человек, подумала Нэнси. Странный и загадочный. У Нэнси не возникало сомнений в собственной культурной принадлежности, но Херцог казался

личностью куда более сложной. Его склонность к соби-
ранию безделушек иной мог бы осудить как признак не-
уверенности в себе или потери корней. Но Антону это
абсолютно не подходило: он был весьма харизматичным,
цельным, сильным и властным, он производил незабы-
ваемое впечатление на каждого, кто знакомился с ним.
Но знал ли кто в редакции, каким он был на самом де-
ле? Нэнси взгляделась в гексаграмму. Неужели эта схема
способна открыть будущее? Может ли в кратких изре-
чениях таиться хоть частица правды?

Нэнси нахмурилась.

— И что, Антон пользовался книгой каждый день?

Кришна кивнул. Нэнси опустила глаза и принялась
разглядывать потертый кожаный переплет загадочной
книги. Не говоря ни слова, она вернула Оракул на ме-
сто в центре стола. Ей показалось, что она держит спя-
щее животное и боится его пробуждения. Как толь-
ко она положила книгу, Кришна встал.

— Я покажу вам кое-что, чтобы вы поняли Антона
чуть лучше. Это фрагмент видеоматериала, который он
отснял когда-то давно. Он на DVD в соседней комнате.
Погодите секундочку, принесу.

Стоило Кришне выйти из комнаты, и взгляд Нэнси
вновь устремился к книге. Оракул завладел ее вообра-
жением, и она гадала, что предпринять дальше. Мысль
о том, что с помощью книги можно услышать таинст-
венный голос Вселенной, казалась невероятной и очень
привлекательной. В это мгновение Нэнси забыла о суро-
вом испытании в полицейском участке, она даже пере-
стала думать о судьбе Антона Херцога. Ее интересова-
ло одно: «сработает» ли Оракул.

«Ну какой вред может причинить книга?» — спро-
сила себя Нэнси, усевшись в кресло Херцога и подвинув
«Ицзин» в центр стола.

Она положила на обложку ладонь левой руки, словно предстала перед судом и давала клятву на Библии. Затем не спеша обдумала свой вопрос.

«Оракул, ты действительно можешь помочь? Ты имеешь доступ к вселенской истине?»

Затем, следуя инструкциям Кришны, шесть раз подбросила монетку и записала результаты на клочке бумаги, после чего составила свою первую гексаграмму. Минуту Нэнси изучала рисунок, не находя в нем никакого смысла: просто «стопочка» горизонтальных линий, прерывистых и сплошных. Тогда она обратилась к таблице и стала искать свою гексаграмму.

Это была гексаграмма номер 50, «Жертвенник». Ниже следовало загадочное заключение.

50 — ДИН — ЖЕРТВЕННИК

Жертвенник наполнен.

У моих противников нужда.

(Но до) меня (им)

не достигнуть. — Счастье.

Ушки жертвенника изменены.

В этом действии (будут) препятствия.

Жиром фазана не питаешься.

Как только (будет) дождь,

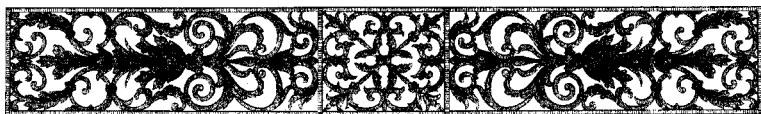
(так он и) иссякнет. — Раскаяние.

(Но) в конце концов — счастье.

Жертвенник все еще полон*.

Нэнси несколько раз перечитала стих, хмурясь все больше.

* Здесь и далее китайская классическая «Книга перемен» цитируется в переводе Ю. К. Шуйского.



10

— Вот, нашел. — Кришна влетел в кабинет и торопливо протиснулся между завалами книг и периодики.

Нэнси продолжала изучать зашифрованное предсказание и гексаграмму. Не поднимая глаз, она попросила:

— Кришна, вы не могли бы взглянуть?

— Что там?

— Вот. Гексаграмма номер пятьдесят.

Кришна подошел к столу и наклонил голову разглядеть, на что она показывала.

— Так вы задали Оракулу вопрос? — Он с подозрением взглянул на нее и развернул книгу, чтобы прочитать самому. — Ну-ка, ну-ка...

В первую очередь Кришна быстро пролистал странички до конца книги и внимательно сверился с тем, что Нэнси правильно определила номер гексаграммы.

— Верно, пятидесятая. Дин, «Жертвенник».

Вслед за этим он нашел гексаграмму и пробежал глазами толкование. Закончив читать, он с интересом поднял брови и спросил ее укоризненно:

— Нэнси, о чем вы спросили Оракул?

Она почувствовала, что краснеет.

— Я спросила книгу, правда ли, что она может помочь.

Кришна взглянул на нее, улыбаясь одними глазами.



— Что ж, тогда я растолкую вам ответ. Оракул описывает себя как жертвенник. Жертвенный котел.

— Да, эту часть я осилила. Только не пойму, о чем речь, не говоря об остальном.

— Потерпите немножко и подумайте. В Древнем Китае жертвенником был общинный котел, в нем готовили пищу на всю деревню. В наши дни котлами уже никто не пользуется. Значит, Оракул говорит вам, что в старину каждый ежедневно извлекал из него пользу, а нынче, никому не нужный, он в полном забвении.

Нэнси зачарованно слушала. Кришна продолжал:

— А теперь — внимание. Это очень важный момент. Он зачитал толкование вслух:

Жертвенник наполнен.

У моих противников нужда.

(Но до) меня (им) не достигнуть. — Счастье.

Нэнси непонимающе пожала плечами, но Кришна не остановился:

— Оракул говорит, что в котле еще есть еда. Это означает, что он по-прежнему полон мудрости и пищи для ума, в нем все еще хранится истина. Он сообщает, что его противники испытывают нужду. Под «противниками» он подразумевает людей, к которым в наше время мы обращаемся как к оракулам: например, врачей, политиков или священнослужителей. Он говорит, что эти современные оракулы завидуют силе «Ицзина», но их зависть тщетна, поскольку доступ к истине имеет только лишь «Ицзин». Далее следует:

Ушки жертвенника изменены.

В этом действии (будут) препятствия.

Жиром фазана не напитаешься.

Как только (будет) дождь, (так он и) иссякнет. — Раскаяние.

(Но) в конце концов — счастье. Жертвенник все еще полон.

Кришна громко рассмеялся.

— Что? — нетерпеливо воскликнула Нэнси. — Переведите же!

— Оракул говорит, что никто не знает, как пользоваться им в наше время, и что его истинная мудрость, жир фазана, остается невостребованной. И наконец, завершает словами: когда черные дни минуют и дождь стихнет, люди расскаются и поймут, что он есть источник истины, и вновь вернутся добрые времена.

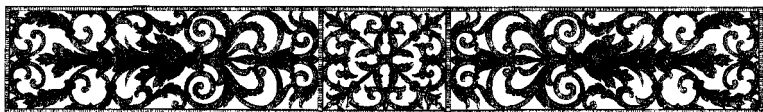
— Невероятно. Очень похоже на правду. Непонятно только, как это Оракулу удастся.

Кришна загадочно улыбнулся.

— Что ж, по крайней мере, теперь вы знаете, почему в кризисных ситуациях японское правительство советуется с этой книгой. Будьте очень осторожны, критикуя так называемые суеверия Востока. И на будущее поставьте не задавать Оракулу дерзких вопросов: говорят, он способен на разного рода пакости.

Кришна с почтением закрыл книгу и отодвинул ее к краю стола. Лицо его вновь стало серьезным.

— Достаточно об этом. Теперь я покажу то, что может вам понять Херцога и его отношение к Тибету.



Экран телевизора на миг ожил — Кришна возился с кабелем, соединявшим DVD-плеер с разъемом на задней панели телевизора. Через секунду на экране появилось изображение.

Это была уличная сцена — сцена хаоса. Снимали, по-видимому, в одном из районов Дели. Качество оставляло желать лучшего; имея опыт работы с кадрами кинохроники, Нэнси могла с уверенностью сказать, что этой записи лет десять. Оператор вел съемку из людской толпы, состоящей в основном из монахов и простых жителей Тибета. Они были недовольны и протестовали. На заднем плане высилось солидное здание, напоминающее типичные викторианские дома в правительственных кварталах Дели. Перед закрытыми воротами выстроился защитный полицейский кордон. Обращенные к толпе лица стражей порядка были напряжены.

Протестующие вели себя очень возбужденно: поднимали вверх сжатые кулаки и качали обращенными к воротам плакатами, написанными по-тибетски, на хинди, даже по-английски: «Свободу Тибету», «Мир должен помочь нам». Очевидно, оператор включил звук, поскольку из динамика хлынул рев толпы. Люди кричали, слышались вой полицейских сирен и приказы на хинди.

И тут Нэнси услышала еще один голос. Запыхавшийся и очень близкий, отчетливый и громкий на фоне

общего гвалта. Его неуместность в этом хаосе на миг озадачила Нэнси, а в следующее мгновение она узнала голос Антона Херцога. Явный американский акцент, но с отзвуками испанского и немецкого: Антон всегда напоминал европейского аристократа, говорящего по-английски.

— К воротам, думаю, подходить не стоит... Толпу снимать буду отсюда... Полиция избивает голодных забастовщиков...

Камера качалась из стороны в сторону — Херцога подхватил и толкал людской поток. И все-таки он, похоже, достиг ворот, поскольку остановился и развернулся, а картинка стала четкой, так что можно разглядеть в толпе лица людей. Такие скорбные, подумала Нэнси, с печатью отчаяния, муки, боли и разбитых надежд. Это было невыносимо, и она с трудом заставила себя смотреть дальше, чувствуя, как глаза наполняют слезы. Кришна быстро наклонился вперед, указывая пальцем на экран.

— Следите за ним.

Нэнси подалась к телевизору. Палец Кришны был направлен на лицо одного из мужчин — тибетца с характерными розовыми щеками и круглым лицом, в джинсах и футболке, лет сорока пяти. Лицо этого человека было искажено от боли. Нэнси наблюдала за тем, как тибетец двигался в толпе, словно ничего не замечал вокруг. Вот он обхватил голову руками, а затем принялся колотить себя в грудь. В глазах его стояли слезы. Как безмолвный призрак, он перемещался в кадре, а затем неожиданно исчез. Нэнси тревожно глянула на Кришну и хотела спросить, кто это был и куда пропал, но Кришна резким взмахом руки остановил ее, не отрывая взгляда от экрана. Секундой позже человек появился вновь. Он был насквозь мокрый. Где он умудрился промокнуть? Попал под струю водомета, которым полиция умиряла толпу?

Человек бормотал что-то себе под нос — возможно, молился. Толпа вокруг него начала расступаться, а затем люди вдруг побежали, на ходу оглядываясь через плечо. Человек с опустошенным лицом сел на землю в позу лотоса. Камера приближалась к тибетцу: не обращая внимания на то, что все бежали в другом направлении, снимавший шел прямо на него.

В этот момент все и случилось. Несчастный держал в руках коробок спичек. Держа его прямо перед грудью, он чиркнул спичкой, и в тот же миг огненный сполох, на секунду полностью засветивший экран, ослепительным шаром объял несчастного. Самосожжение. Вода оказалась бензином.

Мужчина горел, как соломенная кукла, накрытая огненным куполом. Херцог, по-видимому, уронил камеру на землю и закричал:

— О боже... О нет... Нет! Помогите! Ну, кто-нибудь, помогите же, остановите его!

Картинка пропала. Кришна выключил телевизор, встал и вытер слезы в уголках глаз.

— Простите... Больно видеть такое. Но я должен был показать вам. Если решили понять Херцога и Тибет — это единственный способ. К правде люди порой приходят через потрясение.

Нэнси все еще была в шоке, не в силах оторвать взгляд от потухшего экрана.

— Он погиб?

И поняла, что спросила глупость.

— Гьюрме Дордже? Горящий человек? Конечно. Его обливали водой, но было слишком поздно. Потом несколько дней пытались спасти в больнице. Его навещал далай-лама и уговаривал его посочувствовать китайцам. Гьюрме был счастлив. На смертном одре дух его был высок...

С минуту оба помолчали, затем Кришна неторопливо продолжил:

— Он был пастухом из западного Тибета. Много лет назад через перевалы он пришел в Индию, чтобы оставшуюся жизнь провести рядом с любимым далай-ламой. Поселился в Маклеод-Гандж, где живет далай-лама. Люди говорили, он был мягким и жизнерадостным человеком.

— Он был монах?

— Нет. Мирянин. Трудовую жизнь начал пастухом. Потом служил в армии. Затем проделал трудный путь в Индию. Гьюрме ютился в жестяной лачуге на склоне горы невдалеке от дома далай-ламы. Единственное, чего он хотел, — находиться поблизости от далай-ламы, среди других тибетцев, посвятивших себя религии. Он работал официантом и шеф-поваром в кафе, когда не постился и не бродил по горам.

— Как же он очутился в Дели?

— Это произошло в восемьдесят девятом, в год жестоких репрессий в Лхасе. Стольких людей замучили и убили... Уничтожали последние оставшиеся монастыри и храмы. Горе тибетцев невообразимо: китайцы как будто убивали их душу. Гьюрме пришел в Дели, чтобы принять участие в протестах. Он был охвачен горем, он жаждал что-нибудь сделать. Тибетцы объявили голодовку, устроили сидячую забастовку — на дороге. Были вызваны войска, чтобы убрать их: индийское правительство откликнулось на жалобы Китая. Ни одно государство в мире не отреагировало. Ведь в пятьдесят девятом никто даже пальцем не пошевелил, когда китайцы принялись убивать лам, разрушили четыре тысячи монастырей и вынудили далай-ламу бежать в Индию. Американцы, британцы и французы лишь выжидали и наблюдали. Постыдный эпизод человеческой истории...

Нэнси тяжело вздохнула. Она читала об этом печальном для всей планеты дне. Но что могли сделать сильные мира сего? Китай считал Тибет частью своей суверенной территории. Китайское правительство ясно дало понять: если им развяжут руки в Тибете, они никогда не воспользуются своим правом вето в ООН. Это была циничная уступка. Власть имущие сидели сложа руки и ничего для Тибета не предпринимали: у них имелись иные приоритеты, им важно было сотрудничество Китая. Тибет стоял в самом конце списка.

Нэнси подняла глаза на Кришну и спросила:

— Зачем Антон снимал это?

Кришна бросил взгляд на пустующее кресло Херцога.

— Антон всегда очень интересовался Тибетом, но с того дня его как подменили. Прежде он напоминал плейбоя... Нет, журналистом он всегда был классным, к тому же ненасытным читателем, но после увиденного в тот день он изменился.

— В чем это выражалось?

— Антон отправился в горы в Маклеод-Гандж на крепацию Гьюрме Дордже. Я говорил с ним об этом только раз. В остальных случаях он пропускал мои вопросы мимо ушей, но в тот единственный раз рассказал, что после церемонии, на которую собрались толпы тибетцев, жителей «государства в изгнании», он решил пройти пешком. Никакой цели у него не было, он просто шел наугад, пока не очутился в самом конце безлюдной боковой аллеи, прямо перед лачугой с жестяной крышей. Старик, сидевший рядом с лачугой, поведал ему, что это дом Гьюрме Дордже. Антон сказал, что наперед знал об этом, словно что-то влекло его туда. Он не понимал, каким образом, но именно так и вышло. Хижина была крохотной, восемь на шесть футов, и пришлось низко наклониться, чтоб не оцарапать голову о рифленое железо крыши. Хижину окружал заботливо ухоженный сад: ярко-красные

пятна львиного зева, пестрые анютины глазки на маленьких клумбах и даже небольшая живая изгородь. Гьюрме Дордже старался придать изгороди форму птицы — символа свободы. Внутри хижины он увидел несколько полок. Их использовали как алтари, разместив на них три тибетских флага и изображение далай-ламы. На кровати лежали три аккуратно сложенные и идеально отглаженные простыни. Помимо этого, внутри больше не было ничего. Антон сказал, что вид хижины и понимание того, как жил этот человек, произвели на него глубочайшее впечатление. Антон был эрудитом, он читал о мастерах чайных церемоний и древних поэтах, которые культивировали «благородную нищету», но до того дня он не понимал этого. В конце концов, Гьюрме Дордже не был ни ламой, ни монахом... В общем, Антон переменялся после поездки в Маклеод-Гандж. Тибет стал его «мотивом», личным делом. И это не просто политическая одержимость — Тибет сделался частью его души. Антон почти перестал гулять вечерами, стал более серьезен. Он всегда был серьезным, но теперь куда-то испарились даже его ирония и ветреность...

— Неудивительно.

— Позабыв об отдыхе, он с головой ушел в работу.

— Над чем же? Ведь новостная журналистика сиюминутна, ограничена рамками описываемых событий.

— По вечерам он занимался исключительно собственными делами. Изучал и коллекционировал предметы старины и древние книги. Разрабатывал свои теории. Трудился до часу-двух ночи под аккомпанемент Моцарта и Баха, затем отправлялся спать на диван здесь, в офисе. По утрам либо я, либо Лакшми заставляли его на рабочем месте.

— Так над чем же он работал?

— Над многими вещами, имеющими отношение к Тибету и Индии. Затрудняюсь сказать наверняка... Он

никогда со мной не обсуждал этого. — Кришна пожал плечами. — Антон был моим начальником, задавать ему вопросы было неловко, а сам он не горел желанием делиться информацией.

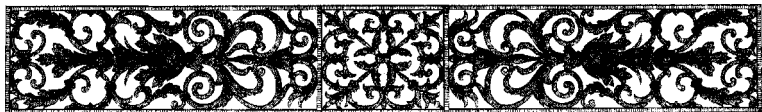
Нэнси впервые после допроса в полиции задумалась, не занимался ли Антон Херцог в Тибете чем-то незаконным. Со слов Кришны, репутацию он имел безупречную. На секунду ее охватила паранойя: а вдруг Дэн Фишер тоже замешан?

— Кришна, как на ваш взгляд, мог Антон заниматься шпионской деятельностью? Могла его, к примеру, завербовать какая-нибудь разведслужба, сыграв на его симпатиях и талантах?

Кришна насмешливо фыркнул.

— На мой взгляд, абсолютно исключено. Бездействие американского правительства в отношении Тибета он считал омерзительным. Вы бы слышали, как он отзывается о политиках вообще. Он винил в предательстве Тибета всех: американцев, британцев, французов, немцев, итальянцев, даже индийцев... Тибетская культура, уничтоженная в пятьдесят девятом году, была едва ли первым мирным государственным правлением на планете. Антон страшно переживал: он обвинял весь мир в том, что они позволили милитаристскому соседу растоптать Тибет, и посылал этот мир ко всем чертям...

Нэнси погрузилась в размышления. Все верно: чего ради Херцогу на кого-то работать? Ведь он считал все правительства мира соучастниками тибетской трагедии. А с другой стороны, чем он все эти годы занимался, над чем корпел ночами? И что все-таки делал в Тибете?



К Пещере магов не было прямой дороги, только лес без конца и края, полный звуков, бурлящий жизнью.

Помощник настоятеля с посохом в руке шагал впереди, обходя упавшие сучья и ныряя под свисающие ветви. Дорогу он знал. Птицы с ярким оперением стремительно перелетали над ветками деревьев, чьи кроны плотно смыкались высоко вверху над длинной вереницей вымокших до нитки монахов, медленно продвигавшихся меж влажных от дождя лиан и могучих стволов древнего леса.

Время от времени кто-то из процессии останавливался и протягивал руку к похожему на весло листу растения, обычного для этого района Пемако. Наклонив его кончик так, чтобы дождевая вода попадала прямо в рот, монах утолял жажду, вытирал лоб и продолжал пологий подъем по заросшему джунглями склону.

Каждые несколько минут помощник чуть замедлял шаг и оборачивался на вьющуюся среди деревьев растянутую цепочку спутников. В середине процессии находился незнакомец, привязанный к носилкам, которые несли четыре монаха. От одного вида странной ноши помощника бросало в дрожь. Его не переставал мучить вопрос: мог ли этот еле живой человек на самом деле побывать в Шангри-Ла? Лама уверял себя: нет, это невозможно. Шангри-Ла напоминала страну мертвых: кто туда попадал, тот ничего потом не рассказывал, потому что

оттуда не возвращаются. Возможно, белый человек сбился с пути, заблудился, где-то бродил — в горах много необъяснимого и загадочного, много путей, ведущих к гибели. Помощник настоятеля пытался убедить себя в этом, но вопрос настойчиво сверлил его мозг.

Расстроившись, помощник велел всем прибавить шаг. Он стал дурным предзнаменованием, этот пришелец, предвестником гибели. Как жаль, что нет времени расспросить его, хотя бы выяснить, кто он.

По их следам пойдут солдаты. Помощник настоятеля полагал, что они уже пустились в погоню. В обычных обстоятельствах его монахи имели бы преимущество: врожденное знание джунглей позволяло им существенно опередить неуклюжих вооруженных людей. Но с носилками это невозможно: они продвигались гораздо медленнее, чем могли бы.

В глубине души ламы прятался еще один страх, о котором он старался даже не думать. Внимательно всматриваясь в джунгли, монах щурил глаза. Где-то там, за криками обезьян и неумолчным гулом насекомых, таился другой враг. Старик начал молиться про себя.



Нэнси внимательно читала резюме Херцога, только что найденное во внутренней сети «Трибьюн».

— Любопытно, — проронила она, и Кришна повернулся к ней. — Тут написано, что после получения журналистской Пулитцеровской премии за статью о далай-ламе и Маклеод-Гандж он отверг не менее девяти предложений на повышение в должности, включая престижные посты в Лондоне и Токио. — Нэнси подняла глаза на Кришну. — Я знаю, что Антон любил свою работу, но отказ от столь высоких постов кажется мне весьма странным. Ведь у него даже нет семьи, которая могла бы объяснить это.

Нэнси нахмурилась, ее лоб пересекли морщинки. Словно обращаясь к себе самой, она задала вопрос:

— По какой же причине, интересно?

Кришна улыбнулся и пожал плечами.

— Не меня об этом спрашивать. Я тоже отклонял повышения. Может, дело в его желании остаться в Дели, поблизости от любимого Тибета... Право, не знаю.

Нэнси еще раз просмотрела резюме. Жизнь человека, сжатая до перечня профессиональных достижений. Несмотря на ясность и точность архива «Трибьюн», что это прибавляло к ее знаниям о Херцоге?

— Здесь объяснений не найти. Я, конечно, не ожидала, что Антон напишет «шпионаж» в разделе «опыт

работы», но это резюме не дает ровным счетом никакой информации. Должна же быть причина, отчего китайцы и индусы буквально сходят с ума! К тому же он все еще числится как находящийся в самовольной отлучке.

Кришна откинулся на спинку кресла.

— Знаете, самым правдоподобным мне кажется мое собственное предположение: Антон случайно подошел слишком близко к какой-нибудь военной базе. Такие вещи страшно бесят китайцев.

— По-моему, все не так просто. Я знаю, что в таких странах, как Китай, власти выходят из себя, если ты ненароком сфотографируешь аэропорт или что-то подобное, но здесь дело посерьезней. Судя по моему сегодняшнему опыту общения с полицией, индийцы решили, что он в чем-то замешан и скрывается в округе Пемако, а за ним охотится китайская полиция. Иначе его бы просто арестовали за фотографирование военного объекта и выслали из страны — в соответствии с общепринятой практикой. Согласны?

Кришна кивнул и тихо ответил:

— Согласен.

Несколько секунд Нэнси хранила молчание, затем повернулась и взглянула в лицо Кришне, замершему в глубокой задумчивости.

— А в нашей базе данных искали?

Кришна кивнул, не глядя ей в глаза.

— Да. Ничего существенного.

Он посмотрел на Нэнси, и она почувствовала, что ее вопросы ему не по душе.

— Должен признаться, довольно странно заниматься расследованием дел нашего коллеги.

— Кришна, простите меня за эти расспросы об Антоне. Уверена, Дэн Фишер дал вам жесткую установку ни в чем не оказывать мне поддержку. Я поняла вас. Да, довольно странно заниматься этим. Но, уверена, это нуж-

ное дело. Мы пытаемся помочь ему. Судя по тому, что я узнала в полиции, Антон в беде, а штаб-квартира, мягко выражаясь, не горит желанием ему помочь. Мы должны попытаться хоть что-нибудь сделать — больше некому.

Повисло молчание. Нэнси понимала, что ни на шаг не продвинулась к разгадке тайны Антона Херцога. Она встала и почувствовала, что падает от усталости. Если она сейчас опустит голову на стол, то сразу провалится в глубокий сон.

Однако ехать в квартиру отсыпаться не хотелось. Она вообще не желала возвращаться туда. Вдруг заявится полиция и увезет ее? Может, на этот раз они просто швырнут ее в камеру и забудут на веки вечные. Нэнси вдруг осознала, как просто манипулировать людьми: стук в дверь в четыре утра, визит тайной полиции, арест... Тяжелым бременем на ее душу ложились эти мысли: вместо того чтобы стремиться в кровать, в самое безопасное место на свете, ты боишься забыться сном. Нэнси захотелось позвонить Дэну Фишеру и добиться от него обещания, что газета защитит ее, но раскрывать ему душу она не желала.

Расстраивала Нэнси и вероятность того, что события сегодняшнего дня начали влиять на ее восприятие окружающего: апатия и усталость, малоприятная поездка в полицейский участок, угнетающая жара. Интересно, спросила она себя, если бы мне дали выспаться и не грозили тюремным сроком, стала бы я заниматься этим расследованием?

Нэнси уже склонялась к тому, что разумнее вернуться в квартиру и немного отдохнуть, когда ее взгляд упал на сверток с жуткой костяной трубой, забытый на диване. Она решила показать его Кришне и спросить, знакомы ли ему предмет или надпись на нем. Впрочем, это

наверняка бесполезно — тут нужен эксперт. Кто-то вроде Херцога, напомнила она себе с иронией.

— Кришна, — медленно начала Нэнси, — есть ли в Дели еще кто-нибудь, с кем Антон говорил о своей работе над тибетскими древностями?

Нэнси показалось, что ее слова напугали Кришну. Он поднял бровь, но продолжал молчать и ответил не сразу, будто она зашла в своих вопросах непозволительно далеко. Но у нее не было выбора. Ей необходима информация, а Кришна сейчас — лучший и единственный источник. Нэнси настаивала:

— Вы знаете кого-нибудь, кто хоть раз побывал в Пемако?

Кришна с большой неохотой ответил:

— Насколько мне известно, отдельно от Антона в тех краях побывала лишь горстка иностранцев.

Он сделал паузу, а затем, как бы невзначай добавил, словно считал эти сведения незначительными:

— Есть один человек. Джек Адамс, американец. Антон хорошо его знал, но они, по-моему, не очень ладили.

Нэнси вгляделась в его обеспокоенное лицо. Она видела, что Кришна пытается понять, к чему ведут ее расспросы. За короткий срок этот человек пережил два потрясения, подумала Нэнси: сначала пропал Херцог, теперь явилась она и принялась совать нос в личную жизнь его коллеги и друга. Ей стало жаль Кришну. Она чувствовала, что он хороший и добрый человек, и подозревала: причина его отказа от продвижения по службе отчасти заключалась в том, что руководящие обязанности тяготили Кришну, а случай с Херцогом был именно таким делом, в какое сам он никогда не хотел бы втягиваться. Это противоречило его жизненной позиции. Он выбрал тихое местечко и отверг все предложения, сулившие мимолетные выгоды, именно ради того, чтобы никогда не вмешиваться в политику газеты.

Под взглядом Нэнси Кришна поерзал в кресле. Ему было не по себе, и это ее расстраивало.

— Кришна, простите мою неучтивость и назойливое любопытство, но я поступаю так из желания помочь нашему сотруднику. Я очень хочу, чтобы Антон вернулся живым. Согласитесь, если бы мы с вами оказались на его месте, сознание того, что кто-то пытается нас найти, согрело бы душу.

Это прозвучало неискренне — Нэнси было нелегко объяснить, как трудно ей даются подобные действия. Она чувствовала, что ею движет какая-то непостижимая и неукротимая сила. В общем, она не знала, что делать дальше. Она слишком любопытна и должна оставаться такой, если хочет что-то выяснить. Испытывая неловкость, она выжидала. Кришна наконец пожал плечами и заговорил:

— Нэнси... О Джеке Адамсе мне известно немного. Американец. Антрополог и торговец антиквариатом. О том, что он был в Пемако, я узнал лишь потому, что он как-то раз оставлял сообщение для Антона в офисе и упомянул, что только что вернулся оттуда.

Впервые с того момента, как он пригласил Нэнси войти, Кришна упал духом. Он бессильно откинулся на спинку.

— Нет у меня ответов на все ваши вопросы. Не знаю, что сказать. Мне очень жаль, что Антона нет. Это просто ужасно. Я хочу помочь найти его, но, по мнению Дэна Фишера, лучшее, что мы можем сделать, — это не делать ничего, предоставив все полиции. У меня руки опускаются...

— А кстати, почему так мало иностранцев побывало в Пемако? — поинтересовалась Нэнси.

Она знала, что этот вопрос не усугубит неловкости: необходимо сменить тему и прекратить расспросы о личной жизни Антона, иначе Кришна окончательно замкнет-

ся в себе. Нэнси была уверена, что он готов поговорить на отвлеченные темы и с удовольствием поделится своими познаниями. Возможно, он вообще избегал вторжения в жизнь других людей, в их проблемы.

— Десятки лет иностранцам был закрыт доступ в Пемако. Лишь единицам удавалось проскочить — ботаникам, альпинистам. Но в большинстве случаев БНБ отказывала в выдаче разрешений, а если пропускала, то только в отдаленные области. В центральную — никогда.

— Что такое БНБ?

— Бюро национальной безопасности. Китайская разведслужба, вернее, одно из ее подразделений. БНБ ведет очень активную работу в Тибете. Если Антон в самом деле там и его ищут, значит, его ищет БНБ. А эти ребята, мягко говоря, не очень любезны.

— Понятно. Похоже, там и впрямь медом намазано.

— То-то и оно. Если б не Китай, туристы бы туда валом валили. Там фантастически красиво, великое множество редких орхидей и необычных животных, но Пемако имеет спорную границу с Индией и отрезано от остального Тибета. По сути, это отдельная страна. А еще это родина религии Бон*.

Он, похоже, воодушевился, подумала Нэнси. Напряжение Кришны спало. И подкинула ему еще одну безобидную тему:

— Даже не представляла себе, что в Тибете практиковали другие религии. Всегда думала, что там была древняя теократия.

Кришна задумчиво кивнул.

— Тибет сложнее, чем кажется. Бон — очень древняя религия. Древнее, чем буддизм. Она появилась задолго до лам, которые подвергали ее гонениям, пытались искоренить и называли черной магией. Но она до сих пор жи-

* Религия, которая доминировала в Тибете до прихода буддизма.

ва в таких местах, как Пемако. Антон много знает о ней. Он так рассказывает о Тибете — заслушаешься. Рассказчик он потрясающий.

— Выходит, в Пемако нет буддистов?

— Об этом мне неизвестно. Пемако — священная местность тибетского буддизма. Антон присоединился к ламам, совершавшим паломничество туда. Там одна из важнейших бейюл, или скрытых священных долин*. Предполагалось, что бейюлы приютят беженцев, когда мир погрузится во тьму. Но я не знаю, есть ли там ламаистские монастыри... Если Антон побывал там, он мог бы рассказывать об этом целыми днями. Он ответил бы на все ваши опросы. Он говорил, что в тропических долинах этого региона границы между материальным и духовным миром становятся призрачными и перейти из одного мира в другой совсем просто.

— Понимаю... — проговорила Нэнси, не уверенная, что поняла хоть что-нибудь.

Кришна был предельно серьезен. Интеллекту Херцога она доверяла. Тем не менее разговор о духовных мирах казался ей довольно странным. Она не ожидала такой дискуссии в свой первый день в Дели.

— А как этот Адамс стал экспертом в таких вопросах?

К ее удивлению, Кришна вдруг разволновался.

— Это тоже может показаться странным, но он управляет компанией «Йети турс». Организует и проводит гималайские экспедиции по следам йети для богатых американцев и европейцев.

— Что? Но это же абсурд...

Адамс, наверное, ненормальный. Или прожженный циник. Нэнси почувствовала легкое разочарование. Этот

* Бейюла — дословно «скрытая земля».

человек, наверное, один из тех пропитанных джином иностранцев-фантазеров, что населяют глухие уголки в городах Востока. Она мысленно нарисовала его портрет: не женат, путается с местными девчонками, водит их за нос, сверх меры обласкан властями приютившей его страны и не желает возвращаться на Запад. Столь непривлекательный образ возник в воображении Нэнси вопреки ее желанию.

Кришна чуть заметно улыбнулся ее реакции.

— Не стоит относиться к этому так пренебрежительно. Может, в Америке йети — повод для шуток, но только не в Индии или Тибете. Существует множество сообщений очевидцев о встречах с человекоподобными существами в Гималаях. В том числе в настоящее время.

Он секунду помедлил, затем продолжил:

— Я встречался с Адамсом пару раз в присутствии Антона и, буду откровенным, нашел его немного утомительным. Не думаю, кстати, что Антону он нравится. У них общие интересы, вот и все. Встречались они раз в несколько месяцев. Совершенно разные люди.

— А почему Адамс показался вам утомительным?

Кришна замялся, хмуро посмотрел на нее и ответил:

— Он... Нахальный, дерзкий, шумный, говорит без умолку и постоянно хвастает. Типичный самоуверенный американец за границей. Извините меня, но это так.

Нэнси нашла эту характеристику забавной, несмотря на ее неучтивость.

— Ну, не все американцы таковы.

— Конечно, не все. Но Адамс — эдакий мачо. Ему около сорока, он физически здоров и достаточно силен благодаря занятиям альпинизмом. Вы наверняка встречали таких. Антон рассказывал, что Адамса выгнали из Йельского университета за какой-то серьезный просту-

пок, однако он успел получить две ДФ* — одну по генетике, вторую по палеоантропологии. У него множество гипотез. Он считает, что человечество древнее, чем мы предполагаем. Перед отчислением он неустанно повторял, что их профессора — это сборище старых пней.

— Выходит, Антон считал его сумасбродом?

— Вовсе нет. Это я так считаю. По-моему, Антон не очень хорошо его знает, но сумасбродом точно не считает. Он уверен, что Адамс отлично знает свое дело. Спросите его, и он наверняка скажет, что Адамс — ученый мирового уровня, а его теория о древнем происхождении человека имеет право на жизнь. Антон любил подчеркивать, насколько абсурдны современные теории, основанные на горстке древних костей, найденных в Восточной Африке. Но Антон понимал, почему Адамса выгнали из Йеля: он очень резкий и, не сомневаюсь, способен быть крайне грубым.

— А зачем ему эта фирма «Йети турс»?

— У него ни цента за душой. Антон как-то говорил, что Адамс никогда не станет удачливым торговцем древностями, потому что не в силах расстаться с экспонатами своей коллекции. К тому же половина того, что он покупает, не имеет доказательств подлинности. На международном рынке нельзя продать какую-либо вещь, не доказав ее происхождение, даже если уступить в цене. Это удерживает людей от разграбления гробниц и монастырей. Адамс покупает такие вещи, потому что любит это дело и уверен, что в один прекрасный день все-таки найдет настоящее сокровище.

— А что он понимает под сокровищем?

* Доктор философии — ученая степень; отчасти соответствует степени кандидата наук в РФ; присваивается магистру как гуманитарных, так и естественных наук.

— Нечто вроде Мальтийского сокола, алмаза Топкапи или буддийского эквивалента свитков Мертвого моря. Его постоянно надувают контрабандисты, у которых всегда наготове складная сказка. Антон говорил, что у Адамса необузданная фантазия — он чересчур доверчив. Но больше всего он надеется найти веское доказательство того, что человек, с антропологической точки зрения подобный мне и вам, ходил по земле еще миллион лет назад.

— А как же эволюция?

— Есть множество животных, не претерпевших эволюционных изменений на протяжении сотен миллионов лет. Адамс утверждает, что о человеческих существах можно сказать то же самое. Все найденные ископаемые останки других гоминидов, все эти Люси* и другие недостающие звенья, о которых пишут газеты, вовсе не наши предки. Они наши современники, потому что наши предки тогда уже существовали. Когда-нибудь найдут скелет *Homo sapiens*, жившего за миллион лет до нашей эры, и это станет доказательством того, что наши взгляды на историю и эволюцию ошибочны. Адамс считает, что искать надо именно в Гималаях. Именно там, высоко в горах, люди могли выжить после потопов и катаклизмов, тысячелетиями сотрясавших планету.

— Но это похоже на бред.

— Может, и так. Не знаю. Однако Антон не отвергал этих теорий. Он любил повторять: если через сто тысяч лет археологи исследуют только область в долине Конго, где обитают племена пигмеев, они должны сделать вы-

* Люси — скелет женской особи австралопитека афарского, найденный американской экспедицией во главе с Дональдом Джохансоном 24 ноября 1974 года в долине реки Аваш в Эфиопии. Люси, которая, по оценкам, жила 3,2 млн. лет назад, — первый известный науке представитель своего вида.

вод, что пигмеи — единственные современные нам человеческие существа. Видите ли, возраст человечества определяют по возрасту ископаемых останков. А знаете ли вы, что, если собрать все найденные ископаемые останки, их можно уложить на одном обеденном столе? С большой натяжкой это можно назвать ценным статистическим образцом ранней жизни гоминидов. Адамс утверждает, что нам удалось найти лишь останки других видов гоминидов, которые жили в одно время с нашими предками, а вот останки самих предков мы не нашли. Но он уверен, что их обязательно найдут.

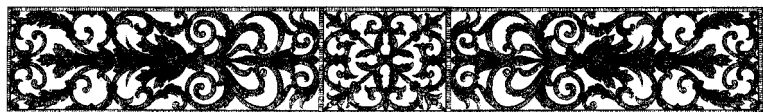
— Очень оригинальная точка зрения.

— Адамс приехал в Индию не для того, чтобы заниматься антиквариатом, а чтобы продолжить исследования. Прожив десять лет в Дели, он стал здесь своим. Но внезапно у него кончились деньги. Он все время скупал старинные изделия, осколки древних костей и прочее в этом роде. Он такой же увлеченный коллекционер, как и Антон. Только зарплаты ему никто не платит, вот и пришлось создать «Йети турс».

— Как вы думаете, мне удастся встретиться с ним сегодня?

Кришна не улыбнулся.

— Адамс живет в Дели, и ему хронически не хватает денег. Если вы скажете, что хотите организовать экспедицию в Пемако, и хорошо заплатите, он с удовольствием с вами встретится.



— Ешь! Не бойся, это вегетарианское. Я тоже вегетарианец. Надеюсь, китайская еда тебе понравится.

Полковник Жень сидел на стуле с высокой спинкой за одним из длинных библиотечных столов. Он дружески улыбался, бегло разговаривая по-тибетски. Напротив него в чистой и сухой оранжевой тоге сидел монах Дорджен Трунгпа. Его ссадины и кровоподтеки заботливо обрабатывали, кровь с ушей и носа смыли, но он по-прежнему был охвачен подозрениями и страхом.

Полковник сделал большой глоток воды, не сводя глаз с монаха. На столе перед ними были расставлены тарелки с кушаньями, которые приготовил в монастырской кухне повар полковник Стараясь говорить деликатно, полковник сказал:

— Я искренне скорблю о том, что произошло здесь сегодня. И очень сожалею, что опоздал буквально на несколько минут.

Дорджен Трунгпа смотрел на тарелки с едой. Полковник с улыбкой обратился к нему:

— Ну же, угощайся! Ты наверняка голоден. Здесь нет никакого подвоха. Пожалуйста, поешь. Прошу тебя. Ради твоего же блага.

На миг задержав на полковнике взгляд, монах зачерпнул ложку и с жадностью проглотил. Потом еще раз.

После чего принялся есть не отрываясь; он был очень голоден.

Полковник наблюдал за молодым монахом, не упуская ни единого движения. Решив, что подходящий момент настал, он заговорил вновь:

— Когда я был мальчишкой, мой дедушка, занимавший высокий пост в компартии, взял меня с собой в горы Чонгшан, что на юге. В давние времена там жили даосские поэты. Китай был краем мудрости, пока ее не уничтожил коммунизм.

Юноша перестал жевать. Он с удивлением слушал полковника.

— Необыкновенно красивое место, — рассказывал Жень. — Белые облака клубятся вокруг горных вершин, долины затканы пеленой дождя. Стоят крохотные домишки дровосеков, единственных обитателей тех мест, и отдаленный звук топора эхом разносится по горам. Единственный звук цивилизации...

Полковник ненадолго мечтательно умолк, потом заговорил вновь:

— Тропы старых поэтов ведут через длинные ущелья, заваленные каменистыми осыпями и валунами. Между ними с грохотом несутся бурные реки, а обрывистые, поросшие травой склоны припорошены дымкой тумана. Камни облеплены мохом, сосны вкрадчиво шелестят хвоей, и слышно, как с иголок падают капли влаги. Тропы петляют в зарослях вьющихся растений и через скалистые пещеры ведут к потайным хижинам глубоко в горах, где белые снега встречаются с белыми облаками, — в иной мир. — Полковник Жень перешел на торопливый шепот, словно боялся, что его услышит ординарец. — Много дней мы шли по этим чудесным местам, пока не остановились перед разрушенным храмом. Там

мы стояли лагерем семь дней, и мой дедушка говорил со мной о мире, о Китае, о нашем прошлом. О том, о чем нельзя было говорить в Пекине. О запретном. Он поведал мне о даосизме, об алхимии, о Пути. Отец мой происходил из аристократической семьи. Наши предки были землевладельцами и поэтами, они служили при императорском дворе. После культурной революции председателя Мао у них все отобрали. Кого-то убили, кого-то сослали на сельхозработы. Дедушка выжил, вступил в коммунистическую партию и отрекся от прошлого. Он дослужился до высокого руководящего чина в Пекине, но в сердце своем никогда не отрекался от Пути. Он учил меня и знакомил с древними братствами, выжившими и тайно действующими, несмотря на чистки.

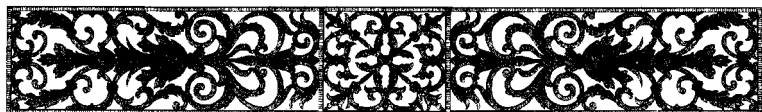
Полковник остановился на пару секунд, затем вдруг подался к напуганному монаху и прошептал:

— Если мое начальство узнает хоть слово из того, что я тебе рассказал, я не доживу и до вечера. Я рискую собственной жизнью и жизнью моей семьи. Я знаю, что твой лама был бодхисатвой. Он был мудрецом. Мы с ним единомышленники. Я служу в БНБ, но это личина: на самом деле я служу нашему тайному братству. Нас осталась лишь маленькая горстка, и мы подвергаемся смертельной опасности, мечтая сбросить коммунистическое ярмо и вернуть Китай на путь мудрости. Полагаю, твои верховные ламы знают местонахождение затерянного царства Шангри-Ла. В древней библиотеке Шангри-Ла мы надеемся найти самую могущественную реликвию мира: давно утерянную «Книгу Дзян»*. Обладая знанием книги, мы сможем освободить Китай и вернуть его на древние пути Дао, поскольку каждый, кто обладает «Книгой

* Хранящийся якобы где-то в Гималаях сборник древней восточной мудрости.

Дзян», держит в руках судьбу человечества. Чингисхан, Александр Македонский, Карл Великий и Наполеон — эти люди владели ею, и всякий раз, когда они прибегали к ее помощи, книга таинственным образом возвращалась в библиотеку Шангри-Ла. «Книга Дзян» — наша единственная и последняя надежда. Очень прошу тебя помочь мне! Мы должны найти Шангри-Ла, мы должны выйти на связь с твоими ламами...

В библиотеке повисла тишина. Неустанно барабанил по крыше дождь. Потрясенный услышанным, Дорджен Тругпа замер и не сводил испуганного взгляда с полковника, не в силах придумать, что делать и что отвечать.



На Дели опустилась ночь. Жаркий, запруженный народом базар осветился кострами и фонарями. Нищие и йоги в толпе и отдельно от нее просили подаяние у прохожих. За право проехать машины соперничали с пешеходами и животными. Верблюды, лошади, ослы и священные коровы, бродившие где вздумается, были защищены законом, им дозволялось беспрепятственно и без опаски шествовать по улицам индийских городов. Крупные грузовики, груженные ящиками и укрытые брезентом, зигзагами пробирались сквозь заторы, изрыгая соляночную вонь. Их груз раскачивался из стороны в сторону, нависая над головами пешеходов.

Кришна быстрым шагом прокладывал путь сквозь этот хаос. Нэнси пришлось постараться, чтобы уговорить его организовать встречу с Адамсом. Ведь она была его начальницей, и Кришне не хотелось, чтобы в свою первую ночь в Индии она потерялась на одном из самых оживленных базаров Дели.

Нэнси чувствовала, как с каждым часом после допроса в ее душе растут негодование и уверенность в себе. После полицейских запугиваний, не получив помощи и поддержки от Дэна Фишера, Нэнси следовала своему врожденному журналистскому инстинкту: он подсказывал, что нужно принимать решение самостоятельно и брать все в свои руки. К тому же, рассуждала она, Дэн Фишер

просил ее написать статью с местным колоритом, а где же искать этот колорит, как не на восточном базаре ночью?

Она не сводила глаз с маячившей впереди спины Кришны. В его движениях Нэнси замечала скованность, не характерную для здешних людей. Похоже, Кришна чувствовал себя неловко в суматохе базара, он был слишком деликатным, слишком хорошо образованным, слишком привыкшим к другому обществу — властной элите Индии. Нэнси же такое приключение было не в новинку: оно мало отличалось от прогулок по неблагополучным районам округа Колумбия. Сейчас ей было не очень уютно, но она говорила себе, что это полезно — учиться маскировать свое отвращение к окружающей обстановке.

Они прошли под аркой древних ворот к Кашмир-Се-раи, главному базару. Как в громадном котле, бурлили в нем толпы людей со всех уголков Центральной Азии: погонщики верблюдов из Белуджистана, пуштуны из Кабула с характерными рыжими бородами, жители Сиккима в коротких красных одеяниях и конических шляпах, украшенных перьями. Мужчины спорили и заключали сделки. Мальчишки пинали караванных собак, кормили с рук лошадей сеном или вьючили им на спину пластиковые канистры с бензином. Базар располагался на старой, построенной британцами викторианской площади у железнодорожного вокзала. Вокруг площади, на один пролет лестницы выше, прятались в тени крытые аркады, где более удачливые торговцы устроили себе магазинчики. В каждой арке галереи, доверху заложеной кирпичом, была встроена дверь, надежность которой зависела от достатка хозяина. В этих затененных «норах» процветали торговля и разного рода ремесла — ростовщичество, починка обуви, изготовление подков и ключей.

Для Нэнси стало открытием само существование подобного места, она поминутно изумлялась колориту и столпотворению. И тут Кришна потянул ее за рукав мимо галдящей артели таджикских водителей грузовиков, споривших с хозяином-индусом о плате за последний рейс.

Улыбаясь, Нэнси придвинулась к Кришне и прокричала:

— Боже мой, что делать американцу в таком месте?

Не отрывая взгляда от толпы, он ответил:

— Место самое подходящее для нелегальной торговли предметами старины. Очень много раритетов поступает из Афганистана через Хайберский проход* и по Каракорумскому шоссе** из Китая. В древности для купцов не было преград... Ну, а если вы сами попытаете проделать этот путь, долгие годы в тюрьме вам гарантированы.

Нэнси покачала головой, даже не пытаясь поддерживать беседу в этом гвалте. «Что я делаю?» — вдруг подумала она и почувствовала, как вновь тает уверенность и накатывает усталость. Может, надо вернуться домой и немного поспать? Совет Дэна Фишера был здравым. Она журналистка, а не частный детектив. Перепады настроения начинали сбивать с толку: несколько мгновений у нее было отчетливое ощущение, что она занесла ногу над пропастью и внизу нет ничего, кроме мрачной промозглой бездны. Но эту мысль Нэнси отбросила: поздно, на-

* Проход в горном хребте Сафедкох; расположен рядом с границей между Афганистаном и Пакистаном. Длина прохода составляет 53 км, ширина 15–130 м. Основной перевал находится на высоте 1030 м. Проход издревле использовался как важный торговый путь между Южной и Центральной Азией, а также имел стратегическое значение.

** 300-километровая высокогорная автомобильная дорога, пересекающая Каракорум через Хунджерабский перевал на высоте 4877 м. Самое высокогорное международное шоссе в мире.

зад дороги нет. Кришна начал взбираться по ступеням, и она пристально смотрела, как он входит в деревянный дверной проем и скрывается в одной из таинственных аркад. Нэнси последовала за ним, наверху помедлила и быстро глянула вниз на неистовую деловую активность рынка.

Можно потратить месяцы на изучение этого места, не говоря уж об остальном Дели, думала она. Именно на это Нэнси и рассчитывала, когда решила собрать чемоданы и оставить за спиной прошлую жизнь с ее рутинной и набившими оскомину обыденными ритуалами: чашка кофе в магазинчике на углу по дороге на работу, просторный офис отдела новостей с рядами столов, ланч в редакционной столовой или на лужайке перед ней в солнечную погоду. И вот она здесь. Огромный континент раскинулся перед ней, словно приглашая к исследованию. Совсем другой мир — новый, неизведанный, манящий. Если бы только все началось по-другому, с тоской подумала Нэнси. Если бы на какой-нибудь пыльной улочке им навстречу вышел Херцог, все было бы просто замечательно. Но этого не будет никогда. Херцог пропал, и что-то подсказывало Нэнси: Антон уже не вернется.



Внутри аркада напоминала нечто среднее между турецким сералем и музеем естествознания. Два изумительных огромных светильника опускались с потолка, сводчатый купол которого поднимался над помещением площадью около двадцати пяти ярдов. Лампы заливали светом обширную коллекцию древностей, окаменелостей и костей всех мыслимых форм и размеров. Богатые разноцветные персидские ковры украшали стены и полы. Там и здесь были расставлены старинные столы, шкафы и шкафчики из Китая и Японии, и почти каждый сантиметр поверхности занимали тысячи различных предметов — как предположила Нэнси, тибетская коллекция Джека Адамса.

От такого великолепия захватывало дух. В центре комнаты, на единственном свободном пятнышке, на горке подушек восседал Кришна, беседуя с невысоким индийским мальчиком лет двенадцати. На мальчике были свободная рубаша и шаровары, поношенные кожаные тапочки и грязноватая тибетейка. Лицо его казалось встревоженным. Когда Нэнси вошла, он поднялся и слегка поклонился.

— Проходите, — обратился Кришна к Нэнси. — Это Ким, помощник Джека. Ким, это Нэнси Келли из газеты «Интернэшнл геральд трибьюн».

Кришна вновь повернулся к мальчику и продолжил разговор на хинди. Нэнси осторожно пробралась к центру комнаты и шагнула на ковер.

— Ким сходит за мистером Адамсом, — сказал Кришна.

Мальчик вновь отвесил поклон и, проворно лавируя, шмыгнул в дверь в противоположной стене аркады. Нэнси не сразу ее заметила.

Кришна кивнул ей. Он немного нервничал.

— Нам повезло, Адамс здесь. Я боялся, вдруг он опять в отъезде. Вы сначала закиньте удочку: спросите, можно ли организовать поездку в Пемако. Если удастся его заинтересовать, спрашивайте об Антоне... Уверен, ваш журналистский опыт подскажет, как это сделать.

Из темноты у дальней стены донесся шум, и показался высокий, сильно загорелый европеец. У него были коротко постриженные светлые волосы и небесно-голубые глаза. Двигался он с беспечной развязностью, в которой угадывалась скрытая энергия; контуры мускулов отчетливо просматривались под тонкой тканью рубашки. Нэнси тотчас поняла, что Кришна имел в виду под самонадеянностью мачо, хотя Джек ничего не делал, лишь вытер руки и, выбравшись на свет, бросил тряпку на пол. С этим парнем надо держать ухо востро, говорил Нэнси ее инстинкт; она поняла, что Адамс — человек хитрый и ловкий. Любезный, но склонный к вероломству и вспышкам ярости, он играл только в свою собственную игру.

— Это вы хотите прокатиться в Тибет? — заговорил Адамс, протягивая ей руку.

Нэнси пожала предложенную руку и прикинула, с чего лучше начать. Он проницателен и, скорей всего, быстро ее раскусит. Может, разумнее с самого начала рассказывать все честно? Пока Кришна произносит свое вялое приветствие, у Нэнси мелькнула мысль о том, что облик

сурового путешественника-проводника тщательно продуман. Адамс обустроил свой офис в колоритном квартале, украсил его богатейшей коллекцией древностей, усилив все это образом крутого альпиниста, искателя приключений. Без сомнений, это была важнейшая составная часть его торговой марки, однако Нэнси это не интересовало. Джек был хорош собой, признала она, и он наверняка привык, что женщины падают к его ногам, принимая его тяжелую противоречивую жизнь за красивое приключение.

Она мысленно одернула себя: люди чувствуют, что вы думаете о них. Особенно когда цепко всматриваются в вас блестящими глазами, будто пытаются распознать ваши мотивы в тот момент, когда вы заняты тем же самым. Надо вести себя более осмотрительно. Не исключено, что ему известно о костяной трубе, которая лежала у нее в сумке. Как только Адамс отпустил ее руку, Нэнси попыталась захватить инициативу и сказала заинтересованно и оживленно:

— Да, мне надо попасть в Пемако. И чем быстрее, тем лучше.

— Понятно, — ответил он, потирая рукой подбородок.

Даже в его манере говорить был налет театральности — опыт торговых отношений с туристами, едва сошедшими с трапа американского самолета. Нэнси сама только что сошла с самолета, но за свою карьеру она напутешествовалась вволю и полагала, что разбирается в методах обработки туристов. Да, Адамс харизматичен, подумала она, но с образом бывшего проводника явно переусердствовал.

Все расселись на подушках, и Ким принес чаю. Адамс сказал:

— В Пемако я наведывался этим летом, шел через ущелье Су-Ла. Коварное местечко: точной карты нет, ни

одного целого моста, а сейчас там полно китайских солдат. Все пытаются вытянуть деньги. Вдобавок — ведьмы...

Кришна, нетерпеливо ерзавший рядом с Нэнси, перебил:

— Какие ведьмы?

— Ведьмы-отравительницы. Пемако славится ими. Это старухи, живущие в деревнях. Они травят странников, чтобы забрать их ци — жизненную силу.

Нэнси подняла брови.

— Скажите, сколько это будет стоить.

— Я вижу, среди нас бесстрашная путешественница?

В голосе Адамса послышалась насмешка, и это задело Нэнси, хотя она пыталась уверить себя, что это всего лишь его фирменный стиль, и ничего личного.

— Едва ли, — живо ответила она. — Но Пемако ведь совсем не то, что джунгли на Борнео.

По лицу Адамса скользнула тень. Он повернул голову, отыскал взглядом на столе большую кость и взял ее. Потом заговорил, уже не улыбаясь.

— Видите? Это бедренная кость яка. — Он шлепнул костью по ладони левой руки. — Як — родственник верблюда, но он тощий, ленивый и характер имеет более скверный. Тибетцы доверяют яку точно так же, как бедуины верблюду. Они пьют молоко яков, едят их мясо, глазные яблоки, семенники. Даже в лампах у них горит ячье масло.

Он взвесил кость в руке, словно биту. Затем, по-прежнему без улыбки, остановил на Нэнси каменный взгляд:

— А вы, мисс Келли, верите пропаганде о Тибете? Верите, что это была мирная счастливая страна, где далай-ламы правили довольным населением, пока туда не явились свирепые китайцы?

Он протянул Нэнси кость. Она с неохотой взяла, озадаченная резкой переменой его настроения. Этот парень

с каждой минутой становился все загадочнее. Адамс вновь заговорил.

— Кость, что у вас в руках, использовалась как особый инструмент. Если крестьянин совершал преступление, даже такое ничтожное, как кража миски жидкой каши для своей голодающей семьи, его хватали, прижимали к вискам круглые концы вот таких бедренных костей и начинали сдавливать. Давили то тех пор, пока у преступника не вываливались глаза. Вот так в феодальном царстве великих лам вершилось правосудие.

Нэнси с отвращением выронила кость на ковер. Адамс поднял ее, бережно положил на стол и, резко подняв голову, вновь остановил на госте пристальный взгляд.

— Банальности о волшебном и божественном Востоке, которые так любят повторять на американских вечеринках, страшно далеки от истины. Тибет всегда был жестоким и опасным для тех, кто не понимал его. Более того, я готов утверждать, что это едва ли буддийская страна. Это оккультное царство, где правит бал черная магия. Тибет не является и никогда не был мирным буддийским краем.

Кришна уже не мог сдерживаться.

— Ладно, Адамс, достаточно. Хотите заработать или нет? Мы пришли сюда не лекции слушать, а на вечеринки к американцам я заглядываю крайне редко.

Адамс взглянул на него и деловым тоном ответил:

— Придется раскошелиться.

— Сколько?

— Когда хотите отправиться в путь, сколько человек и какова цель путешествия?

Кришна посмотрел на Нэнси.

— Я одна, — поспешно сказала она. — Отправиться в путь надо так, чтобы о поездке не прознали китайские

и индийские власти. Свою цель я объясню, когда мы прибудем в Пемако.

Адамс улыбнулся, будто ничто из сказанного не удивило его.

— Понял. В таком случае пятьдесят тысяч долларов за десятидневное путешествие, включая проводников и оборудование. Предоплата — вся сумма.

Нэнси ахнула.

— Сколько? Я мало знаю об экспедициях в Тибет, но ваши требования возмутительны. За такие деньги мы можем нанять армию проводников!

— Можете. Даже подкупить китайских чиновников иммиграционной службы. Только если вы пойдете в Пемако без меня, вас больше никто никогда не увидит.

Кришна опять перебил его:

— Я не понимаю, как вообще можно заниматься бизнесом с такими расценками. Это по меньшей мере странно...

— Отлично. Если вы так считаете, желаю удачи в поисках другого проводника, — сухо ответил Адамс.

Он допил свой чай и сделал вид, что готов закончить встречу. Кришна уже собрался уходить, когда Нэнси произнесла:

— Послушайте, Адамс. Может, договоримся? Таких денег у меня нет. Я не миллионер, я журналистка.

Адамс мрачно посмотрел на нее и после долгой паузы ответил:

— Я подумаю. Когда хотите ехать?

Кришна в замешательстве смотрел на Нэнси. Она поняла, что он считал ее предложение обычной уловкой, поводом разговорить Адамса. Сама она думала иначе. Или все-таки сначала она блефовала? Ее мотивы отчего-то вдруг затуманились: Нэнси чувствовала, что ее влечет некая преобладающая цель, но не могла разложить

элементы этого влечения на составные части. Если Адамс может провести ее в Тибет, почему не поехать? Но сумма была неподъемной. Надо уговорить Джека снизить цену. Как — она еще не знала.

— Чем раньше, тем лучше. Я спешу.

Несколько мгновений все молчали. На лице Кришны застыло потрясение, а Нэнси и Адамс глядели друг на друга. Нэнси еще раз отметила, что этот мужчина раздражающе хорош собой, однако его далекая от утонченности, сверхмужественная красота не слишком привлекала ее.

— Что ж, тогда выбор за вами, — подал голос Джек. — Мой компаньон вылетает сегодня вечером, и есть вероятность попасть на его рейс. В противном случае вам придется подождать как минимум две недели. Объявлений о рейсе не будет: чтобы миновать зону захвата радаров, надо лететь на частном самолете.

— Сегодня вечером — когда?

— В полночь. Аэропорт Индиры Ганди, терминал легких самолетов.

Нэнси буквально переполнял адреналин. Впервые после допроса она почувствовала, что вновь обретает контроль над собственной судьбой. Это именно то, чего она так хотела: приключение и шанс сделать себе имя. Возможно, она даже отыщет Херцога. Если найдет деньги. Все, что было, — трэвел-чеки на пять тысяч долларов. Еще у нее имелись сбережения, но перевод из Штатов мог занять несколько дней или недель, да и на счете у нее было всего около пятнадцати тысяч долларов. Она чувствовала, что Кришну охватывает паника, но сейчас ей не было дела до него.

— Ваша последняя цена?

— Я подумаю, — ответил Адамс. И вновь посмотрел ей в глаза снисходительным взглядом.

«Что я делаю? — спросила себя Нэнси с волнением и возрастающей тревогой. — Куда меня несет?» Даже если Адамс снизит цену, путешествие ей не по карману. А что еще важнее, в нем не было нужды. Нэнси беспокоила индийская полиция, а она зачем-то кинулась в сумасбродную затею с этим непонятным человеком. Она вновь ощутила, насколько Кришне не по себе, и поняла, что он будет просить ее остановиться, отказаться. Официальная жалоба, строгое распоряжение редактора — такие методы ему по душе. Он решительно на стороне Дэна Фишера. А пускаться в бега с человеком в высшей степени ненадежным — этого он одобрить не мог. Но и оставаться в Дели Нэнси не желала: жить в постоянном страхе и ожидании ареста или депортации в Нью-Йорк — непривлекательная перспектива. К тому же она была твердо уверена, что индийская полиция не собирается искать в Тибете ни Антона Херцога, ни любого другого американца.

«Но что же так тянет меня туда?» — вновь подумала Нэнси. Она никак не могла понять этого острого желания попасть на ночной рейс, что перенесет ее через Гималаи в сказочную страну. Нэнси отбросила эти мысли, и фантазии унеслись, уступив место реальности. Безумная затея. Надо сейчас же просто вернуться в Дели. И Дэн, и полиция приказали никуда не уезжать. Решение она примет позже.

— Я должна выяснить, какими располагаю средствами, — отрывисто сказала она Адамсу. И добавила уже менее напряженно: — У меня к вам еще одно небольшое дело, если не возражаете. Мне хотелось бы узнать о происхождении древней кости, которую дал мне мой старый друг. Не могли бы взглянуть на нее?

Адамс коротко кивнул.

— Конечно.

Как только разговор о путешествии завершился, Кришне заметно полегчало. Нэнси достала из сумки сверток и выложила его на ковер. Она заранее убрала в сумку карточку Херцога. Адамс опустился на колени в позе выжидающего нетерпения. Повозившись с веревкой, Нэнси медленно раскрывала грязную ткань, пока не показалась странная кость с металлическим мундштуком.

— Разрешите?

Самодовольная развязность торговца Джека Адамса тотчас испарилась. О, еще одна личина, подумала Нэнси: профессиональный археолог. Она кивнула. Адамс потянулся к кости, как к бесценной хрупкой вазе или священной реликвии. Он взял ее в руки и внимательно осмотрел со всех сторон, медленно поворачивая так и эдак. Потом, чуть помедлив, принялся осматривать мундштук более тщательно. Наконец он выронил окуляр себе на ладонь и с выражением предельной серьезности вернул кость Нэнси.

— Вы знаете, что это? — Нескрываемое подозрение звучало в его голосе.

— Думаю, это можно назвать костяной трубой... — не очень уверенно ответила Нэнси.

— Поднесите его ко рту и тихо подуйте в мундштук.

С сомнением и осторожностью она взяла в рот мундштук и дунула. Древняя труба издала зловеший тревожный звук. Адамс кивнул.

— Такие инструменты применялись в тибетских тантрических церемониях. Костяные трубы невероятного древние. Их использовали в бронзовом веке, а может, и раньше. Судя по состоянию кости, могу предположить, что инструмент очень-очень старый.

— Почему вы так решили?

— Тафономия. Изучение возраста и процесса разложения древних костей. Я эксперт в этой области. Лучше бы, конечно, провести тщательную проверку, но даже по внешнему виду я могу сказать, что кости по меньшей мере двадцать тысяч лет. Не исключено, что гораздо больше. — Адамс добавил почти рассеянно: — Сделано из бедренной кости мертвого человека.

Нэнси передернуло от отвращения.

— Фу! Жуть какая...

Она поспешно положила кость на ткань и вытерла руки о ковер. Адамса как будто удивила ее брезгливость.

— Да не волнуйтесь вы так. Не думаю, что предыдущий владелец скучает по ней. Вы знаете, что такое небесные похороны?

Она покачала головой.

— Во многих местах в Гималаях не хоронят умерших, к тому же на бесплодных горных склонах недостаточно леса, чтобы сжигать тела. Вместо этого усопших оставляют на горных вершинах. В Тибете священнослужители разрезают трупы на части и скармливают стервятникам: дабы душа могла быстрее добраться до бардо — промежуточного состояния между смертью и последующим перерождением. Когда птицы закончат свое дело, священники возвращаются, ломают оставшиеся кости и разбрасывают их по земле. Иногда кости оставляют нетронутыми. — Он показал на лежащую на ковре кость. — Древние места небесных похорон высоко в горах, именно там находят большинство костей в Гималаях. Но эта, вполне возможно, из могильного кургана какого-нибудь вождя из Центральной Азии. А то и с Запада — из Европы, например... — Джек посмотрел на Нэнси, и во взгляде его читалось подозрение. — Не могли бы вы сказать, где вы ее взяли? Насколько я понял, находка не из этих краев?

Нэнси чуть помедлила, глядя на кость, и ответила:

— А почему вы спрашиваете? Вам знакома эта надпись?

Джек тоже помедлил, и этой паузы Нэнси хватило, чтобы понять: он говорит не всю правду.

— И да и нет. Кинжал и свастика, полагаю, арийские. Арийцы — первоначальные покорители Индии. Они хлынули с равнин центральной Азии четыре-пять тысячелетий назад и почти в то же самое время также мигрировали на запад, в Европу. Они несли свою собственную религию на субконтинент, нечто вроде протоиндуизма. Свастика, которую можно встретить повсюду в этой части света, — исконный арийский символ.

Голос его стих, он вновь принялся рассматривать мундштук.

— А буквы? — спросила Нэнси.

Адамс нарочно проигнорировал вопрос и вместо ответа, пристально глядя ей в глаза, поинтересовался:

— Откуда это у вас?

— От Антона Херцога. Он прислал ее для меня в офис.

Ответ Нэнси вызвал странную реакцию у Джека Адамса: он мгновенно как-то подобрался. Кришна говорил, что Антон недолюбливал Адамса, и Нэнси поняла, что это взаимно. Но было и что-то еще. Адамс принялся еще внимательнее осматривать кость, словно разгадал в ней некую глубокую суть. При виде того, как он впился алчным взглядом в этот предмет, Нэнси занервничала и стала заворачивать кость в ткань, одновременно наблюдая за Адамсом. Джек почувствовал ее пристальный взгляд и выдавил улыбку, не в силах оторвать глаз от ее рук.

— Послушайте. Я знаю Херцога. Я могу вам помочь, — проговорил он. — Я могу установить происхождение этого предмета, если вы дадите его мне...

Нэнси немного подумала.

— Так как же насчет надписи? Она что-нибудь значит? Вы знаете, откуда она?

— Нет.

Лжет, не сомневалась Нэнси. Джек торопливо продолжил, словно отчаялся уговорить ее:

— Разрешите мне отвезти ее в музей Дели. — Он показал куда-то назад, на дверь в дальней стене. — У них есть оборудование. Они определяют возраст кости, измерив степень разложения ее радиоактивных изотопов... Метод не идеален, и кость придется существенно подпортить, но попробовать стоит. Я заодно сравню форму мундштука с теми, что есть у меня и в коллекции музея. Я там всех знаю.

— Сначала скажите, почему, на ваш взгляд, эта вещь попала к Антону?

Джек смутился — возможно, гадал, с какой стати она задает такой вопрос, если хорошо знает Херцога.

Он осторожно ответил:

— Видите ли, у Херцога были свои гипотезы относительно Тибета и истории человечества...

Нэнси молчала и ждала продолжения.

— И мы оба, каждый по своим собственным причинам, ищем доказательств...

Она посмотрела на Кришну, затем перевела взгляд обратно на Адамса и сказала:

— Доказательств того, что теория Чарльза Дарвина ошибочна?

— Что до меня — вроде того, — уклончиво ответил Адамс.

— А Антон? Он ведь не археолог и не палеонтолог. Адамс помедлил, прежде чем ответить.

— Нет. Просто у нас совпадают интересы, вот и все. Время от времени мы обсуждаем наши исследования.

Нэнси выгнула бровь.

— Какого рода исследования?

Адамс опять взял паузу, по-видимому не желая откровенничать. Нэнси не хватало совсем чуть-чуть — тоненькой ниточки, которая помогла бы разгадать, чем на самом деле был увлечен Херцог все эти годы.

— Вот что, мистер Адамс, — настойчиво проговорила она. — Мне нужна ваша помощь. Я только что приехала, а Антона в городе нет. Если вы расскажете мне, что за исследование он вел, возможно, я отдам вам кость на пробы.

Адамс окинул ее подозрительным взглядом и кивнул.

— Ладно. Расскажу то, что знаю, хотя знаю я немного.

Он умолк, явно размышляя, с чего начать. Как представить Антона Херцога человеку, ничего не знающему о Тибете.

— Гипотезы Антона были довольно... странными. — Адамс глянул на костяную трубу. — И это делало его похожим на охотника за сокровищами.

— Вы вроде бы сказали, что он не археолог.

— Не археолог. Сокровища, которые он ищет, совершенно иного рода. — Он обвел рукой комнату. — Он охотится за носителями древних тайных знаний. Ламы называют их «терма».

— Что же это за терма?

— Честное слово, понятия не имею. Храмы, Священные Писания, живописные долины, врата в иные миры — не знаю. Ламы написали целые книги об этих терма, но неизвестно, можно ли воспринимать их буквально. Все очень туманно, как обычно бывает с эзотерическими традициями. Лично я определенно не понимаю ни одной из них, да и, если честно, особого желания

понимать нет. Может статься, еще живы те, кто знает, где находятся эти штуки, как отыскать их и сделать достоянием человечества.

Нэнси смотрела на Адамса с недоверием. Судя по его словам, Херцог был чудачком, а его тайна с каждым часом становилась все более непостижимей.

Явно желая отделить себя от странных увлечений Херцога, Джек Адамс продолжил:

— Должен сказать, безумные идеи Антона были мне не по душе. Мы с ним их даже не обсуждали... Порой я слушал Херцога и думал: он больше похож на ламу, чем сами ламы. Он таскал мне кости и просил определить их возраст, приносит моленные колеса, еще какие-то священные штуковины. Я всегда охотно ему помогал. Он хотел, чтобы я проверил, в каких районах Гималаев стоит искать — на верном ли он пути. Его интересовали места древнейших поселений человека. Терма, которые он разыскивал, датируются многими тысячами лет. Они страшно древние.

Нэнси нахмурилась и принялась размышлять вслух.

— Невероятно. Невероятно настолько, что я совсем ничего не понимаю. Ведь все утверждают, что Херцог — умный человек...

— Еще какой умный. Слушать его — одно удовольствие. Никто столько не знает о Тибете, но он хорошо осведомлен и в десятках других областей. Антон много пожил, много читал, много думал. Он настоящий эрудит, вот что невероятно.

— Но он всерьез верил, что найдет в Тибете то, что ему нужно?

— Именно в Тибете. Он далеко не первый, как вы выразились, умный человек, посвятивший себя поискам потаенных райских мест или источников древней мудрости в горах Гималаев. И, уверен, не последний.

Есть целая плеяда исследователей Тибета, объединенных эзотерическими интересами: Свен Гедин*, Аурель Стейн**... Даже нацисты направляли экспедиции в Тибет в поисках бог знает чего.

— Ясно. Это все, что вам известно?

Адамс отвел глаза.

— Я же вам сказал, подробности мы не обсуждали. Я занимаюсь поиском старых костей, кремневых орудий и древних поселений. Это в корне отличается от увлечений Антона. Ему не интересно исправлять чьи-то ошибки и искать доказательства существования древнего человека. Он считает это само собой разумеющимся. Он мечтает найти затерянные царства, поскольку верит, что в итоге они приведут его к цели. И его абсолютно не занимает, что думают на этот счет остальные. — Адамс неожиданно рассмеялся. — Даже вам не удастся переубедить его. Это умнейший человек, какого я встречал в своей жизни.

Нэнси горестно вздохнула.

— Спасибо вам за помощь.

С этими словами она поднялась. Адамс тоже встал.

— А кость? Могу я взять ее на время?

— Я подумаю.

Лицо Джека Адамса вытянулось, на нем отразилось отчаяние. Он не хотел заканчивать разговор. Нэнси подумала: удивительно, как все переменилось с того момента, когда она переступила порог этого странного помещения, заполненного артефактами и костями людей и животных.

* Гедин Свен Андерс (1865–1952) — шведский путешественник.

** Сэр Марк Аурель Стейн (1862–1943) — венгерский путешественник и этнограф, наряду со Свеном Гедином и П. К. Козловым в XX веке внес наибольший вклад в исследование Восточного Туркестана.

С наигранной беззаботностью Джек спросил:

— А кстати, где сам Антон? Взял короткий отпуск и поехал с Майей отдохнуть на горную станцию?*

Краем глаза Нэнси заметила, как побледнело виноватое лицо Кришны. Она попыталась остаться невозмутимой и не выдать того, что понятия не имеет о Майе. Она взглянула на Адамса и невозмутимо ответила:

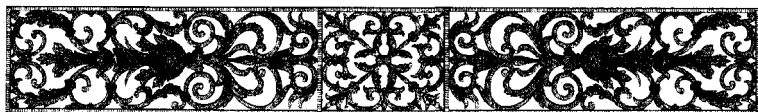
— Нет, просто отлучился из города. Готовит статью. С этими словами она направилась к выходу.

Адамс, как тень, последовал за Нэнси и даже положил руку ей на плечо — грубовато, ей показалось. Он предпринял последнюю попытку.

— Послушайте, я готов подготовить путешествие в Пемако за десять тысяч, если вы позволите мне исследовать кость и скажете, где Антон взял ее.

— Я подумаю и позже перезвоню вам, — пробормотала Нэнси, стряхнула с плеча его тяжелую руку и выскользнула в душную делийскую ночь.

* Обычно обозначает поселение в горах на Индийском субконтиненте. Термин британских колонизаторов в Азии для обозначения поселения, используемого ими в качестве убежища от летней жары. После обретения Индией независимости политическое значение горных станций закончилось, но многие горные станции остались популярными летними курортами.



— Пещера магов.

С победно сияющими глазами полковник Жень ткнул пальцем в китайскую военную карту. Капитан вытянул шею; они были одни в старинной библиотеке. На карте Гималаи тянулись слева направо. Меж величественных гор несла воды река Цангпо, набирая силу близ священной горы Кайлас на западе и устремлялась на восток, петляя меж высокогорных долин, напиваясь талой водой с ледников. На полпути вдоль Гималайского хребта река резко поворачивала на юг и, низвергаясь через скалы ущелья Цангпо, выплескивалась в долины Пемако с высоты семнадцати тысяч футов до пяти тысяч на протяжении одиннадцати миль. В лесах Пемако она умирала свой нрав, но лишь до той поры, пока вновь не ныряла в неприступное ущелье. Еще двадцать миль на юг и три тысячи футов вниз, и Цангпо превращалась в священную реку Индии — Брахмапутру.

Полковник Жень убедился, что путь будет невероятно трудным. Горы, река и зеленое пятно, обозначавшее на карте джунгли Пемако, — по сравнению с этим районом остальная территории Китая и даже Тибета на карте были отражены куда более детально: обозначены были дороги, деревни, возможные места для посадки вертолетов и т.п. Но карта Пемако была безнадежна, как белое пятно, — она словно попала сюда с картинки из детской книжки сказок. Полковник Жень покачал головой.

— Монах говорит, они с незнакомцем на носилках направляются к Пещере магов. Там должен находиться вход в целую систему пещер.

Он постучал по карте рядом с точкой, обозначавшей гомпу Литанг.

— Если не доберемся туда раньше, потеряем шанс догнать их. Ужасно обидно. Мы разминулись с ними буквально на несколько часов.

Капитан тихо произнес:

— У меня тридцать один человек, они ждут приказа к выступлению. И, как вы просили, я передал армейскому офицеру ваш приказ охранять монастырь, чтобы он нам больше не мешал. Я приказал своим людям оставить здесь все снаряжение. Мы сможем передвигаться быстрее. Монахи опередили нас от силы часов на шесть-семь. Мы быстро нагоним их.

Полковник Жень вновь покачал головой и с недовольным видом уставился на карту: как назло, именно на этом маршруте карте недоставало точности. По пути сюда они прошли вниз по реке от ущелья Су-Ла к восточному берегу Цангпо, к канатному мосту, который давным-давно рухнул в стремнину. Пришлось уповать на единственный шанс — уцелевший стальной трос, не обозначенный на карте, в одиннадцати милях вниз по течению, за монастырем. Будь канатный мост цел, они добрались бы сюда раньше солдат, учинивших разгром.

Эта вереница неудачных и непредсказуемых событий расстроила и встревожила полковника. Он поднял глаза и сказал:

— Монахи идут очень быстро. Им не нужно есть и отдыхать так часто, как это необходимо солдатам. Я наблюдал странствующих монахов высоко в Гималаях — для поддержания сил они носят с собой мешочек с ячменной мукой. Их выносливость заставила бы содрогнуть-



ся олимпийских марафонцев. Монахи могут двигаться с большой скоростью три-четыре недели, днем и ночью, без сна и отдыха. Любой другой замерз бы насмерть в горах или умер от истощения и усталости, но эти люди обучены йоге, они способны возрождать тепло тела и восстанавливать силы. Мы должны добраться до пещер раньше, иначе отстанем навсегда.

Капитан не видел в этом проблемы.

— А почему мы не можем продолжить преследование в пещерах? Можно захватить с собой динамит или выкурить их оттуда...

Полковник Жень мрачно взглянул на него.

— Капитан, никто не знает, куда ведут эти пещеры. В Гималаях полно сказок о подземных городах. Как-то раз в Шигацзе, в Западном Тибете, мне повстречался старовер из Москвы, один из тех русских христиан, что носят черные одежды и длинные бороды. Он рассказал о потаенном городе Чудь. Вы что-нибудь слышали о нем?

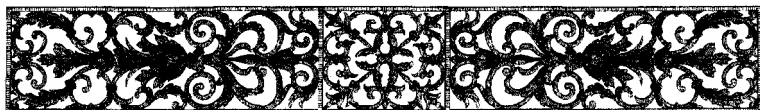
— Нет, полковник.

— Старовер рассказал, что по сей день можно услышать пение его обитателей в подземных монастырях, звон колокола и отголоски праздников буквально под ногами... Запомните мои слова, капитан: нам мало известно о Гималаях, но мы должны тайком проникнуть в Шангри-Ла и взять что велено. На какое-то время мы станем чем-то вроде взломщиков, и больше ничего. Мы не собираемся тревожить сон царей — стоит это сделать, живыми нам не уйти. Никакого динамита, никакого дыма. Мы должны догнать монахов, заставить их, если потребуется, показать нам путь, и убраться по возможности незаметно.

Капитан смотрел на него с сомнением. Полковник отодвинул бесполезную карту в сторону.

— Вы скептик, капитан. Здесь, в горах и диких областях Западного Китая, я повидал немало такого, во что

вы поверите с трудом. Я пересекал верхом степи Сычания и слышал, как внизу, под ногами, эхо разносило стук копыт по системам подземных туннелей. Я видел странных личностей на базарах Кашгара — людей, вышедших прямо из недр пустыни Гоби, облаченных в одежды из далекого прошлого, имевших при себе истертые монеты времен, предшествовавших правлению Чжоу. Я пытался приблизиться к ним, используя все приемы, которым меня обучили в разведшколе, но они таяли у меня на глазах. Не стоит недооценивать монахов. У них нет оружия и армейских грузовиков, зато есть особое знание. — Полковник решительно натянул фуражку и свернул карту. — Выступаем немедленно. Любой, кто отстанет, будет брошен на милость джунглей.



Нэнси и Кришна не сказали друг другу ни слова, пока не устроились на удобном заднем сиденье служебного автомобиля редакции «Интернэшнл геральд трибьюн». Базар — слишком шумное место для разговора, и Нэнси пришлось попридержать свои вопросы, чтобы не угодить под ноги проходящим верблюдам и не быть ограбленной улыбающимися уличными мальчишками. Она думала о том, что сейчас услышала.

Нет сомнений, Херцог напал на след того, что искал много лет, а Джек Адамс расчетливо ссудил Нэнси малую часть правды. Сам он наверняка понимал в этом гораздо больше. Нэнси полагала, что Адамс узнал буквы на мундштуке. Интуиция подсказывала ей, что правду Джек скрыл, и эта правда как-то связана с его первоначальной догадкой: костяная труба могла быть родом с запада Европы, а вовсе не из Тибета. Однако еще более странно было другое: как только Адамсу стало известно, что Херцог прислал трубу из Тибета, он тут же сбросил цену, будто надеялся узнать больше. Вдобавок появилась новая загадка — Майя.

Нэнси пробиралась через толпу к главной улице, ориентируясь по маячившей перед ней спине Кришны. Бог знает, о чем он думал. Может, совсем расстроился, убедившись в серьезности ее намерений.

— А кто такая Майя? — спросила она, когда машина отъехала.

Кришна отвернулся к окну.

— Нэнси, пожалуйста. По-моему, на сегодня достаточно.

— Кришна, почему вы все время увиливаете?

Она рассердилась. Почему все упорно не желают делиться с ней информацией об Антоне Херцогe? Кришна ее разочаровал, а Дэн Фишер просто взбесил тем, что дал индийскому коллеге карт-бланш не помогать ей. Она подозревала, что любое проявление чувств с ее стороны лишь усилит отчуждение Кришны.

— Кришна, вы должны мне помочь. Майя — это невеста Антона?

Он отвернулся от окна, чтобы взглянуть на Нэнси, но не ничего сказал.

— Она тоже волнуется. Знаю, вы не хотите, чтоб я совала свой нос в дела Антона, но я считаю, что вам не следует так скрытничать. Не забывайте, мы коллеги, и я хочу одного: помочь Антону. — Нэнси вгляделась в лицо Кришны в надежде, что он хоть немного смягчился. — Мы должны помочь Майе. Вы поддерживаете с ней связь?

После паузы Кришна прервал молчание.

— Нет.

— Значит, надо позвонить ей, подбодрить ее и успокоить. У нее есть еще кто-нибудь, чтобы поговорить об этом?

Нэнси с нетерпением ждала, что Кришна даст ей хоть немного информации. На языке тел легко прочитывалось настроение обоих: Нэнси — настороженная, готовая к действию и открытая к восприятию, Кришна — подобранный, зажатый, прищуривший глаза. И вдруг он не выдержал и торопливо проговорил:

— Я не знаю, что ей сказать. Поэтому не отвечал на ее звонки. Не знаю, что ей ответить.

Бедная женщина, подумала Нэнси. И бедный Кришна. Он абсолютно не годился на роль утешителя женщины, потерявшей любимого.

— Она звонила в офис?

Кришна вновь замкнулся в себе и пробормотал:

— Пару раз.

— Мы можем ей перезвонить прямо сейчас. Еще не слишком поздно... — Тут Нэнси осенило: — Можем подъехать к ней! Где она живет, знаете?

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Но я уверена, она переживает и чувствует себя страшно одинокой. Адрес вы знаете?

Опять молчание.

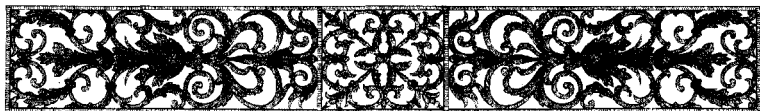
Нэнси настаивала:

— Кришна, Антон наверняка хотел бы, чтоб вы помогли ей. Надо хотя бы подбодрить ее и утешить, согласны? Мы с вами не имеем права оставить все как есть. Хорошо, больше не будем говорить о Тибете, Джеке Адамсе и костяной трубе, но эту женщину мы не оставим один на один с ее горем.

Она замерла в ожидании, пока Кришна закончит безмолвный спор с самим собой. Наконец он вздохнул и ответил:

— Румели-стрит в Старом Дели. Она живет на Румели-стрит. На этом наше расследование закончится? В детективов больше не играем. Мы поддержим ее, и все.

Нэнси старательно сделала вид, что именно так и будет, и кивнула.



Она отошла от низкого дверного проема и окинула взглядом пустынную улицу. По-прежнему никто не отзывался. Кришна дожидался в машине в двадцати ярдах отсюда — Нэнси велела ему не подходить к двери вместе с ней. После того как он согласился отправиться к Майе, они едва обменялись парой слов. Нэнси полагала, что волнение Кришны не улеглось, и очень боялась, что стоит ей открыть рот — и он передумает.

Наконец послышался шум, дверь чуть приоткрылась. На фоне сумрака удалось рассмотреть лицо женщины, которая тоже разглядывала гостью. Если это Майя, то она гораздо моложе, чем ожидала Нэнси: лет тридцати пяти, с мягкими чертами лица и красивыми темными глазами. Она казалась очень испуганной. Нэнси протянула руку.

— Здравствуйте, меня зовут Нэнси Келли. Я из «Трибьюн», коллега Антона. А вы Майя?

Женщина не ответила и руки не подала. Нэнси полезла в карман за удостоверением «Трибьюн», чтобы дать женщине прочесть свое имя и увидеть фотографию. Может, она не говорит по-английски? Может, она понятия не имеет о том, чем зарабатывал на жизнь Антон Херцог? Женщина молчала, явно раздумывая, как поступить. Не исключено, что она ничего не знает о профессиональной деятельности Херцога, а общались они только

на хинди или индийском диалекте. Возможно, Кришна был прав и лучше оставить Майю наедине с ее горем. Если она вообще горевала — привыкла к долгому ожиданию, когда Херцог утолял свою жажду приключений. Может, она даже знала, где он сейчас. Впервые Нэнси испугалась, что ее стремление найти Херцога обернулось самонадеянностью и даже дерзостью. Но женщина наконец заговорила.

— Чего вы хотите? — произнесла она тихо и печально.

— Я пришла поговорить об Антоне.

— Вы что-то знаете о нем? — спросила женщина, и ее голос дрогнул.

Нэнси почувствовала себя очень неловко. Как она смеет врываться в жизнь абсолютно незнакомого человека со своими надеждами и страхами?

— Думаю, он в Тибете. Я очень волнуюсь за него.

Майя — Нэнси уже не сомневалась, что это она, — нерешительно помедлила и пригласила:

— Войдите.

Дверь распахнулась. Как только они очутились внутри, Майя закрыла дверь на замок. Нэнси заметила, что руки ее дрожали, когда она поворачивала ключ. Потом она заметила кое-что еще, заставившее ее едва не ахнуть от удивления. Майя была беременна.

— Пожалуйста, проходите, присаживайтесь.

Они вошли в темную гостиную. Шторы были задернуты. В комнате стояли два кресла и диван. Нэнси неуклюже опустилась в кресло. Майя пристроилась на краешке дивана, дожидаясь, когда заговорит гостя.

— Простите, что вот так нагрянула к вам... Мои коллеги призывали меня оставить вас в покое. Но я не смогла.

— Он погиб — вы это пришли сообщить мне? — резко спросила Майя.

Нэнси показалось, что на ее лице мелькнула тень страха. Нэнси поспешила покачать головой.

— Вестей нет? — задала второй вопрос Майя.

— Нет.

— Тогда зачем вы пришли?

Нэнси сделала глубокий вдох.

— Дело в том, что я пытаюсь найти его. Я думала, вы в курсе, зачем он отправился в Тибет.

Майя выглядела подавленно. По-видимому, она готова была принять любую новость: о том, что Херцог жив и здоров, или в больнице в Тибете, или даже мертв — все это лучше неизвестности. Но Нэнси не сообщила ей ровным счетом ничего.

— Простите, у нас не было номера вашего телефона...

Майя застывшим взглядом смотрела в пол, нежно поглаживая рукой живот. Наверное, уже шесть или семь месяцев, подумала Нэнси. Ребенок Антона? В этот момент Майя подняла на нее глаза.

— Просто не знаю, что делать, — проговорила она.

В ее словах слышалось страдание, и Нэнси не сдержалась, поднялась со стула и обняла ее.

Конечно, она носила ребенка Херцога. Теперь, когда Антон пропал, как она будет растить малыша? Поглаживая Майю по спине и бормоча что-то утешительное, Нэнси взглянула на ее руку — нет ли обручального кольца. Никаких колец не было. Она даже не сможет претендовать на пенсию от газеты.

— Не теряйте надежды. Я уверена, с ним будет все хорошо, — беспомощно проговорила Нэнси.

Майя покачала головой. Выражение лица ее не изменилось, несмотря на все старания гостьи.

— Нет... Он не вернется.

— Почему вы так говорите?

По щекам женщины катились слезы.

— Он сказал, это дело всей его жизни, самый интересный рассказ в истории человечества. Вот только вернуться оттуда, скорее всего, не удастся. Он сказал, что обязан попытаться. Что мир должен узнать правду... — Не справившись с нахлынувшими чувствами, Майя умолкла.

— Какое дело? Вы имеете в виду материал о таянии ледников?

Майя вытерла глаза и попыталась взять себя в руки, чтобы продолжить разговор.

— Нет. Ледники — повседневная работа, они тут ни при чем. Антон говорил о куда более значительном деле...

Она поднялась и подошла к комоду у дальней стены комнаты. С растущим замешательством Нэнси наблюдала за тем, как Майя опустила на колени и вытянула нижний ящик. Он был набит идеально сложенным выглаженным бельем. Майя аккуратно сняла несколько слоев наволочек и скатертей и переложила их на комод сверху, а затем достала средних размеров коричневый конверт.

— Это он оставил мне. Сказал, через два месяца я должна вскрыть конверт... Если к этому сроку он не вернется, нужно полностью забыть о нем и устраивать свою жизнь.

Майя бережно опустила конверт на диван.

— Вы открыли его?

— Нет, я боялась. Боялась, что, если открою, он никогда не вернется. Боялась навлечь на него беду.

Тысячи мыслей пронеслись в голове Нэнси, все ее внимание сосредоточилось на безобидном манильском конверте.

— Но что же в нем может быть? — спросила она, размышляя вслух.

— Не знаю...

Нэнси посмотрела на Майю, но та отвела глаза.

— Майя, мы должны узнать. Надо вскрыть его. Антон отсутствует уже более трех месяцев. В конверте может находиться то, что поможет найти его.

Майя опять разрыдалась, Нэнси обняла ее и попыталась утешить.

— Не плачьте, прошу вас. Мы отыщем его. Обещаю. Я потому и пришла к вам — я уже пытаюсь помочь. Мы должны узнать, что в конверте. Вдруг это наведет нас на его след.

Рыдания Майи утихли. Нэнси деликатно попыталась вернуться к теме:

— Майя, послушайте меня. Вы должны открыть конверт — ради Антона.

Повисла долгая пауза. Наконец Майя заговорила.

— Прошу вас, откройте сами. Я не могу.

Второго приглашения Нэнси не потребовалось. Она подхватила с дивана конверт, аккуратно вскрыла и вытянула содержимое: сначала письмо в несколько страничек, следом — фотографию и какие-то металлические предметы.

Нэнси развернула письмо. Сверху располагались зловещие слова: «Последняя воля и завещание Антона Херцога». С колотящимся сердцем Нэнси пробежала взглядом по страничке. Индийский юрист составил бумагу, а второй юрист из той же фирмы засвидетельствовал подпись Херцога. Письмо было лаконичным и конкретным. Все статуи и антиквариат завещались музею Дели, сбережения на счетах Херцога в Индийском и Американском банках общей суммой в семьдесят тысяч долларов — Майе. Что ж, хоть одна хорошая новость, если со страниц завещаний могут прийти таковые. Далее в письме следовала опись артефактов, которые Херцог хранил у себя в квартире и в офисе. Нэнси мгновенно переключо-

чила внимание на фотографию. Она выпвела, уголки загнулись, снимок был черно-белым. Мужчина — высокий, стройный, красивый, лет пятидесяти — стоял на ступенях здания. Он опирался на трость и улыбался. Над входом в здание виднелась вывеска: «Отель “Буэнос-Айрес”». И все. Нэнси перевернула фотографию. На оборотной стороне было написано: «Феликс в день рождения матушки, Б.-А., 1957».

Славные денечки в Буэнос-Айресе, подумала Нэнси. Но кто этот Феликс? Она вновь запустила пальцы в конверт. Ордена. Два старых военных ордена. Она достала их и, к своему ужасу, тотчас узнала один и похолодела от страха. Это был Железный крест, особая награда в немецкой армии. Разглядев второй орден, Нэнси совсем потеряла самообладание. Форма его была простой: кинжал, украшенный свастикой — в точности как на мундштуке старинной костяной трубы. Нэнси постаралась взять себя в руки, однако Майя успела уловить ее панику.

— Что-то не так? Вы что-то заметили?

— Ничего. Простите.

— А что в письме?

— Завещание Антона. Он позаботился о вас — оставил вам деньги.

— Значит, он умер?

— Нет, не значит. Мы ничего не знаем. Полагаю, он оформил бумагу как своеобразную страховку. На случай если с ним что-то произойдет. Но это не означает, что его нет в живых. Вы ни в коем случае не должны терять надежду.

Она видела, что Майя вот-вот опять разрыдается, и быстро протянула ей фотографию.

— Вы знаете этого человека?

Майя несколько секунд вглядывалась в снимок.

— Нет.

— А имя Феликс вам о чем-нибудь говорит?

— Нет.

— А эти предметы?

Майя посмотрела на медали и кивнула.

— Да. Антон хранил их в ящике своего стола. Я как-то раз спросила его, что там, а он ответил, что это фамильные вещи, и все. Еще сказал, что когда-нибудь передаст их нашему ребенку.

Майя смущенно зарделась и умолкла, продолжая гладить рукой живот. Сердце Нэнси тревожно билось. Она была уверена, что свастика и кинжал на ордене идентичны эмблеме на мундштуке костяной трубы. Как возможно такое совпадение? А кто этот пожилой мужчина с фотографии, имел ли он отношение к орденам? Это его ордена? Человек явно был чрезвычайно важен для Херцога, но это не отец: странно было бы называть отца по имени, если мать упомянута как «матушка».

Да что тут гадать? Кришна же сказал: отец Херцога погиб в битве под Сталинградом. Значит, это отчим или дядя.

Нэнси аккуратно убрала письмо и жуткие ордена обратно в конверт и положила его на диван.

— Майя, умоляю вас, постарайтесь вспомнить, говорил ли Антон о том, над чем работал?

— Нет. О работе он вообще почти не рассказывал. Так, пару слов. Но в этот раз он до последней минуты не общал мне, что собирается уезжать. К тому же он явно был не в себе. Сказал, что обязан ехать — ради всего человечества. Он плохо себя чувствовал, но это его не могло остановить.

Холодок пробежал по спине Нэнси. Неужели настал ее звездный час, неужели она нашла священный Грааль журналиста? Самый важный, сенсационный материал Антона Херцога может стать ее материалом, если у нее достанет мужества ухватиться за эту возможность. Ее

пульс участился, а два противоборствующих стремления боролись друг с другом. Одна часть ее личности, склонная к риску, не знавшая страха и сделавшая из нее блестящего журналиста, теперь мечтала о славе: этот случай мог бы прославить ее имя, спасти Антона Херцога, принести международные премии. Но более здравомыслящее, консервативное начало пыталось обуздать амбиции и напоминало: на самом деле Нэнси не знает ничего, за исключением того, что Херцога разыскивают по обвинению в шпионаже, а несколько часов назад она сама сидела в полицейском участке под угрозой многолетнего тюремного заключения.

Как всегда, Нэнси достигла внутреннего компромисса — того самого, что всегда склонял чашу весов к выбору приключения и риска и позволял ей убеждать себя, будто она не собирается предпринимать никаких опрометчивых шагов. Она продолжит расследовать дело Херцога. Она уже видит слишком много причудливых и волнующих совпадений, манящих путей к разгадке. Она не бросит Антона на произвол судьбы, даже если этого требовал Дэн Фишер, особенно после встречи с Майей. Ради Майи она должна выяснить, что случилось. С другой стороны, нельзя покидать Дели, по крайней мере сейчас. Нэнси не может послушаться полиции. Одна мысль о возможности вновь оказаться в полицейском участке вызывала у нее содрогание. Нэнси хорошо осознавала: если ее еще раз привезут туда, белого света ей долго не увидеть.

— Майя, вам незачем волноваться. Я непременно выясню, что случилось с Антоном.

В этот момент кто-то включил во дворе дома радио, и мрачную атмосферу развеяли успокаивающе нежные звуки индийской музыки. Майя подобрала с дивана конверт и вместе с гостьей вышла в прихожую. Нэнси открыла дверь и шагнула на улицу. Воздух был плотным

и душным. Она с радостью вырвалась из давящего сумрака дома, пропитанного тревогой и болью.

Нэнси уже открыла рот, чтобы попрощаться, как вдруг Майя прошептала:

— Не оборачивайтесь. За вами тоже следят.

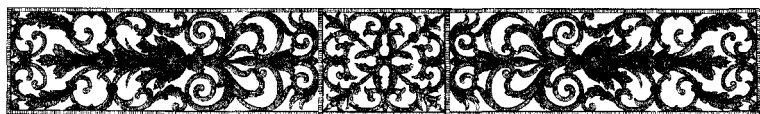
Нэнси охватила паника.

— Что? Кто? — шепотом спросила она, пристально глядя на женщину.

Майя одними глазами показала в сторону. Нэнси сделала вид, что ищет своего водителя, и осмотрела улицу. В тридцати ярдах стоял припаркованный симпатичный универсал с тонированными стеклами, которого здесь не было, когда она приехала. В бедном квартале такая машина выделялась, как инородное тело. Недавние решимость и уверенность Нэнси тотчас улетучились. Она повернулась к Майе, объятая страхом.

Индианка вновь заговорила, опустив голову:

— Я не знаю, кто это, но за мной они ходят по пятам. До свидания.



Всю дорогу с базара они молчали. Нэнси не удалось скрыть волнения после визита в дом Майи, но она надеялась, что Кришна отнесет это на счет самой встречи, а не факта обнаружения слежки. Машина ползла в плотном потоке делийского трафика, и Нэнси осторожно проверяла, преследуют ли их. Всякий раз, когда она украдкой оглядывалась, черный универсал маячил за их автомобилем.

Кришна, наверное, рад, что она помалкивает и не пристает с вопросами, думала Нэнси. Она предпочла не рассказывать ему о завещании и орденах и, конечно же, о подробностях разговора с Майей — о том, что Антон Херцог сознательно покинул Дели с рискованной миссией, не рассчитывая вернуться. Нэнси была уверена: расскажи она обо всем этом Кришне, он разнервничается, станет названивать Дэну Фишеру и доложит, что она не исполняет распоряжений начальства. Едва ли можно назвать идеальными такие отношения с новым коллегой, но что оставалось делать? Все тяжкое бремя тревоги — что происходит, кто следит за ней? — упало на ее плечи.

В редакции Кришна принялся вышагивать по захламленному офису. Нэнси сидела за столом Херцога, опустив голову на руки и гадая, что предпринять дальше и кто отслеживает ее шаги. Она даже надеялась, что это

полиция: из всех мрачных вероятностей эта была лучше, чем предположения о неизвестном враге. С другой стороны, слежка серьезно осложняла жизнь, поскольку Нэнси не сомневалась, что полиция может истолковать ее активность так, чтобы поставить ей в вину попытки установить контакт с сообщником по шпионажу.

Кришна бессильно опустил на диван — он явно устал. Нэнси посмотрела на него сквозь переплетенные пальцы. Чего он ожидал от нее? Что она просто все забудет? Память невольно прокрутила в голове последние события. Взгляд Нэнси упал на фотографию Анны Херцог, овдовевшей через год после свадьбы и вынужденной бежать в Аргентину с двухгодовалым ребенком на руках. Почему, вдруг подумала Нэнси, эта молодая женщина из множества стран выбрала именно Аргентину? Может, там жили ее родственники. Или хотела уехать как можно дальше от войны. Нет, скорее всего, причина была иной. Журналистский нюх подсказывал Нэнси, что здесь все не так просто. Ей пришла в голову идея.

— Кришна, а Херцог — это девичья фамилия матери Антона?

Он вздохнул и посмотрел на нее.

— Что-то не пойму, о чем вы?

По неловким, почти грубым словам она почувствовала его нежелание отвечать, но остановить себя не могла.

— Фамилия досталась Антону от отца или от матери? От ее девичьей фамилии? Иногда женщина теряет мужа до рождения ребенка и дает ему свою девичью фамилию. А может, они и не были женаты? Наверное, во время войны свадьбу было трудно не то что организовать, но даже найти для нее время...

— Очень интересно, Нэнси, — сухо ответил Кришна. — Мне никогда не приходило в голову заняться изучением супружеского статуса родителей Антона.

В голосе Кришны звучало нескрываемое раздражение. Нэнси сожалела о том, что бесцеремонно ворвалась в его жизнь и заставила испытывать такую неловкость. Во взгляде Кришны ей почудилась неприязнь. Будто ее методы и сама она как личность по какой-то причине ему противны. Поездка к Майе стала последней каплей. Наверняка он посчитал визит верхом бестактности, хотя Нэнси старалась представить его как доброе дело — миссия сострадания и сочувствия по отношению невесте Антона.

Нэнси это очень беспокоило. Но было что-то еще, не дававшее ей покоя, какая-то неподвластная ей целеустремленность: желание знать правду покоряло ее волю. Она всегда искала истину, складывая ее по крупинкам. Нэнси и прежде случалось попадать в сложные ситуации: несколько раз ей угрожали те, чьи интересы она задевала в журналистских расследованиях. Опасность была частью жизни и работы добросовестного журналиста. Но подозрение в международном шпионаже грозило серьезными неприятностями. Что касается растущей как снежный ком коллекции причудливых и невероятных ключей к разгадке — орденов, костяной трубы, — такого она не встречала еще никогда.

Однако неуступчивость до сих пор помогала Нэнси в работе. Неважно, насколько утомительной, нудной и не относящейся к делу поначалу казалась линия расследования; потом тебе везло — и случались бесценные открытия. Девяносто девять процентов времени уходит на выяснение ничтожных лишних деталей, но потом появляется одна-единственная деталь. В тот же миг, кропотливо изучая чью-то историю, ты вдруг понимаешь истинные мотивы или суть проблемы. Нужен ключик, маленькая зацепка. Нэнси напоминала себе карабкающегося по отвесной скале, ищущего опору альпиниста, который ощу-

пью движется по ровной поверхности собственного неведения.

С большой неохотой Кришна встал и включил для Нэнси компьютер Херцога. Как только он загрузился, Нэнси принялась изучать базу иностранных публикаций, на которые был подписан «Трибьюн». Не отрываясь от работы, она рассуждала вслух, постоянно ощущая рядом присутствие деморализованного Кришны.

— Если не ошибаюсь, «Зюдойче цайтунг» издается в Мюнхене. И в те годы издавалась там же. Надо поискать в их архиве записи о семье Херцога.

Она пробежала пальцами по клавиатуре.

— Итак. Если отец Антона погиб под Сталинградом, это произошло в тысяча девятьсот сорок четвертом году. Допустим, родители поженились в сорок третьем, если Антон родился в сорок третьем или сорок четвертом. Давайте попробуем поискать в объявлениях «Рождения», «Бракосочетания» и «Смерти» в цифровом архиве за летние месяцы сорок третьего года. Люди в те дни спешили жениться и родить детей — никто не знал, вернутся ли с войны мужья и отцы...

Нэнси ввела ключевые слова поиска «Херцог, бракосочетание» — она напечатала на немецком — и нажала «Ввод». В мае ничего. В июне тоже. И вдруг — вот оно!

— Есть! Скорее всего, это они. Обручение: Анна Херцог, дочь Карла Хайнца и Марии Херцог, с Феликсом Кенигом, двенадцатое августа, тысяча девятьсот сорок третий.

Она едва верила своим глазам. Выходит, пожилой мужчина с фотографии все-таки был отцом Антона, ведь его звали Феликс Кениг. Вот почему Антон берег фотографию все эти годы, храня ее вместе с орденами. Нэнси почувствовала, что запуталась. Ведь сообщалось, что его отец погиб под Сталинградом в сорок четвертом, а на снимке обозначены место и дата: Буэнос-Айрес, 1957.

Она покачала головой и вновь принялась размышлять вслух. Голос ее был неуверенным, когда она перечитывала коротенькую заметку.

— Это она. Не могли же сразу две Анны Херцог одновременно выйти замуж. Значит, отца Антона звали Феликс Кениг. Херцог — девичья фамилия его матери...

Тут вмешался Кришна:

— Отлично, вы узнали это. Может быть, остановитесь на поисках в Дели и поработаете над статьями о местной жизни, пока в истории с полицией не поставлена точка?

— Да-да, разумеется...

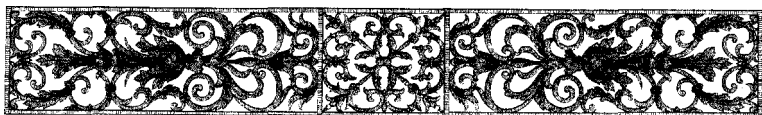
Однако Нэнси едва ли слышала увещевания Кришны. Она понятия не имела, какую именно пользу извлечь из новой информации, но чутье подсказывало, что она на верном пути. Нэнси продолжила:

— Итак, следующий вопрос: кем был Феликс Кениг?

Вглядываясь в результаты нового поиска, она замолчала. Интернет предложил ей великое множество Феликсов Кенигов: ученые, художник, шеф-повар из Гамбурга. Но никого, кто подходил бы на роль отца Антона. Кришна ждал, и Нэнси чувствовала: он очень надеется, что ее изыскания не увенчаются успехом.

Она повернулась к нему.

— Ничего. Абсолютно ничего.



В гуще джунглей, под большим скальным навесом, поросшим лишайником, монахи сделали еще один привал. Укрытие принесло облегчение: дождь измотал всех — он с таким шумом барабанил по буйной листве, что людям приходилось кричать, чтобы расслышать друг друга.

Они лежали без сил, как павшие на поле боя, в необычных позах, впитывая каждую минуту недолгого отдыха. Лишь помощник настоятеля оставался на ногах, настоженным взглядом обводя заросли. Школьная учительница тоже еще не спала: присев на корточки подле белого человека, она тревожно наблюдала за тем, как медленно вздымается и опадает его грудная клетка, ожидая, что каждый вдох может стать последним. По приказу помощника настоятеля она ни на минуту не отходила от чужака на протяжении всего перехода, даже когда монахи тащили его носилки через густые заросли.

Учительница осторожно убрала влажное полотенце, накрывавшее его лоб и глаза, и стала бережно вытирать ему лицо. Тотчас на ключицу белого опустился москит. Учительница отложила в сторону полотенце и попыталась осторожным движением отогнать насекомое.

И вдруг, когда она наклонилась, глаза мужчины широко распахнулись. Она замерла. Никогда в жизни она не видела голубых глаз — они были цвета бесценного синего коралла, цвета ясного неба над Тибетом в прозрач-

ный безоблачный летний полдень. Учительница в ужасе вскрикнула и тут же почувствовала, как огромные костлявые руки ухватили ее за плечи. Она закричала еще громче. Через секунду четверо монахов вскочили на ноги и схватили белого человека за руки. Учительница была отброшена на землю, где осталась лежать, продолжая хныкать, пока молодые монахи удерживали живой скелет, подавляя его сопротивление. Секундой позже к месту происшествия подоспел помощник настоятеля. Незнакомец уже утихомирился, но продолжал учащенно дышать. Его взгляд был застывшим, словно человек находился в забытии. Дрожащим от страха и волнения голосом помощник настоятеля спросил:

— Кто вы?

Ответа не последовало. Грудь белого человека вздымалась и опадала. Он медленно повернул голову и посмотрел на задавшего вопрос ламу. В глазах его как будто застыли слезы, однако губы растянулись в улыбке. С восторженной интонацией он проговорил:

— Я был в Шангри-Ла.

Стоявший рядом с помощником настоятеля доктор наклонился к его уху и прошептал:

— Сумасшедший.

Лицо белого человека исказила гримаса ярости, как будто он расслышал слова доктора или, по крайней мере, почувствовал его сомнения.

— Говорю вам, я был там!

После этих слов силы оставили его. Он откинулся на спину, прикрыл глаза и шепотом произнес:

— Я шел путем Феликса Кенига...

Помощник настоятеля склонился над чужаком, молясь, чтобы он не провалился обратно в беспамятство, и спросил:

— Кто такой Феликс Кениг? Он был вашим спутником? Он умер?

Пронзительно голубые глаза вновь открылись. Незнакомец не шевелился, но беспокойный блеск расширенных зрачков придавал его взгляду необычайную силу. На лице его вновь появилась слабая улыбка.

— Феликс Кениг не умер... Его взяли в плен.

— Кто?

— Русские. Они отправили его в Сибирь...

Помощник настоятеля решил, что незнакомец и впрямь безумен или бредит: в Тибете русских нет. Он посмотрел на него и, очень медленно проговаривая слова, сделал еще одну попытку:

— Скажите, кто вы и что делаете в Пемако?

— Мы были в Шангри-Ла. Мы видели «Книгу Дзян».

Он умолк. Помощник настоятеля повернулся к монаху-врачу и тихим шепотом спросил:

— Что скажете?

Доктор нахмурился.

— Он заговаривается. Это бред. Надо заставить его поесть и попить.

— У вас есть какое-нибудь средство от лихорадки?

— Да. Только позвольте задать ему вопрос.

Помощник кивнул. Доктор опустился на колени и приблизил голову к уху незнакомца.

— Вы понимаете, где находитесь?

Мужчина закрыл глаза и едва слышно ответил:

— Разумеется. Германия. Канун Второй мировой. Феликс Кениг работал в университете, в Мюнхене... Профессор факультета восточных языков. Он был блестящим ученым... Знал все восточные языки... Он не был солдатом.

Два тибетца озадаченно смотрели друг на друга, пока шепот не угас совсем. Не зная, что предпринять, помощник настоятеля неуверенно предложил:

— Приготовьте ему трубку.

— Трубка облегчит боль и развяжет язык, но может ввести в транс, — предостерег доктор.

— Придется рискнуть.

Доктор запустил руку в свой рюкзачок и вытащил длинную трубку, небольшой скрученный кожаный кисет с табаком, спички, металлические булавки и маленькие маслянистые шарики желтовато-коричневого опима. Помощник настоятеля склонился над больным и прошептал ему на ухо единственный вопрос, на который в состоянии ответить любой человек, даже если у него оставалась последняя крупинка рассудка:

— Как ваше имя?

Увы, поздно. Белый уже погрузился в забытие. Помощник настоятеля покачал головой, а когда повернулся, чтобы в очередной раз окинуть внимательным взглядом заливаемые дождем джунгли, вдруг почувствовал безотчетную тревогу. Он опять посмотрел на недвижимую фигуру. Широкая костлявая грудь поднималась и опускалась. Где сейчас витает этот несчастный? О чем грезит?

Антон Херцог — так звали мертвенно бледного человека, лежавшего на сырой земле под скальным выступом, — грезил о большом городе. Он видел, слышал и осязал раскинувшийся перед ним огромный Мюнхен: широкие бульвары, изящные арки мостов над Изаром, уличные толпы безработных в темных одеждах. Он никогда не был там, но Феликс Кениг рассказывал о Мюнхене тысячи раз, и сейчас Антон странствовал по городу, взирая на него глазами Феликса. Это был тот самый Мюнхен тридцатых годов, где жил и работал Кениг — всемирно известный ученый на пике творческих сил. Трудные времена, безработица, людям не хватало денег на новую одежду, не было средств даже на ремонт дорог — мир сковало удушливое объятие Великой депрессии.

Оставив где-то далеко позади джунгли и монахов, Антон Херцог в своих грезах странствовал по затхлым, пахнущим плесенью коридорам Мюнхенского университета, пока не набрел на дверь кабинета Феликса Кенига. Феликс был на месте — сидел за столом в окружении пыльных фолиантов на санскрите, тибетском, бутанском, китайском и кучке менее известных диалектов. В представлении Херцога Феликс Кениг был мускулистым молодым человеком с вьющимися светлыми волосами и радостным привлекательным лицом. Он с головой ушел в изучение древних книг. О его интеллекте сложились легенды — даже в гимназии, в Вене, учителя восхищались его сосредоточенностью и глубиной мышления. Как-то раз он сказал Херцогу, что эти способности он воспитал в себе на полях родной деревни, где с детства приучился к тяжелому труду.

Херцог видел бескрайнее море городских крыш. На юге, над Альпами, хмурились облака, копила силы гроза. Вотан*, грозный бог древних германцев, просыпался после продолжительного сна; назревала вторая великая война — война, которая швырнет Феликса Кенига в ад и обратно. Бедный Феликс Кениг трудился в своей библиотеке — рассеянный, ничего не замечающий вокруг, поглощенный историей происхождения германских народов, глубоко зачарованный древними тайнами. Таки-ми, например, как мечта об Атлантиде. Молодой ученый сидел за столом, погрузившись в древние тексты давно умерших цивилизаций...

В этот момент Антон Херцог ощутил дождь на своем лице. Где он? В Мюнхене или Тибете? Глаза его раскрылись — и он почувствовал, что тибетский доктор береж-

* Вотан — аналог скандинавского Одина в мифологии континентальных древних германцев. Вотан — хтонический демон, покровитель воинских союзов и бог-колдун.



но обтирает его влажным полотенцем, увидел черную нависающую скалу, джунгли и нескончаемый дождь. Ему так не хотелось уходить из видений и снов в реальную жизнь. Он хотел опять очутиться перед дверью Кенига. Херцог застонал и попытался отвернуться, но доктор не оставил его в покое. Чьи-то руки подхватили его за плечи и спину и посадили. Доктор сунул ему в рот трубку и заставил вдохнуть: восхитительный дым наполнил легкие и, казалось, устремился в мозг, убаюкивая боль и окутывая завесой саму мысль об унынии.

Херцог выкурил трубку до конца, после чего монахи позволили ему лечь. Он слышал голос доктора, задававшего ему вопросы. Он хотел заговорить и поведать об увиденном, рассказать, кто он и зачем последовал за Феликсом Кенигом. Он пытался сфокусироваться на лице доктора, но перед глазами все плыло.

Зато отчетливо увидел Феликса Кенига в кафетерии Мюнхенского университета — тот разговаривал с двумя мужчинами. Антон начал описывать происходящее доктору; по крайней мере, ему так казалось, но на самом деле он молчал и грезил. Тех двоих в кафе он знал, поскольку Феликс много раз рассказывал о той встрече. Карл Хаусхофер и его ассистент студент Рудольф Гесс. Хаусхофер — профессор, доцент университета, человек огромного интеллекта, отличавшийся необычными оккультными наклонностями, удостоенный высоких военных наград, пророк германского народа*. Гесс — один из демонов, что вскоре ввергнут его любимую Германию в преисподнюю и страшную войну, один из ближайших соратников Гитлера.

На момент встречи Кениг этого еще не знал, и Херцог захотелось крикнуть, предупредить юношу: «Бере-

* Карл Хаусхофер (1869–1946) — немецкий политический деятель и ученый, глава нацистской геополитической школы.

гись их!» Но беседа продолжалась, и люди-дьяволы спокойно объясняли Кенигу, что им нужен перевод китайских и тибетских манускриптов, что в ближайшем будущем они планируют экспедицию в Тибет. Если Кениг любит свою работу, он может составить компанию Хаусхоферу. Молодой Феликс внимательно изучал документы, которые видел впервые. Манускрипты на древних забытых языках объясняли происхождение арийской расы и миф о заоблачном рае Шангри-Ла. Феликс Кениг даже не предполагал существования таких источников. Это настоящее сокровище. С таким материалом он сможет прославиться в научном мире и навсегда увековечить свое имя. Херцог попытался сказать доктору, что именно с этого все и началось, что через месяц Кениг впервые окажется на собрании Общества Ту́ле* — эзотерической организации, целью которой было истинное познание прошлого. Херцог вспомнил «Ицзин», Оракул. С ним Кенига познакомили в Обществе Туле.

В этот момент Херцог впервые отчетливо увидел лицо доктора. Склонившись к больному, тот с тревогой спрашивал:

— Что эти люди искали в Тибете?

Помощник настоятеля сидел рядом на корточках и с ужасом прислушивался к разговору. Антон Херцог, окрыленный дурманом опиума, довольно внятно и свободно заговорил.

— Они верили, что много тысяч лет назад на Дальнем Востоке существовала высокоразвитая цивилиза-

* Общество Туле (*нем.* Thule-Gesellschaft) — немецкое оккультное и политическое общество в Мюнхене. Полное название — «Группа изучения германской древности» (*нем.* Studiengruppe für germanisches Altertum). Название «Туле» происходит от мистической северной страны Ультима Туле из древнегреческих легенд. Общество финансировалось Немецкой рабочей партией, впоследствии трансформированной Гитлером в НСДАП.

ция, которую создали люди, выжившие после катастрофы на древнем Му, также известном как Лемурия, — обширном континенте где-то в центре Тихого океана, внутри Огненного кольца*. Эти беженцы с Му были древними арийцами, предками германцев. Они нашли себе новую родину там, где сейчас пустыня Гоби. Они создали процветающую цивилизацию, ничем не похожую на жалкие государства вырождающихся и погрязших в пороках рас низших народов, влачивших жалкое существование в других уголках мира...

Помощник настоятеля слушал Херцога с мрачным выражением лица. Несколько раз он перебивал его, задавая вопросы, чтобы уловить смысл в потоке столь странной информации. Обессиленный незнакомец не сразу услышал его. Только сейчас он повернулся и прислушался к словам помощника.

— Отчего же тихоокеанская цивилизация погибла под волнами? — спросил лама.

Антон Херцог этого не знал либо не помнил. Зато знал теорию о циклическом рассеивании наций, медленно, но верно очищающем человечество до тех пор, пока однажды не возродится супермен, арийский сверхчеловек, который станет для всего мира новым мессией — германским Иисусом. Затем Антон поведал, что, по теории алхимического очищения высшей расы, или расы господ, эта вторая цивилизация успешно прошла череду испытаний и впоследствии была уничтожена мощным катаклизмом, предположительно ядерной природы. Цветущая родина высшей расы превратилась в нынешнюю пустыню Гоби, а те, кто выжил, — арийские цари — ушли на запад и на юг и создали новую столицу: подземное цар-

* Тихоокеанское вулканическое огненное кольцо (Тихоокеанское огненное кольцо, Тихоокеанское кольцо) — полоса действующих вулканов, окаймляющая Тихий океан.

ство под Гималаями, откуда и поныне продолжают править миром. Имя этой новой столицы Шангри-Ла. Кто-то говорил, что она лежит на юго-западе от нынешней Лхасы, близ монастыря Шигацзе. Другие источники уверяли, что она располагается под великой горой Канченджангой*, в Афганистане или Непале. Итак, в мае 1935 года, сказал Херцог, Кениг стал членом первой экспедиции Общества Туле в Тибет.

— Выходит, их целью была Шангри-Ла... — в ужасе прошептал помощник настоятеля.

— Да, — ответил Херцог. — Они должны были определить местонахождение Шангри-Ла, попытаться установить контакт с учителями и, что важнее всего, восстановить утраченное наследие арийской нации — мудрость правителей Лемурии. Речь шла о знаниях, способных сделать из любого человека супермена, представителя безупречной высшей расы, чье истинное предназначение — править миром. Сначала экспедиция направилась к горам Кайлас и Шигацзе на западе, а затем в горы к северу от Лхасы, а завершался маршрут на востоке, в малоисследованном районе Пемако. Там они и пропали...

— Куда они шли? — спросил помощник настоятеля.

— Через пять месяцев, — не отвечая на вопрос, продолжал Херцог — лицо его блестело от пота, и доктор вновь попытался хоть немного охладить лоб влажным полотенцем, — Феликс пришел в консульство Германии в Бомбее. Он был один и явно не в себе. Он не смог внятно объяснить, что случилось с остальными членами экспедиции, и отказался рассказать, где побывал. Но он заявил, что Германия на неверном пути и германский народ об-

* Канченджанга — горный массив в Гималаях на границе между Непалом и Индией, состоящий из пяти вершин, самая высокая из которых достигает высоты 8586 м над уровнем моря. Это третья по высоте вершина в мире.

манывают. Его посадили на борт идущего в Гамбург парохода, по прибытии на родину арестовали, поместили в психиатрическую клинику в Альпах, уволили из армии и лишили всех привилегий. И вдруг — лучик света: Анна, красивая и жизнерадостная двадцатидвухлетняя девушка. Только она смогла отвлечь и утешить его. В сорок четвертом они поженились.

Он уже плакал, и слезы смешивались с потом. Херцог посмотрел почти не видящими глазами вверх. Над головой колышется зеленый купол джунглей — или это ели баварских Альп? Он не понимал. Доктор вытер его лоб, и Антон проговорил:

— Это правда. Все, что я рассказал, правда. Вы мне верите?

Помощник настоятеля мрачно взглянул на доктора, и тот в ответ посмотрел на него. Все молчали. Херцог в бреду обливался потом и рыдал, но в некотором смысле, думал помощник, становился все более адекватным, не смотря на этот удивительный рассказ.

— Мы вам верим, — мягко ответил помощник настоятеля, и Херцог обратил на него взгляд ярко-голубых глаз, подернутых пленкой влаги.

— Тогда я должен вам сообщить, что Кениг был вовлечен в заговор с целью убийства Гитлера. Когда к нему домой приехала тайная полиция, прошло всего три дня после его свадьбы. Не хватило времени даже зарегистрировать брак в городской ратуше — гестаповцы буквально вырвали его из рук Анны. Ему предоставили жуткий выбор: либо Аушвиц, либо русский фронт. На следующий день Кенига в звании лейтенанта сбросили с парашютом в «котел» к западу от Сталинграда, где находились окруженные немецкие войска. В подчинении у него было одиннадцать молодых солдат, все не старше восемнадцати. Последний раз его видели живым, когда

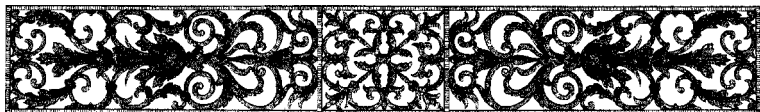
он на заре вел своих солдат в атаку. Они пытались отбить у русских нижний этаж брошенного магазина... Один из миллионов погибших в страшной мясорубке восточного фронта...

Рассказ отнял у Антона Херцога последние силы, и он устало замолчал. Заикаясь, потрясенный помощник настоятеля спросил:

— Получается, Феликс Кениг унес собой в могилу мечту о Шангри-Ла?

Херцог тяжело вздохнул, обессилено пожал плечами и ответил:

— Нет, вы не понимаете. Он все передал мне, он учил меня «Книге перемен». Я обещал ему, что тоже отправлюсь в Шангри-Ла. Кениг был моим отцом...



Господи, ну что же делать? Столько всего произошло за такое небольшое время. Мир Нэнси перевернулся с ног на голову. Всюду, куда бы она ни обратила взгляд, появлялись новые загадки. Нью-йоркская жизнь казалась ей сейчас однообразной и скучной. Никогда прежде она не чувствовала в себе столько энергии и сосредоточенности.

Нэнси взглянула на часы: восемь вечера. Чтобы попасть в Тибет втайне от властей, она должна успеть на самолет, до вылета которого оставалось четыре часа. Не было смысла лгать себе, что ее не тянуло туда. Бесцеремонность и незаконность ареста, отсутствие поддержки от Дэна Фишера, письмо Херцога, шанс попасть в историю и трагическое положение невесты Херцога все толкало ее на поиски Антона. И тем не менее она никак не могла решиться. Аргументы и логика Кришны были сильны. Не так просто очертя голову броситься за Херцогом в Тибет, если вообще был смысл искать его именно там. Дэн дал ей четкие указания: оставаться в Дели и готовить материалы на индийские темы. Полиция выпустила ее с условием никуда из города не выезжать. Нэнси всегда принимала решения быстро, но никогда еще не занималась столь опасными делами.

Кришна вышел кому-то позвонить. Нэнси слышала его голос из кабинета, но слов не могла разобрать. Она почувствовала себя одинокой и беспомощной.

Что-то не давало ей полностью расслабиться и разобратся в себе. Нэнси не могла забыть об Антоне Херцого. Ее приводило в недоумение то, что его бросили, но изумляла и глубина собственной привязанности к нему. Куда проще было бы отдать его судьбу в руки Дэна и полиции. Она восхищалась Херцогом, но он не был ей другом и вряд ли нуждался в том, чтобы еще один человек присоединился к его поискам, которыми уже занимался целый отряд шпионов, прочесывавших горы и долины Дальнего Востока. Можешь восхищаться им, сказала себе Нэнси, но не лезь туда и не воображай, что в твоих силах спасти его.

А если Антон Херцог хотел исчезнуть? Не желая становиться частью жизни Майи, он решил сбежать до рождения ребенка. Насколько известно, его считали законченным холостяком. Но как бы Нэнси ни пыталась себя отговорить, что-то все равно неудержимо влекло ее. Оставшиеся без ответов вопросы постоянно крутились в голове: чем же все-таки Херцог занимался все эти годы в Индии? Что на самом деле делал в Тибете? С какой целью заботился о ее карьере? Что в прошлом Антона побудило его к таким крайностям, к таким страстным увлечениям и опасным предприятиям? Больше всего хотелось знать, что это за великий материал, за которым Херцог очертя голову ринулся в Тибет, словно опытный охотник в поисках таинственного зверя?

Несмотря на все вопросы, возражения и предостережения, мечущиеся в голове по кругу, она должна попытаться. Ничего другого не оставалось. И что-то подсказывало ей: если она решится, то все ниточки, собранные за последние двадцать четыре часа, соединятся. Противоречивая история семьи, тревожный факт совпадения формы второго ордена с клеймом на мундштуке древней



костяной трубы и даже неожиданный энтузиазм Джека Адамса, предложившего отправить ее в Тибет, — все найдет свое объяснение и обретет ясность.

И тут взгляд Нэнси случайно упал на Оракул. Волна адреналина пронеслась по жилам. Она почувствовала, что книга ей поможет. Под аккомпанемент доносящегося из другой комнаты невнятного бормотания Кришны Нэнси протянула руку к книге, задала вопрос и шесть раз бросила монетку.

«Оракул, пожалуйста, помоги мне. Подскажи, что делать дальше».

Гексаграмма 42. «Приумножение».

Нэнси отыскала пояснение:

«Гексаграмма 42, “Приумножение”, превращается в гексаграмму 43, “Решимость”. Приумножение ведет к решимости. Ответ на ваш вопрос подразумевает оба толкования».

Две формулировки по цене одной, подумала Нэнси. Она быстро вернулась к началу книги и отыскала «Приумножение», номер 42, пытаясь понять скрытый смысл. Мало-помалу, будто тающий в солнечный рассвет туман, в голове возник ответ. Волоски на руках встали дыбом: Нэнси поняла, что это значит. Оракул указывал ей, как следует действовать дальше:

«42. Приумножение. Благоприятствует необходимость вершить великие дела. Изначальное счастье. Хулы не будет».



Гималаи! Она едва не вскрикнула. Ну конечно! Оракул велит ей пересечь Гималаи на пути в Тибет.

«Черепеха — оракул ценой в десять связок (монет. От его указаний) невозможно отклониться. Вечная стойкость — к счастью. Царю надо (проникнуть) с жертвами к богам. — Счастье».

Царь... Она едва не свалилась со стула. «Кениг» по-немецки — «царь». Простое совпадение? Вряд ли...

«Если приумножить это, то с необходимостью (накличешь) несчастья делу. Хулы не будет. Обладая правдой, пойдешь верным путем, заявишь (об этом) князю и поступишь (по его) мановению».

Оракул знал, что она пострадала вследствие «несчастий». Но каким образом книга узнала об этом? А князь и царь — одно и то же лицо? Этого она не понимала. От толкования сорок второй гексаграммы она перешла к сорок третьей, называвшейся «Решимость».

«Поднимешься до царского двора. Правдиво возглашай. (А если и) будет опасность, (то) говори от своего города. Неблагоприятно братья за оружие. Благоприятно иметь куда выступить».

«Боже!» — подумала Нэнси.

Если не слишком углубляться в значение слов, то Оракул указывает ей путь. Сомнения почти не осталось — вот прямое указание: отправляйся в Тибет и найди царя. Найди Кенига — Херцога. Если на пути встретятся опасности, необходимо поставить в известность родной город — это, наверное, совет пойти на мировую с Дэном

Фишером, а может быть, с Кришной. И еще: надо потопиться. Она должна отправляться немедленно.

Все было похоже на удивительный сон. Она облегченно вздохнула, закрыла книгу и несколько секунд сидела, пытаясь привести в порядок мысли. Как только закрылась книга, Нэнси стали одолевать сомнения. Может, она сверх меры начиталась толкований древней книги. Может, это всего лишь совпадение — Кениг и великие трудности на пути. И следом задалась вопросом: а если в толковании действительно кроется смысл? По правде говоря, то, как она истолковала для себя гексаграммы, казалось ей логичным и призывно манящим. Прислушавшись к себе, Нэнси поняла: она хочет в Тибет. Таинственные слова древней книги подтолкнули ее переступить порог, заставили принять решение: она отправляется в Тибет. Она будет искать Антона Херцога и — к своему нескрываемому волнению — попытается раскопать тот самый грандиозный материал.

В комнату с чайным подносом в руках вернулся Кришна. Нэнси наблюдала за тем, как он поставил его на стол и аккуратно разлил чай в две чашки. Наверное, решил, что уговорил Нэнси и она сдалась.

— Кришна...

— Да?

— Не могли бы вызвать мне такси. Поеду домой.

Голос тотчас выдал ее, показалось Нэнси. Понуриив голову, Кришна поставил свою чашку на стол. Заметив, как дрожат его руки, Нэнси в который раз пожалела, что доставляет коллеге столько неприятностей.

— Нэнси, — негромко сказал Кришна, — вы ведь не хотите связываться с этим человеком, Джеком Адамсом? Не собираетесь заниматься всей этой чепухой?

— Вы четко сформулировали свое мнение, и я готова разъяснить каждому, что вы были категорически против. Я еще не решила, что предпринять. Если найдете

в себе силы хоть самую малость помочь мне — буду вам признательна. Мы можем поискать больше информации об Антоне и его семье. Позвонить в наш филиал в Германии и попросить помочь.

Кришна покачал головой:

— Нэнси, я слышать об этом не хочу. Дэн Фишер ясно сказал, что вы должны оставаться в Дели, и даже не намекнул, чтобы в рабочее время мы занимались поисками Антона. Это не частное детективное бюро, нам надо делать газету.

— Кришна, вы хоть немного верите в то, что говорите, или просто пытаетесь спасти свою задницу? — выпалила Нэнси.

Кришна молча посмотрел ей в глаза. Затем, уже не пытаясь сдержать гнев, заговорил:

— При всем моем уважении, должен заявить: этот регион для вас — белое пятно. Я знаю, у вас блестящая репутация, но вы не региональный эксперт. Вы не знаете языков. Никогда не были в Тибете. Мне говорили, что вы человек замечательный, но импульсивный, что нужно разъяснить вам особенности здешней жизни, — резко ответил он. — Вот уж не думал, что в первый же день мне придется отговаривать вас от безумных планов. Но если мое участие в этих затеях ограничится лишь рекомендациями, именно это я должен сделать.

— Я ценю ваши рекомендации, — тихо сказала Нэнси, хотя ее охватывала ярость. — Только и делаю, что выслушиваю их. С момента прибытия сюда. Спасибо. А сейчас, как разумный и свободомыслящий человек, вооруженный вашими рекомендациями, я приняла решение. Я еду, вот так вот. И если есть желание помочь, поищите любую информацию о Феликсе Кениге. Если найдете — звоните на мобильный.

— Звонить вам на мобильный, пока вы тоже не исчезли, — отозвался Кришна.

— Вы и Антона отговаривали? Или он слишком большой авторитет? Слишком сильный характер? Вы так обращаетесь исключительно с молодыми журналистками?

— Да это совсем другое дело! — закричал в ответ Кришна. — Антон знает регион лучше меня. Было бы неуместно оспаривать его решение. Вы же просто-напросто самонадеянны.

— Интересно, — протянула Нэнси. — Подобное поведение мужчины, насколько я знаю, называют решительностью. А у женщин, значит, это самонадеянность?

Кришна лишь пожал плечами:

— Не вижу смысла защищаться от нелепого обвинения.

— И я не вижу смысла. И в нашем разговоре тоже, — сказал Нэнси. — Жаль, не удалось убедить вас взглянуть на вещи мои глазами. Но я заверю Дэна Фишера, что вы сделали все возможное, чтобы разъяснить мне, насколько моя затея плоха. Вас ни в чем не упрекнут, обещаю вам. — Нэнси взяла со стола Оракул Херцога и подхватила свой жакет со спинки стула. — Надеюсь, угрызения совести вас не замучают.

С этими словами Нэнси вышла из кабинета не оборачиваясь.



Дома в спальне Нэнси переложила кое-какую одежду из чемодана в маленький рюкзак. Останется она в Индии или нет, но только не в этом доме. Ведь именно здесь ее арестовали. Все в этой квартире дышало воспоминаниями об Антоне Херцогe. Она хотела исчезнуть, раствориться, сбить преследователей со своего следа — чтобы найти время подумать.

В квартире было темно, свет она решила не включать. Она почти не сомневалась, что ее такси кто-то «вел» до самого дома. Правда, Нэнси не исключала приступа паранойи вследствие переутомления. И все же предпочла оставаться в темноте. Если за ней наблюдают, по крайней мере, будет труднее разглядеть, чем она занимается.

Что брать с собой? А куда она едет, где будет жить? В отеле? В горах? В Тибете? Наверное, там холодно. Засунув свитер в рюкзачок, она почувствовала, что в желудке у нее похолодело, а тело напряглось, как при приближении опасности. Нэнси сложила теплое белье и поместила его в боковой карман рюкзака. Так, теперь Оракул. Она быстро пролистала страницы и бережно опустила книгу на дно сумки. Наверняка Херцогу очень его не хватает. Когда они встретятся, она вернет ему книгу. Если, конечно, они вообще встретятся: нельзя отбросить мысль о неудаче, когда все складывается против нее.

Взвывшая в ночи сирена заставила вздрогнуть, и Нэнси встала. Чемодан так и лежал на полу спальни в том месте, где она бросила его, приехав из аэропорта. Содержимое было перерыто, пока она лихорадочно перегружала вещи, повсюду разбросана одежда. Нэнси вышла в прихожую и на секунду заглянула в гостиную, быстро обведя взглядом сокровищницу Херцога. Наверное, здесь бы неплохо жилось, подумала она. Отличное место для вечеринок и приемов. Нэнси почувствовала легкое сожаление о гламурной жизни экспатов, которую могла бы вести в Дели. Но, готовясь к роли беглянки, она поспешно отбросила эти мысли, чтобы они не ослабляли ее решимости.

Прежде чем уйти, Нэнси намеревалась проверить еще одну ниточку в своем расследовании. Она не хотела звонить в присутствии Кришны, но сейчас самое время сделать это. Она пересекла загроможденную раритетами гостиную, уселась за письменный стол Херцога, включила его компьютер и вошла в систему. Через несколько секунд она узнала нужный номер телефона. Чуть помедлив, чтобы собраться с мыслями, Нэнси сделала глубокий вдох и набрала номер. Минуту она слушала гудки и почти отчаялась, когда на том конце провода ответил мужской голос с американским акцентом. В первую секунду Нэнси молчала, от смущения не зная, что говорить, и едва не повесила трубку.

— Джеймс, привет... Это я, Нэнси. Прости за звонок в такую рань.

— Мы же договорились больше не общаться.

Она слышала напряжение и беспокойство в его голосе и точно знала, о чем он сейчас думает.

— Джеймс, я звоню по делу. Я тоже помню, что наша связь закончилась.

Нэнси знала, что он, по обыкновению, не верит ей. Она словно наяву видела сейчас Джеймса: как он дер-

жит трубку телефона, как хмурится его красивое лицо, как щурятся зеленые глаза, а взгляд полнится недоверием. Его беспокоит, насколько Нэнси разумна. Она поначалу очень тяжело переживала их разрыв, и сейчас он явно не доверяет ее словам.

— Джеймс, я серьезно. Мне нужна твоя помощь. Хочу спросить кое-что о Южной Америке.

Он ответил с подозрением:

— Я думал, ты в Дели...

— Я в Дели.

— Вот как? И готовишь материал по Южной Америке?

— Просто нужна кое-какая информация о человеке из Буэнос-Айреса. Поможешь?

Молчание. Затем лаконичный вопрос:

— Имя?

— Антон. Антон Херцог. Ты, наверное, уже слышал — тот, что исчез в Тибете. Мне надо, чтобы ты выяснил все возможное о его семье и юности в Буэнос-Айресе.

— Что? Ты хочешь, чтоб я расследовал прошлое Антона? Нэнси, ты серьезно?

— Серьезней некуда.

— Вот что я тебе скажу. Не знаю, что ты задумала, но это не лучшая затея. И давай попрощаемся.

Нэнси вспыхнула.

— Джеймс, я согласна, что нам не стоит больше общаться. Но ты единственный из всех, кого я знаю, находишься в нужном месте и обладаешь необходимой квалификацией. И единственный, кому я могу доверить это. Очень прошу тебя помочь. Сделай это для меня, хотя бы во имя всего, что нас связывало. Пожалуйста.

Снова пауза. Затем он заговорил, немного смягчив тон:

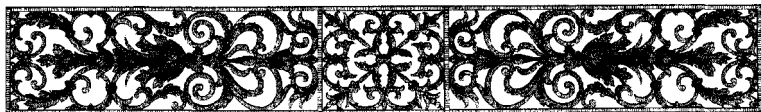
— Хорошо... Хорошо, поищу. Что именно ты хочешь знать?

— Да что угодно. Все, что удастся найти. Уверена, прошлое Антона прольет свет на его исчезновение. История может оказаться сложнее, чем поначалу кажется. Объяснить не смогу — нет времени. Информация нужна как можно скорее. Хотя бы часть информации. Хоть крупица.

Она почти успокоилась и почувствовала, что Джеймсу от этого стало легче.

— Ладно. Попробую. Но здесь еще рано. Некоторые места вообще откроются ближе к полудню. Я сделаю несколько звонков и свяжусь с тобой минут через двадцать. Не уверен, что удастся собрать много информации.

— Отлично, Джеймс. Что найдешь, то и сообщи. Спасибо тебе.



В ожидании звонка Нэнси тихими шагами мерила комнату. Прошло двадцать минут. Тридцать. Они показались ей вечностью. Она подошла к окну, приподняв пластинку жалюзи, увидела злобещую черную машину, терпеливо дожидавшуюся внизу. Ужас холодным ручейком скатился по спине. Если это полиция, они наверняка прослушивают ее телефон. Ей следовало тщательнее подбирать слова в разговоре с Джеймсом, чтобы не угодить в тюрьму. И можно ли ручаться, что телефонные разговоры будут свидетельством ее невиновности? Проверять это предположение на практике не хотелось. Нэнси сомневалась, что сомнения будут истолкованы в ее пользу.

Телефон наконец зазвонил.

— Нэнси?

— Джеймс, слава богу!

Она умолкла в ожидании.

— Я кое-что накопал по Антону... — Голос Джеймса звучал так, словно он еще не оправился от шока.

— Говори.

Как назло, именно в этот момент под окнами медленно проехала машина скорой помощи с включенной сиреной, и Нэнси не услышала слов Джеймса.

— Секунду, Джеймс, погоди...

Она вышла в безукоризненно чистую кухню Херцога, окно которой выходила на двор.

— Повтори, пожалуйста.

— Я кое-что нашел об Анне Херцог. Момент... Да где мои записи?..

Последовала пауза. Нэнси от досады зажмурилась и как наяву увидела Джеймса в его неуютном офисе за столом, заваленным бумагами. Ну, скорей же, мысленно то-ропила она. Через пару секунд он опять заговорил:

— Анна Херцог с бульвара де Реколета, Буэнос-Айрес, в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом вышла замуж за господина по имени Густав Дойч, эмигранта из Германии, прибывшего в Буэнос-Айрес в том же году.

— Значит, Дойч был отчимом Антона?

Как же тогда тот снимок, сделанный якобы в 1957 году, загадочное фото Феликса Кенига на ступенях отеля в Буэнос-Айресе — он воскрес из мертвых?

— Погоди, не так быстро, — попросил Джеймс. — Из обычных источников больше ничего добыть не удалось. Фотографий тоже нет, ни Анны Херцог, ни Густава Дойча. Я позвонил нашему человеку в Центре Симона Визенталя* — знаешь, охотники за нацистами. У них в Буэнос-Айресе офис. Шансов в подобных делах мало, но если речь идет о немецких эмигрантах такого возраста, попытаться стоит: в Аргентину занесло очень много нацистов. То и дело всплывают какие-то истории. Короче, я только что говорил с этим человеком, едва ли не самым удачливым из охотников за нацистами. Он сказал, что у них есть материал на Дойча. Дойч умер в семьдесят втором, но в пятидесятых они завели на него досье, поскольку имелись подозрения, что на самом деле его звали Феликс Кениг. Видный ученый и член какого-то оккультного Общества Туле, тесно связанного с нацистским режимом.

* Неправительственная организация, деятельность которой направлена на защиту прав человека, борьбу с терроризмом, антисемитизмом и изучение холокоста. Центр основан в Лос-Анджелесе в 1977 году.

— Бог ты мой...

— С ума сойти! Никак не думал, что у Антона такое темное прошлое.

— А почему у Центра Визенталья возникли подозрения, что Феликс Кениг остался жив? Ведь Антон утверждал, что он погиб под Сталинградом.

— Ну да. Тут-то и начинаются странности. В Центре Визенталья известно о военной службе Кенига и о том, что официально он числится «пропавшим без вести, предположительно погибшим». Последний раз его видели живым во время атаки его взвода, штурмовавшего полуразрушенное здание на линии фронта. В Сталинграде погибли сотни тысяч немцев. Но копать военные архивы о Сталинградской битве — напрасный труд: поиск приведет обратно в Германию, к сообщению о гибели в бою либо о том, что он попал в плен. А поскольку попасть в плен было равносильно гибели в бою, солдаты, не вернувшиеся домой, в военных архивах числились как «пропавшие без вести, предположительно погибшие», в точности как наш Феликс Кениг. Что касается герра Дойча. Он прибыл в Аргентину в пятьдесят четвертом, девять лет отдав сибирскому ГУЛАГу. В военных архивах записей о нем не нашлось, но в этом нет ничего необычного. Сам он утверждал, что стал одним из сотен тысяч германских солдат, захваченных под Сталинградом, и ему посчастливилось выжить, когда большинство пленных без следа сгинуло в лагерях. В пятьдесят четвертом Анна Херцог жила с другим немцем по имени Фредди Клаус, работавшим механиком в гараже на Риколете. Вот тут есть важный пунктик: как только на сцене появляется Дойч, Анна Херцог дает пинка Клаусу и выходит за Дойча. Именно поэтому в Центре Визенталья заподозрили, что на самом деле это Феликс Кениг, настоящий муж Анны Херцог.

Нэнси с трудом верила своим ушам. Ее застывший взгляд был направлен в окно кухни, на крыши домов Дели. Далеко к югу небосвод красили огни города. Ни звездочки не было видно: лишь оранжевая пелена смога и высоко над ней — черная-черная ночь.

— Можно сказать, романтично, — проговорила она. — Все эти годы она продолжала любить его. И ждать.

Что за идея — чистая любовь даже среди преступников и потерянных душ нацистской революции. И что это значило для мира? Что любовь готова простить абсолютно все? Что она и вправду слепа и по сути своей дьявольски аморальна?.. Вдали Нэнси разглядела огни самолета, неторопливо набиравшего высоту.

— А других доказательств у них нет?

— Есть. Дойч, точнее Кениг, окончил свой жизненный путь в должности библиотекаря в библиотеке Буэнос-Айреса. Он умел читать и писать по-китайски и по-тибетски — вот почему Центр Визенталья уверен, что Дойч и Кениг одно лицо. Дело в том, что нацистская организация Общество Туле, в которой числился Кениг, отправляла экспедиции в Тибет в поисках утерянных древних арийских знаний. Феликс Кениг был особым участником экспедиций, поскольку знал тибетский язык — редкость, согласись.

— Потрясающе. Выходит, Тибет, мечта всей жизни Антона...

— ...нераздельно связана с его отцом. Я тоже об этом подумал, — договорил за Нэнси Джеймс.

Она была потрясена. Отец Антона, исследователь Тибета, состоял в эзотерической организации и пользовался большим уважением ее полоумных членов. Нэнси пока не поняла, надо ли ей узнавать что-то еще, и сомневалась, хочет ли она садиться в самолет, когда ночь наполнилась черными тенями и жуткими призраками прошлого Европы.

Несколько секунд оба молчали. Потом Нэнси спросила:

— Но что конкретно, объясни мне, нацисты делали в Тибете, когда искали эти древние знания? Что это на самом деле значит? Что за чертово Общество Туле?

— Понятия не имею, но попытаюсь выяснить. Наш парень из Центра Визенталя схалтурил: сказал только, что это одна из многочисленных оккультных организаций, процветавших в Европе в период между войнами. А копнуть поглубже я просто не успел. Решил сразу же позвонить тебе, выложить новости. Я попробовал поискать в Интернете, там море ссылок и статей, но времени проверить их, сама понимаешь, не было. Мне и в голову не приходило, что на свете существовало нечто подобное... Что происходит, Нэнси? Чем занимается Антон?

Нэнси мучительно пыталась осмыслить новую информацию. Она так увлеклась, что не заметила, что тон Джеймса изменился: от снисходительно-жалостливого скепсиса к живой заинтересованности.

— Джеймс, я и сама пока толком не знаю.

Вэтот момент со стороны входной двери донесся шум. На лестнице раздался какой-то стук или удар, и все стихло. Нэнси оцепенела от страха.

— Мне надо уходить.

— Что у тебя творится? С тобой все в порядке?

— Не могу сейчас говорить. Кто-то идет. Спасибо, что помог.

Она бросила трубку, на цыпочках пересекла комнату и подкралась к двери в квартиру. С бешено колотящимся сердцем посмотрела в глазок, дававший обзор лестничной площадки. Никого. Наверное, соседи вернулись домой и хлопнули дверь. А вдруг кто-то залег у нее под дверь, прижался к стене вне поля обзора глазка? И неужели она только что так сухо, по-деловому раз-



говаривала с Джеймсом? Пару месяцев назад она бы все отдала, чтобы поболтать с ним по телефону. Нет, сейчас об этом некогда думать. Отчаянно хотелось выбраться из квартиры. Глубокий вдох придал Нэнси решимости. Осталось одно дело, и можно уходить.

Нэнси вернулась в комнату и села за компьютер. Пальцы легли на клавиши, и она подумала: интересно, хоть кому-нибудь еще в Индии когда-либо доводилось печатать слова «Общество Туле»? Пожалуй, никому, кроме Антона Херцога. Человек из Центра Визенталя отозвался об этом обществе как о диком культе, полвека назад возникшем в стране на другом конце света. Она дождалась, когда установится раздражающе медленное соединение, и начала поиск.

На экране появилась страничка со ссылками. Как Джеймс и говорил, тысячи сайтов на выбор. Но само по себе это не значило ничего. В строке поиска можно напечатать что угодно, и гарантированно получишь несколько тысяч ссылок. Нэнси требовался авторитетный источник, а не какая-то старая статья. Она просматривала названия, кое-что открывала, и наконец взгляд ее наткнулся на старенькую заметку в «Гардиан» — заслуживающей доверия британской газете.

Слева размещался рисунок с подписью «Символ Общества Туле»: кинжал, украшенный свастикой, точь-в-точь как на ордене и на мундштуке костяной трубы. У Нэнси перехватило дыхание, словно по ее вине далекое зло вдруг вползло в ее мир и с каждым этапом расследования дела Херцога все плотнее клубилось вокруг, подступая вплотную. Нэнси захотелось выключить компьютер и бежать. Но, скованная ужасом — или зачарованная им, — она дочитала статью до конца.



«Особые приметы. Июнь 1979

Thule Gesellschaft в переводе с немецкого означает «Общество Туле». Время и место рождения — 17 августа 1918 года, Мюнхен, отель «Фор сизонс». Основатель — Рудольф фон Зеботтендорф, видный германский оккультист. Своей целью общество ставило пропаганду идеи о происхождении голубоглазых и светловолосых представителей арийской расы. Туле — так, как считали члены общества, называлась мистическая родина арийцев.

К тому времени только закончилась Первая мировая война. Коммунистические революционеры строили планы низвержения германского правительства. Адольф Гитлер был одним из миллионов проигравших войну недовольных солдат, вернувшихся с фронта. Недавно он удостоился высшей солдатской награды за отвагу — Железного креста. Несмотря на поражение, в его душе, как у многих других солдат, жарко пылал патриотизм.

Общество Туле решило извлечь выгоду из сложившейся ситуации и в 1919 году основало организацию, названную Немецкой рабочей партией*. Партия была призвана распространять идеи общества о германском и арийском превосходстве. В следующем году Немецкая рабочая партия стала НСДАП — политической машиной, с помощью и посредством которой пришел к вла-

* В октябре 1918 г. руководство Общества Туле поручило двум своим членам — журналисту Карлу Гарреру и слесарю Антону Дрекслеру создать политический рабочий кружок, задачей которого было бы расширение сферы влияния этого общества на рабочих. Одновременно с созданием кружка Антон Дрекслер восстановил Немецкую рабочую партию (ДАП), на одно из собраний которой 12 сентября 1919 г. был направлен в качестве осведомителя Адольф Гитлер, которому пришлось по душе постулаты и лозунги партии. Ознакомившийся с отчетом Гитлера об этом собрании, капитан Эрнст Рем, выполнявший в штабе Франца фон Эппа обязанности политического советника, поручил Гитлеру вступить в ДАП и взять на себя руководство ею.

сти Гитлер. С течением времени НСДАП сделалась нацистской партией.

Одним из первых членов Общества Туле был Дитрих Экарт — состоятельный немецкий издатель и специалист по черной магии. Именно Экарт разглядел потенциал Гитлера, увидев его выступление с речью в пивном зале Мюнхена. Он взял шефство над Гитлером и принялся обучать его оккультным искусствам харизматического проецирования своих идей во внешний мир, воздействию на массы и риторике.

История свидетельствует, что талант Гитлера к ораторству намного превосходил дар Экарта. В 1923 году Экарт умер от заболевания легких, пораженных горчичным газом в окопах Первой мировой. Перед смертью он сказал членам Общества Туле: “Идите за Гитлером. Он поведет танец, но музыку написал я. Мы дали ему способности общения с Ними. Не оплакивайте меня. Мне удалось подействовать на историю больше, чем какому-либо немцу”.

Перед последним рывком к власти Гитлер получил небольшой срок в тюрьме. Во время отсидки его много раз навещал генерал Карл Хаусхофер, один из членов Общества Туле. Хаусхофер, профессор Мюнхенского университета, вел с Гитлером долгие беседы, в которых рассказывал будущему фюреру о том, как путешествовал по Тибету, как учился у высших тибетских лам. В Обществе Туле считали, что родина арийской расы находилась в Исландии, но вследствие последнего мирового катаклизма арийцы вынуждены были переселиться в Гималаи. Хаусхофер знал это, но история интересовала его не так сильно, как власть.

Хаусхофер верил, что тайные мистические братства Тибета обладают тайной создания сверхчеловека, завещанной им арийскими царями. Он был убежден, что с по-

мощью древних арийских оккультных обрядов тибетские праведники могли превратить обыкновенных людей в суперменов. Именно это знание и эту силу искали нацисты. Силы массового гипноза и массового повиновения, которым Экарт учил Гитлера, были ничто по сравнению с мощью сверхчеловека. Как только нацистская партия Гитлера набрала достаточную финансовую силу, она снарядила экспедиции в Тибет для поиска таинственного царства Шангри-Ла, являвшегося, по их убеждению, резиденцией высших Учителей.

Главным объектом их поисков и хранилищем секретов сверхчеловека была книга *“Das Buch des Ringes”*, что в переводе с немецкого означает *“Книга Кольца”*. Такое название нацисты дали тому, что в западных эзотерических традициях известно как *“Книга Дзян”*. Так ее называла русская оккультистка мадам Блаватская.

Нацисты, однако, вовсе не считали книгу тибетским творением и тем самым отказывались употреблять тибетское название. Они полагали, что книгу создали древние арийцы. Поговаривали, что ее обложка сделана из черной как смоль кожи давно вымершего животного, а на заглавной странице нарисовано золотое кольцо с обвившей его змеей, заглатывающей собственный хвост.

Книгу нацисты так и не нашли. В наши дни тибетские ламы, включая самого далай-ламу, категорически отрицают ее существование. Поскольку во время китайского вторжения в Тибет в 1959 году множество монастырей и библиотек было уничтожено, мы, наверное, уже никогда не узнаем правды о таинственной книге. Тем не менее стоит упомянуть, что Коммунистическая партия Китая признала существование книги и выразила желание заполучить ее и отправить в Пекин на так называемое безопасное хранение. В официальной партийной доктрине книга называется просто *“Черная книга”*, она счита-



ется дурным предзнаменованием и объектом, способным посеять религиозные предрассудки и ростки контрреволюционной деятельности».

Нэнси все сильнее охватывал страх, не давая сразу уловить смысл прочитанного. В отчаянии она открывала другие страницы по ссылкам, но те лишь варьировали материал, предлагая иные формы его подачи и не меняя сути.

Если все это правда, думала она, то нацистское движение выросло из оккультного общества или, по крайней мере, основывалось на оккультизме и Обществе Туле, членом которого состоял отец Антона. Нэнси ничего прежде об этом не слышала, и ужас пронизывал ее до костей. Общество отправляло экспедиции в Тибет в погоне за древней арийской реликвией — «Das Buch des Ringes», или «Книгой Дзян», потому что в этой книге заключалась тайна создания сверхчеловека. Это безумие, подумала Нэнси, но тут же усомнилась: а была ли «Книга Дзян» главной целью путешествия Херцога в Тибет?

Она отошла от компьютера усталая и сбита с толку. Ее глубоко встревожила мысль не только об оккультистах, торящих тропки через Тибет в поисках арийских реликвий, но и об Антоне Херцогe: ведь он отправился по темному и зловещему пути своего отца. Он, конечно же, верил в существование «Книги Дзян» или, может быть, хотел постичь собственные истоки и доставшееся ему странное наследство. Нэнси ничего толком не понимала... Она сидела в темноте, и ее трясло от этих открытий.

Что же ей делать? Куда, к кому идти за советом? Опыта у нее не было: она знала лишь ту жизнь, какую ведет большинство людей западного мира. Все ее размышления, мнения и убеждения идеально совпадали с той вер-

сией реальности, какую предлагали в школах и университетах. Смутно сознавая, что существуют иные подходы к жизни и версии истории человечества, она никогда не пыталась узнать о них. Но с каждым часом пребывания в Индии на нее обрушивалось что-то новое. Прехняя жизнь в Нью-Йорке напоминала сон наяву. Нэнси казалось, что все прошедшие годы она не отдавала себе отчета в том, что с ней происходит.

Ей припомнилось, что Херцог как-то написал статью, вызвавшую небольшой переполох. Когда же? Лет десять назад, точнее не вспомнить. Антон тогда заклеил материализм, материалистический взгляд на реальность и историю. Он выдвигал свою теорию: умысел и магия, писал он, заметны на протяжении всех «сейсмических» моментов развития человечества, и почти все великие повороты истории осуществлены горсткой людей, руководствовавшихся высшими убеждениями: революционерами, религиозными маньяками, крестоносцами и их потомками, создателями империй. Все оценили красноречие Херцога и решили, что он преувеличивает, но увлекательно и красиво, мастерски. Материал вызвал дискуссию среди читателей: некоторые видные ученые, несколько экспертов и аналитиков закрутили водоворот полемики, со знанием дела рассуждая о «реальности». Но, возможно, Херцог был ближе к реальности, чем кто-либо другой? Возможно, все дело в том, что Нэнси неведомы истинные движущие силы истории. Все эти годы она прожила в темноте.

Тут она спохватилась: надо поторапливаться и как можно скорее убираться из квартиры. Ей вспомнился Оракул и его настоятельный, почти навязчивый совет отправляться в Тибет. Был лишь один человек, для которого, по ее мнению, это безумие могло иметь смысл. Она порылась в кармане, нашла визитку Джека Адам-



са и набрала номер его мобильного телефона. Ведь Джек узнал ту эмблему и даже прочитал надпись, Нэнси была в этом уверена. Ради того, чтобы узнать больше, он готов сбить цену. К тому же он единственный, кто может доставить ее в Пемако. В трубке успел прозвучать лишь один гудок. Нэнси едва слышала ответившего — настолько громким был шумовой фон. Наверное, Джек в баре, подумала она. Надо ехать туда и найти Адамса, тогда не придется озвучивать свое решение попасть на ночной рейс. Если телефон прослушивается, лучше скрыть свои планы от полиции.

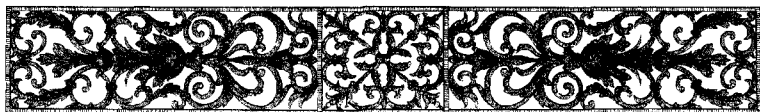
— Мистер Адамс?

— Да.

— Мне надо переговорить с вами о том, что мы сегодня обсуждали. Только не по телефону. Давайте встретимся. Чем скорее, тем лучше.

Безрассудное требование, подумала Нэнси, хотя отчаянно желала его согласия. Шум в трубке стал заметно тише: Адамс нашел место поспокойнее. Он ответил немедленно и предельно серьезно:

— Приезжайте в бар «У Рика» в отеле «Тадж-Махал» на Мансингх-роуд. Жду вас там.



Такси медленно выехало на дорогу, огибавшую сады Лоди. В садах было тихо, под редкими деревьями виднелись в темноте одинокие фигурки устраивавшихся на ночлег или просто отдыхавших людей. В отдалении едва угадывались в ночи унылые руины гробницы Хумаюна*. Отсутствующим взглядом Нэнси смотрела на пустынный пейзаж, временно отключив все эмоции. Ее жизненный опыт в эти мгновения представлялся чем-то чуть большим, чем каприз: суета, ощущение освобождения и непричастности к происходящему, будто она не в Индии и все это сон.

Мысли ее вновь возвратились к Оракулу, путеводной звезде Антона. Возможно, на самом деле книга обещала обретение того, о чем мечтаешь, чего ищешь в этой жизни, размышляла Нэнси. Машина притормозила за грузовичком, вокруг образовывалась пробка. Нэнси желала новых ощущений — тех, что погасят думы о прошлом, заставят сердце учащенно забиться, — и они пришли в избытке. О чем мечтала, то и получила, подумала она. Однако невозможно заранее предугадать, к чему это приводит в итоге. Ей все еще не верилось, что она разгова-

* Фантазия или ошибка автора. На самом деле никаких «руин» не существует — речь идет о целом и невредимом мавзолее могольского императора Хумаюна в Дели, построенном по заказу его вдовы Хамиды Бану Бегум.

ривала с Джеймсом, почти не испытывая боли. Наверное, она слишком увлеклась загадкой Херцога, чтобы снова погружаться в прошлое. Неужто и вправду ей нет дела до Джеймса? Наверное, это плата за новую жизненную перспективу.

Понемногу, толчками начали продвигаться вперед — как кровь в изношенной артерии. Нэнси задремала, и ей привиделась «Книга Дзян» в черном переплете, украшенном обвившей кольцо змеей. Вот книга прямо перед ней, посреди горящих развалин древнего, давно забытого города. Нэнси протянула руку, но дотянуться не смогла. Языки пламени вздымались все выше — теснямая их жаром, она попятилась. Но книга оставалась не тронутой огнем.

Ее разбудил голос водителя:

— Госпожа, мы приехали. Просыпайтесь, пожалуйста.

Нэнси с усилием разлепила веки. Она бы с большим удовольствием заплатила водителю, чтобы дал ей проспать здесь всю ночь. Смертельно усталая, она вытянула шею, чтобы взглянуть через лобовое стекло. Впереди красовался внушительный парадный вход в «Тадж-Махал», отель высшего класса, судя по одетому в золото и мрамор атриуму и веренице «бентли», выстроившихся перед такси. Из машин по очереди высаживались красивые индийские пары и шли к великолепному входу в отель. Происходящее напомнило Нэнси премьеру кинофильма или модную фотосессию.

Через минуту подошла ее очередь. Огромным усилием воли Нэнси выпрямилась на сиденье, взяла в руку рюкзачок, но дверь открыть не успела — это сделал за нее ливрейный лакей. В брючках хаки и белой блузке она чувствовала себя здесь абсолютно неуместной, но все же выбралась из машины, заплатила водителю и через

автоматически распахнувшиеся массивные двойные двери поспешила в кондиционированную прохладу вестибюля.

Перешагнув порог, Нэнси очутилась в просторном мраморном фойе. В центре плескался фонтан в форме тюльпана из дымчатого хрустального стекла, за свободно расставленными столами в креслах расположилось эlegantное индийское светское общество, чувствовавшее себя непринужденно в окружении этой роскоши. Высокий потолок украшали массивные, в три ярда шириной, плафоны в виде перевернутых чаш, покрытые искусными узорами. Они напомнили Нэнси об изысканных персидских коврах, висящих в нью-йоркском «Метрополитен-музее».

Разодетый швейцар-сикх показал, как пройти к бару «У Рика», и она присоединилась к группе стильных молодых индийцев, сынков и дочерей процветающих олигархов, следовавших в том же направлении. На ходу она взглянула на часы: полдесятого вечера — эти люди явно возвращались с ужина. Что делает в таком месте Джек Адамс?

Нэнси обошла группу молодых индианок в красивых сари и торопливо проследовала вдоль еще одного коридора, отделанного белым мрамором. В баре ее ждала сценка из болливудского фильма. Справа вдоль всего помещения тянулась стойка зеленого стекла, за ней на кожаных барных стульях устроились еще более изысканно одетые молодые индийцы. Слева располагались забитые посетителями диваны и кресла, повсюду сновали официанты, забирали у гостей опустевшие стаканы и с поклонением пятились, прежде чем удалиться и принести свежие напитки.

После мучительных событий уходящего дня Нэнси меньше всего рассчитывала оказаться в подобном ме-

сте. Яркий свет заливал помещение, и было так шумно, что она едва расслышала официанта.

— Госпожа, чем могу вам помочь? Не хотите ли выпить? Или вы кого-то ищете?

— Ищу. Мистера Адамса. Вы его знаете? — Нэнси пыталась высмотреть Джека.

— Да, госпожа. Пойдемте, я вас провожу.

Официант ввинтился в толпу, и она постаралась не отставать. В глубине зала на краешке уютного кресла сидел Джек Адамс. В его лице угадывалось легкое беспокойство. Он разговаривал с полным индусом лет тридцати. Индус развалился в кресле, и язык тел собеседников выдавал характер их отношений. Адамс пытается продать индусу какой-то предмет антиквариата, подумала Нэнси. Официант поклонился индусу и что-то прошептал на ухо Адамсу. Джек повернулся, и Нэнси кивнула ему — он без улыбки ответил тем же. Не исключено, что она застала его в самый разгар важной сделки. Адамс поднялся на ноги, поклонился своему компаньону, удостоившего его едва заметным кивком, и быстро подошел к гостье. Он показался ей крайне взволнованным.

— Решились, значит. Что скажете?

Она глубоко вздохнула.

— Хочу попасть на сегодняшний рейс. У меня пять тысяч долларов дорожными чеками. Консьерж обналичит их мне, и можете забирать кость. Это все, что у меня есть, зато вы получите то, что хотели. Мне необходимо улететь сегодня.

Джек Адамс оглянулся на пухлого индуса и вновь повернулся к ней. Если и были у него сомнения, он быстро разрешил их.

— По рукам, — сказал он. — Встретимся у стойки консьержа через пару минут.

Пять минут спустя работник отеля с безупречным маникюром закончил подсчет новеньких банкнот и пус-

тил их по мраморной стойке к поджидającym рукам Нэнси. Это все, что отложено для новой жизни в Дели, грустно подумала она. Сейчас придется отдать деньги абсолютно ненадежному человеку ради того, чтобы попасть на вылетающий в Тибет самолет — то есть обречь себя на серьезную опасность.

Внезапно она почувствовала, как Адамс ухватил ее за локоть. Он прошептал ей на ухо:

— Шагайте прямо к лифту и спускайтесь на цокольный этаж. Выйдите, поверните направо, потом проходите во вторую дверь по правую руку, с надписью «Посторонним вход воспрещен». Там в коридоре подождите.

С этими словами он подтолкнул ее к лифтам в дальнем конце мраморного коридора, а сам поспешил наверх по широкой лестнице, ведущей к ресторану «Маршан». В полном замешательстве Нэнси повиновалась странному приказу и велела мальчику-лифтеру доставить ее на цокольный этаж. Двери раскрылись, она свернула направо, как велено, и отыскивала дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен». С колотящимся сердцем Нэнси толкнула перед собой дверь и зашагала по коридору — безупречно чистому, как все помещения отеля. В дальнем конце виднелась дверь, по правую руку — еще две, обе с табличками «Служебное помещение». Нэнси гадала, что делать дальше, когда дверь в конце коридора распахнулась и оттуда выскочил Джек.

— Быстро за мной. Скорее!

Она побежала за ним. Через открытую дверь — в угол шумной кухни.

— Мы куда? — крикнула она ему на бегу.

— На экскурсию.

Он схватил ее за руку и провел мимо улыбающегося повара в ослепительно белом одеянии.

— Зачем? — спросила она.

— Затем, что наверху кое-кто очень интересуется нашими передвижениями.

Сердце у Нэнси екнуло, но Адамс двигался слишком быстро и не заметил ее паники. Он тянул ее за руку мимо ряда блестящих стальных разделочных столов, аккуратно заставленных одинаковыми блюдами, дожидющимися, когда их заберут для подачи гостям. Шеф-повар улыбнулся из-за клубящегося паром рашпера и крикнул что-то на хинди. Адамс ответил, и шеф засмеялся.

Значит, Адамс засек слежку. Кто-то стоял в вестибюле и наблюдал за ней, а Нэнси не заметила. Но почему же он не спросил ее, что происходит? Ведь он наверняка насторожился, заметив хвост. Они достигли двойных распашных дверей. Джек проскочил через них, не отпуская руку Нэнси, и они очутились в большом подвальном помещении для подвоза продуктов. Два грузовичка с овощами, припаркованные бок о бок, замерли с открытыми дверями, кухонный подсобный рабочий проверял содержимое лотков с салатом-латуком, выгруженных на пол.

— Сюда, — скомандовал Адамс и провел Нэнси мимо грузовичков к помятой старой машине, ожидавшей с включенным двигателем.

— Мою машину оставим перед отелем. Ну что, Ким, поехали?

Нэнси бросила взгляд сквозь стекло и узнала в водителе помощника Адамса — Кима. Заинтригованная, она пригнула голову и забралась на тесное и пыльное заднее сиденье. Ким переполз вперед, а Джек уселся за руль. Машина рванула по погрузочному пандусу и выскочила на подсобную дорожку отеля. Миновав ворота заднего двора, они влились в оживленный поток движения вечернего города.

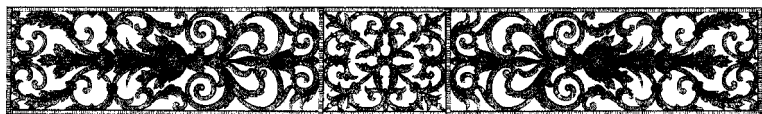
— Вы уж не сердитесь, — попросил Адамс. — Надо было как можно скорее убраться оттуда. Я заметил, что кое-кто внимательно наблюдал, как вы меняли дорожные чеки, и опасаясь, что нас с вами заметили в баре.

— Я оценила вашу реакцию, — сухо проговорила Нэнси.

— У меня есть опыт. В антикварном бизнесе легко нажить врагов.

Они обогнали неторопливо двигавшийся грузовик. Ошеломленная Нэнси молча вжалась в спинку неудобного сиденья. Как удачно, думала она, что Адамс вообразил, будто ее преследователи охотились и за ним. Разуверять его она не собиралась. Джек обернулся в последний раз, чтобы убедиться в отсутствии хвоста. Его лоб блестел от пота.

— Ну, все, оторвались. Через полчаса будем в аэропорту Индиры Ганди, к самому вылету...



Пока монахи тащили его через джунгли вверх по склону, Антону Херцогу грезилась его юность в Аргентине. В крепких объятиях опиума, в трансе, заглушившем боль и страх и утянувшем его в далекое прошлое, лес расплылся в сплошную зеленую муть и исчез. Он вернулся в пыльный, залитый солнцем Буэнос-Айрес пятьдесят четвертого года. Его мать Анна собирала сына в школу, когда высокий, худощавый, светловолосый мужчина переступил порог дома и направился напрямик в кухню. Антону десять лет, он сидит за столом, кое-как ковыряет вилкой еду, мать бранит его и упаковывает завтрак ему с собой. Антон, вернувшийся в детство, наблюдает за мамой со смущением и обожанием. Смотрит на нее как бы снизу, гораздо ниже ее благородного величия: вот она повернулась и глядит на вошедшего мужчину как на призрак. Херцог слышит его шепот: «Анна, Анна» — снова и снова, будто мужчина не верит глазам. Что-то загрохотало... Херцог — тот, что находился в джунглях, — дернулся и попытался вытянуть руки... Мать все выронила на пол: чашку, тарелку. Она не обратила на это внимания, лишь перешагнула через осколки навстречу странному человеку, обняла его и крепко прижалась к нему, словно боялась, что он вдруг растворится и исчезнет.

Рот Херцога, который находился в джунглях, судорожно дернулся, и он произнес: «Густав Дойч». Носилки

качнулись в тот момент, когда монахи перешагивали через мощный ствол упавшего дерева. Голова Антона резко мотнулась из стороны в сторону, но привязанное тело осталось недвижимым, он не упал. Один из монахов прислушался и не смог разобрать гортанные звуки чужого языка.

Его голова болталась, тело оставалось неподвижным, но мысли неслись над земным шаром, над блестящими пампасами Аргентины. Он вспомнил день собственного восемнадцатилетия. Густав взял его на небольшую пешую прогулку, чтобы отпраздновать день рождения. Они сидели на склоне горы, с высоты любясь сосновым лесом, и Густав говорил, что этот пейзаж напоминает ему родную Австрию. Он не видел ее уже восемнадцать лет и вряд ли когда-нибудь увидит. Там, над мирно дремавшим лесом, Густав Дойч впервые сказал Антону:

— Я твой отец. Мое настоящее имя Феликс Кениг.

Херцогу вспомнилось, как он встал и ушел в лес — и плакал там, пока не стала опускаться ночь. Он не мог объяснить, отчего плакал. Он был юн, и новость потрясла его. Он ничего не понимал и был растерян. Его голова моталась из стороны в сторону, тело его на носилках тащили куда-то ввысь, а по лицу ошеломленного и обессиленного Херцога лились слезы, заполняя темные провалы глазниц и щек. Он вспомнил, как вернулся, когда сгущавшаяся темнота напугала его. Он побежал назад к отцу — к тому, кто оказался его отцом, кто всегда оставался им, хотя Антон не знал об этом... Феликс Кениг сидел на том же месте, где сын оставил его, и по-прежнему смотрел вниз на сосновый лес. Отец выглядел уставшим и старым. Они вернулись в лагерь, разожгли костер, и отец стал рассказывать ему об удивительных Гималаях, об Индии, о рынках специй в Бомбее, о священных реках Азии и древних ламаистских монастырях в Тибете.

А монахи все несли и несли его. Он не мог взять в толк, куда они его тащат, но это уже не имело значения: вся жизнь Херцога прошла перед его глазами. Ему припомнилось время, когда он изучал восточные языки в Гарварде, и юношеская радость, когда ему предложили должность начинающего репортера в «Вашингтон пост». Вспомнил, как работал внештатным корреспондентом в Шанхае — счастливейшая пора его жизни. Вспомнились многочисленные путешествия к незнакомым землям на диком западе Китая: легендарные города древнего Шелкового пути, необъятная Гоби, бескрайнее море песка пустыни Такла-Макан и ежегодные поездки в отпуск к родителям, в Аргентину. Выйдя на пенсию, отец с матерью перебрались в Пилар, где воздух был чище. К тому же им удалось скопить достаточно денег для покупки небольшого участка земли в Пампе: лес, река и вид на горы в отдалении. Он вспомнил, как отец показывал ему «Ицзин», вспомнил их долгие беседы о Германии и о войне. Отец все время думал о войне и о том, что заставило Германию пойти этим путем. Будто за одну ночь с берегов Рейна исчезла вся цивилизация, а на смену ей пришли новый мировой порядок и новая мораль. Он вспомнил одни и те же безысходные рассуждения отца и его полное непонимание собственных внутренних побуждений.

В этот момент один из монахов обратил внимание, что лицо белого человека исказила гримаса, руки сжались в кулаки и он пытается закричать. Иссохшее, как скелет, тело напряглось, будто в ожидании нападения. «Куда они тащат меня?» — спросил себя Херцог, но сосредоточиться на этой мысли не смог. Он не понимал, где находится, и порой покачивание носилок наводило его на мысль о корабле в штормовом море. Это дыхание бескрайнего океана, казалось ему, и он взмывал — вме-

сте с кораблем на волнах... А вот он в Буэнос-Айресе, в саду, в тени. Ощущение движения прекратилось, или он перестал замечать его. Рядом с Антоном вновь был отец. Он рассказывал о Шангри-Ла.

— Я видел ее, — говорил он. — Я видел города и сказочные оазисы. Я видел Шангри-Ла.

Отец рассказывал сыну, как он со спутниками путешествовал по Тибету в тулупе из овечьей шерсти с банкнотами Рейхсбанка за подкладкой, а спины мулов отягощали торбы с клейменными свастикой слитками золота. В воспоминаниях Кенига Мюнхен и Сталинград смешивались с Бомбеем и Тибетом. Прошлое изливалось, угрожая затопить все ощущения реальности. Херцог цеплялся за намеки и подсказки: то слово, то целая фраза (так потерпевший кораблекрушение моряк хватается за дрейфующий деревянный обломок, надеясь, что, если продержится на плаву благодаря этому обломку, то в скором будущем его непременно выбросит на сушу), чтобы прикоснуться к тому, что стало его манией, его страстью.

В конце концов отец заговорил о месте, дарующем необычайное спокойствие и душевное равновесие. О долине, где пагоды, как редкой красоты дикие орхидеи, лепятся к обрывистым горным склонам. Такое можно увидеть лишь во сне. Отец сказал, что они пришли туда через горы и крутые ущелья. Путь отнял у них восемь месяцев и жизни трех проводников. Они были готовы повернуть обратно, когда однажды ранним утром проснулись и увидели посланца из царства, который дожидался их впереди на тропе. Это был старый китаец; к их удивлению, он говорил на старомодном английском и обещал путникам гостеприимство и отдых. Они приняли приглашение и последовали за ним по опаснейшему маршруту, отыскать который самостоятельно им было бы не по силам. На исходе еще второго дня тяжелейше-

го подъема среди укрытых облаками вершин они прибыли в то самое место. Горы, пагоды и царственная тишина. С помощью сосредоточенной медитации братство избранных Учителей правило миром. Это были владыки подсознания, их веления проникали в самые темные глубины человеческой души.

Херцог неожиданно понял, что очнулся, что больше не спит. Это был ясный призыв к возвращению: усилением воли он вырвался из опиумного тумана, чтобы все вспомнить. Братство избранных, вспоминал он. С помощью разработанных в древние времена практик они настолько отточили свой ум, что могли, отрешившись от эго, спуститься на общечеловеческую ступень бытия и манипулировать страхами и помыслами человеческой расы. Они как боги. Все, чему мы были свидетелями за свою ничтожно краткую жизнь, — будь то война и разруха или мир и достаток — это лишь краткие фрагменты их колоссальных проектов. По желанию их духовной структуры происходит рождение и упадок империй. Не мы творим свои судьбы. Мы — невежественные смертные, беспорядочно мечущиеся от любви к ненависти и обратно, в своих иллюзиях верящие, будто управляем событиями, будто мы создаем свои судьбы. Все наоборот: мы зависимы, нами владеют, нас «возделывают», выращивают, лелеют и развивают, в то время как эти правители живут в сиянии блаженства и славы во дворцах, прильнувших к небесной тверди. И там, в сердце дворца, в святая святых, его отец держал в руках величайшую и самую желаемую арийскую реликвию всех времен.

«И что же это было?» — мысленно спросил Херцог, и пересохший рот Херцога из джунглей облек вопрос в слова. Беззвучно. Никто к нему не обернулся. Ответа не было. Как она выглядит, эта реликвия? Нет ответа. Видел ли Феликс Кениг Учителей? Да. А почему он ушел? Что

случилось с его соотечественниками? Как ему удалось добраться до сказочной страны? Молчание. Забвение. Никаких следов в памяти. Произошло нечто, изгнавшее его из рая. Либо он изгнал себя из рая сам.

Всплеск изумрудных искр. Херцог видел его и счел, что это было в прошлом или же в истории, рассказанной отцом. А может, это солнце сквозь лиственный полог леса? Сон вновь окутал его, и ему снилось, что он спит и видит сон: прямые широкие дороги, золотистые шоссе, поля изумительных цветов, камень, статуя, кристалл, Учитель, царь, царица, дворец, любимая на каком-то острове где-то в облаках...

— В облаках... — пробормотал Херцог, пока монахи несли его через лес, и вдруг остро почувствовал, насколько он потерян и одинок.



Они припарковались у отдаленных ворот в стене, ограждавшей аэропорт по периметру. Всюду царила тьма, лишь огни взлетающих и приземлявшихся самолетов оживляли ночное небо. Нэнси быстро пошла за Джеком Адамсом к маленькой будке охранника, развалившегося на стуле перед телевизором. Она не знала, чего ожидать: то ли не обращать на охранника внимания, то ли лезть в сумку за паспортом.

Нэнси замешкалась. Джек обернулся и сказал:

— Я обо всем позаботился. Идите спокойно, и все.

Ну да, подумала она, без ведома властей не так-то просто выехать из страны. Но когда она обернулась через плечо, охранник также сидел, уткнувшись в телевизор, будто ее здесь не было.

— Как это вам удалось? — шепнула она Джеку, вернее, его спине: он прибавил шагу, и Нэнси едва поспевала.

— Ну как, довольны, что приняли мое предложение? — спросил он, не оборачиваясь.

— По идее должна бы...

— Ну и хорошо. А теперь поторопимся. Самолет взлетит с минуту на минуту.

Мог бы поднапрячься чуть-чуть и быть любезнее, подумала Нэнси, шагая рядом с Джеком. Хотя, продолжала размышлять она, не исключено, что он просто нервничает или сосредоточился на своих заботах. Она посмотрела

рела вперед. Контурсы летного поля терялись в темноте, оно напоминало огромное черное озеро. Где-то в отдалении горели огни — редкие самолеты поджидали разрешения на взлет. За ними жутковато-призрачным неом светились башни контрольно-диспетчерского пункта и низкая крыша пассажирского терминала.

— А чей самолет?

— Друга. Его зовут Халид Хуссейн.

Она выжидающе взглянула на Джека — не добавит ли он к этим словам что-то еще о Халиде Хуссейне, но продолжения не последовало. Подмигивая желтым проблесковым маячком, мимо пропыхтел маленький аэропортовский тягач с полудюжиной груженных багажных тележек. Джек чуть приостановился, когда тот проехал прямо перед его носом. Еще через минуту ходьбы стало ясно, куда они направлялись: Нэнси разглядела дозправляющийся, готовый к отлету самолет и мужчину в шальвар камиз* на верхних ступенях трапа. Джек помахал ему.

Двигатели издавали страшный шум, расслышать что-то было невозможно, так что, когда они подошли к трапу, мужчина жестом пригласил их на борт.

Оказавшись внутри, Нэнси сделала, что ей велели: заняла место рядом с Джеком Адамсом и пристегнулась ремнем безопасности. Открытую дверь салона врывался грохот двигателей. Нэнси коротко кивнула, когда Джек спросил, готова ли она к полету. Она чувствовала, что напряжение спадает, а мысли постепенно возвращаются к тому, что поведал ей Джеймс и что она узнала из Интернета и от Майи. Нэнси с трудом держала в себе этот груз. Так много вопросов крутилось в голове, и казалось недостижимым хоть на шаг приблизиться к раз-

* Второй после сари по распространенности вид индийской одежды.



гадке. Самый интересный сюжет в истории человечества? Что хотел этим сказать Херцог? Может, просто хохорился перед невестой? Существует ли на самом деле «Книга Дзян»? Есть ли крупинцы истины в древних мифах? И что это за странный символ на ордене — клеймо Общества Туле?

В отчаянии она покачала головой. А Антон? Как-то ему носить бремя знания о том, что его отец был членом странной эзотерической секты, якобы вовлеченной в самые таинственные сферы деятельности нацистов? Ни одна живая душа в «Трибьюн» даже не подозревала о чем-то подобном — да и с чего бы? Херцог имел полное право на тайну личной жизни, и какая разница, кто его отец — вдохновитель тайного общества или серийный убийца. Антон сам себе хозяин. Каждый заслуживает того, чтобы его судили по делам. Нэнси не верила в генетическое предопределение, в то, что зло и порок переходят от отца к сыну, и никогда не стала бы порицать кого-то за грехи родителей. В то же время ее отношение к Антону изменилось. Случай с Херцогом мог стать исключением из правила.

Возможно, причиной тому — его поведение. Вместо того чтобы предать забвению сомнительную активность отца, Антон черпал вдохновение в прошлом Феликса Кенига, пытаясь вытянуть его на свет божий. Родственники тысяч — десятков тысяч, сотен тысяч — немцев имели прямое отношение к преступлениям нацистского режима. Но воскрешать их стремления и мечты, к тому же делать это воскрешенное своей движущей силой и смыслом жизни, — подобное, мягко говоря, не совсем нормально, да к тому же опасно. Или Антон испытывал исторический интерес? Такая версия казалась самой удобной. С другой стороны, в погоне за призрачной мечтой он решил оставить свою беременную подругу...

Доводы о том, что древние арийцы, праотцы немцев, имели отношение к этой части планеты, казались Нэнси притянутыми за уши. Но она понимала, что не является экспертом в этой области, однако все время возвращалась к главному вопросу: зачем такому здравомыслящему — вряд ли кто-то это оспорит — человеку, как Херцог, гоняться за мифами нацистов? О нацистской мифологии она знала немного: мешанина из старых скандинавских богов, эпоса Вагнера «Кольцо нибелунга» и небольших вкраплений сатанизма для ровного счета. В прочитанных ею исторических книгах нацистское увлечение германской мифологией трактовалось как чистая пропаганда, прикрытие партийной жажды власти. Однако Общество Туле не было прикрытием. Если верить статье в «Гардиан», оно явилось источником зловещей идеологии. Одурманенных ею нацистов, помимо фетишизма и ритуальной деятельности, неодолимо притягивал Тибет. Возможно, их верования отчасти были близки к истине? Судя по всему, так считал Антон Херцог.

Самолет начал вырывать на взлет. Джек наконец-то улыбнулся спутнице и спросил:

— Молчите — язык проглотили?

Она мрачно улыбнулась в ответ.

— Нет, немного устала. У нас все в порядке?

— Надеюсь, — ответил он уже серьезно.

— А как нам удалось миновать охрану?

— У меня друзья если не в верхах, то в нужных местах, — коротко пожав плечами, ответил Джек.

— Очень люблю путешествовать, тем более в новой стране, — проговорила Нэнси, чтобы немного прояснить ситуацию.

Джек не удосужился ответить.

Отчего, думала Нэнси, его настроения так часто меняются? Отчего он то любезен, то вдруг становится гру-

бым и неприятным? Ее размышления о загадочных аспектах личности Джека прервал Халид Хуссейн. Он был одет в шальвар камиз и маленький паккуль*. Лицо его было красивым, почти женственным, с высокими скулами и утонченными чертами; борода, обрамлявшая широкую улыбку, аккуратно подстрижена. Какой контраст с Джеком, подумала Нэнси, хотя этот парень тоже казался ей загадочным.

Халид устроился в кресле пилота перед Нэнси и прокричал через плечо:

— Джек сказал, вы собираетесь побродить по Тибету. Будьте осторожны с этими хитрыми старыми ламами.

— В смысле? — крикнула Нэнси в ответ.

— Оставят вас без гроша, такую молодую, красивую и полную наивных сказок о буддизме. Или попытаются купить вас, чтобы взять в жены. — Халид улыбался, но Нэнси показалось, что он не шутит.

— Вы о них не очень-то высокого мнения, — ответила она.

Халид пристегнул ремень безопасности и дружески похлопал по плечу второго пилота, уже надевшего наушники. Тот поднял два больших пальца вверх. Хуссейн опять повернулся в кресле и подался к Нэнси так, чтобы говорить, не повышая голос до предела.

— Я много времени провел там. Знаю, что вы, западники, думаете. И очень хорошо знаю лам.

Нэнси глянула на Джека: тот улыбался своим мыслям, и эта плутоватая, довольно противная ухмылка делала его похожим на лиса.

* Паккуль, душманка, пуштунка — полушерстяная шапка, смахивающая на армейский берет, только гораздо теплее и без завязок по окружности. Разматывается в длину, защищает спящего владельца от резкого света и сквозняков.

Халид между тем продолжал:

— Я видел, как ламы используют свои четки вместо счетов, чтобы подсчитать доходы и убытки. Видел, как некоторые из них подсоединяют молитвенные колеса к водяным мельницам, чтоб самим не крутить их. Мне довелось побывать в монастырях, где ламы публично отрицали, что убивают животных, а кухонные погребки были забиты бараниной и мясом яков. А вы знаете, как они убивают животных?

— Нет.

— Они загоняют их на обрыв, и звери как бы убивают себя сами! — В мрачном возбуждении Халид хлопнул себя по бедру. — Они же великие теологи, эти ламы! Им ведомо, как править миром Будды!

На сей раз Джек вмешался:

— Халид, боюсь, ты утомил нашу гостью путевыми заметками. К тому же она тебе не верит.

Халид не обратил на него внимания.

— А круче всего женские монастыри! Путешествуя однажды по провинции Кунгпа, я пересекал долину, и все монашки были в полях, собирали пшеницу. И чтоб вы думали! Все как одна разделись до пояса, поскольку вкалывали на самом солнцепеке. Вот это было шоу, я вам скажу. Почти сотня красивых молодых девиц в самом соку! И когда я шел вдоль поля, каждая строила мне глазки. С ума сойти! Представьте, их увозят в монастыри в шестнадцать лет, но ведь они люди. В общем, в тот вечер настоятельница пригласила меня в монастырь посмотреть, как они будут совершать редкую тантрическую церемонию...

Джек Адамс рассмеялся.

— Халид, по-моему, ты только что утратил кредит доверия, на который мог рассчитывать. Какой девице

придет в голову позариться на тебя, старый пуштунский развратник?

Второй пилот что-то сказал Халиду на не знакомом Нэнси языке. Халид торопливо натянул наушники и отбросил игривый тон.

— Ладно, доскажу после.

— Уверяю тебя, мисс Келли будет с нетерпением ждать продолжения. — Джек похлопал его по спине.

Халид с пилотом сосредоточились на взлетной полосе, а Нэнси процедила сквозь зубы:

— Милейший человек.

— Он хотел развлечь вас, — сардонически усмехнулся Джек.

— Оригинальный способ. Интересно, в его словах есть хоть немного правды?

— Разумеется. Чуть-чуть. В любой религии найдутся нерадивые священники, и буддизм не исключение.

— Отдает средневековьем.

— А что тут плохого? Он немного преувеличивает или рассказывает о том, что нередко бывало прежде. В наше время все по-другому. Тибет в настоящей осаде. А они даже не помышляют о сопротивлении, даже Бон как будто ведут себя прилично и поддерживают далай-ламу.

— Но ведь адепты Бон — анимисты?

— Вовсе нет. Они не настолько примитивны, это мудрая религия. Они, образно говоря, зеркальное отражение тибетских буддистов. Найдем Херцога — расспросите его, он все про них знает. По мне, все они странные — что приверженцы Бон, что буддисты. Все в одинаковых балахонах, а монастыри снаружи точно такие же, как буддийские гомпы. Только в монастырских обрядах все наоборот.

— Как это? Они проводят ритуалы в прямом смысле «наоборот»?

— Да. А может, далай-лама и его банда крутят все на оборот, а Бон делает как надо. Кто знает. Спросите у Антона. У них даже свастики развернуты не как у буддистов — тоже наоборот, как нацистские.

Нэнси вздрогнула, как от толчка.

— Значит, в Тибете тоже свастики? А я думала, это индуистский символ.

— Да где их только нет. Это символ и индуистский, и буддийский. Видать, плохи дела у «Трибьюн», если его корреспонденты не в курсе даже этого...

Джек вновь ухмылялся ей с таким осуждающим, почти враждебным выражением, что Нэнси опешила. Может, все дело в ее работе — он презирает ее за то, что она предана компании, как журналист из крупной корпоративной газеты. Волк-одиночка, столько лет занимающийся рискованными делами, должен питать отвращение к тем, кто тянул лямку, строго придерживаясь официального курса своей фирмы. Спору нет, Джек Адамс был скитальцем-индивидуалистом, и Нэнси вдруг отчетливо поняла, почему Кришна недолго любил его. Джек непостоянен. Сейчас он — герой вестерна, обходительный и уверенный в своих силах, а в следующее мгновение он, алкоголик, пропащая душа, становится врагом самому себе и всему окружающему. Всему и всем, подумала Нэнси и мысленно содрогнулась.

Джек снял подушку со своего сидения и сунул себе под голову.

— Отдохну-ка я. Через пару часов рассветет. Помните, что ремень должен быть все время пристегнут. Над Гималаями полно воздушных ям — такой легкий самолет, как наш, может рухнуть на сотню футов за пару секунд. Я видел, как люди ломали себе шеи об потолок.

— Благодарю за заботу, — сказал Нэнси.

— Да какая забота? Если сломаете шею, мне никто не заплатит, — ответил он грубо, но с ноткой юмора и закрыл глаза.

Нэнси взглянула в темное окно на раскинувшиеся внизу огни Дели. Натужно ревели моторы.



Помощник настоятеля пристально взгляделся в лицо Антона Херцога и повторил свой вопрос, желая убедиться, что белый человек его понял:

— Вы вылетели в Лхасу четыре месяца назад?

Херцог кивнул. Он немного успокоился и открыл глаза. Грезы растаяли, до его слуха доносились щелканье молитвенных четок и бормотание монахов. Вокруг плотной стеной стояли джунгли. Прямо перед собой он видел старика. Антон знал, что это лама, и чувствовал его страх.

— Да, — тихо ответил Херцог. — Если вы говорите, что сейчас седьмой месяц, то четыре месяца назад.

Помощник настоятеля вздохнул с облегчением. Наконец-то белый человек проявлял признаки здравости рассудка. Он немного поел и выпил воды, голос его окреп, и ход мыслей стал обретать стройность. Разумеется, его заявление было абсурдным: он никак не мог быть в Шангри-Ла. Громко и медленно, принимая в расчет хрупкость сознания чужака, помощник настоятеля проговорил:

— Зачем вы отправились в Пемако?

— Годы работы и размышлений привели меня сюда, чтобы начать поиски. — Белый человек закашлялся, а потом продолжил: — Я использовал разные источники: воспоминания моего отца, мои собственные многолетние исследования в библиотеках, посещение сотни гималайских монастырей и тысячи многочасовых бе-



сед с гуру и монахами. В итоге я сузил круг поисков до региона высокогорных долин Пемако, открывающих доступ к долине Цангпо.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Все факты указывали на Пемако, но под конец, для пущей уверенности, я спросил совета у Оракула. Я получил одно из самых туманных предсказаний за годы моей практики общения с «Книгой перемен», но Оракул приказал мне отправляться в путь.

Помощник настоятеля смотрел на него скептически.

— И вы все бросили? Свою службу? Ведь вы работали журналистом?

— Моя работа — путешествовать и изучать предания. Моя прошлая жизнь ничем не примечательна, она не более чем приготовление к финальному путешествию. Мне все равно, что обо мне подумают. Это конец... Мне нет никакого дела до газеты и до всей прежней жизни.

— Вы путешествовали в одиночку?

— Нет. Я путешествовал с тертоном* — ламой по имени Тхуптен Джинпа. Я нанял его, чтобы он помог мне отыскать Врата. Шерпов я решил не брать, поэтому все пожитки мы тащили на себе. Я изучал тантрические практики и могу продержаться, питаюсь одной горсткой цампы** в день, даже в условиях больших физических нагрузок.

* Тертоны — «раскрыватели сокровищ» — лица, способные открывать терма в благоприятное для этого время. Они являются перевоплощениями двадцати пяти основных учеников Падмасамбхавы. Согласно традиции тибетского буддизма, тертоны постепенно являются по всему Тибету в течение столетий для того, чтобы открыть терма — сокровища, скрытые ради блага грядущих поколений.

** Цампа — традиционное тибетское блюдо, основная пища тибетцев — мука из слегка поджаренных зерен ячменя. Иногда цампой называют также пшеничную или рисовую муку. Кроме того, так называют готовое блюдо из муки с добавлением масла яка и тибетского чая. Цампу также едят в виде каши.

Приступ кашля вновь прервал рассказ белого человека. Он умирает, подумал помощник настоятеля. Лама подумал об этом абсолютно спокойно, как и о том, сколько еще этому истерзанному телу оставаться живым. Пока не придет к концу повесть его жизни. Тогда, возможно, он отправится в бардо. Ему не удастся проникнуть в пещеры, он не перенесет спуска.

— Мы спустились в долину Цангпо, — слабым голосом продолжил чужеземец. — Переправились через реку по стальному тросу почти под самым монастырем Литанг — вашим монастырем. Не желая привлекать внимания, мы избегали контактов с вашими монахами и двинулись через джунгли, ориентируясь по горным вершинам. Наконец мы достигли цели — маленькой брошенной лачуги в двух днях пешего пути от монастыря Литанг. Частью нашего плана было прохождение тантрической практики «меток чулен». Вы знакомы с ней?

— Нет. Я слышал о ней, но наш устав запрещает ее применение.

— Эта практика хороша для очищения сознания, и тертон Джинпа считал, что она укажет нам путь к потайной тропе, о которой рассказывал мой отец. Лачуга представляла собой четыре каменные стены да крышу и способна была только защитить от дождя. Она стояла на небольшом холме, окруженном полями рододендронов, постепенно переходящих в лесные заросли. Прямо перед хижинкой оставался клочок земли, где можно было расположиться для медитации, имея перед глазами прекрасный вид: цветущие поля, за ними граница разросшихся джунглей. Тертон Джинпа взялся приготовить кашницу из нарезанных цветочных лепестков. Вего рецепте использовалось восемнадцать видов диких цветов, и некоторые из них растут только в долине Пемако. Все они содержат редкие фитохимические вещества, стимулирующие разные участки мозга или тела. Мы го-



лодали двадцать один день, лишь выпивали в сутки по чашке воды, приправленной цветочным экстрактом. На пятые сутки я решил, что вот-вот умру. Голова раскалывалась, как сдавленная тисками, и глаза будто вывалились из глазниц. Язык приклеился к нёбу, щеки присохли к деснам. Мы едва могли шевелиться и сидели, скрестив ноги, перед хужиной день и ночь, если не было дождя. Как только он начинался — перебирались в полумрак хужины. Когда я закрывал глаза, то мог видеть, слышать и чувствовать лишь одно: воду. Нескончаемые волны бескрайнего океана пресной воды. К пятнадцатому дню я почувствовал в себе странную перемену. Боль утасала. Поначалу ее заменяли усталость и головокружение, но затем и это прошло. Мой разум расширился настолько, что вообрал в себя всю долину. Я открыл глаза, увидел разноцветных бабочек и птиц, перелетающих от цветка к цветку перед хужиной, и мне показалось, что я сам порхаю вместе с ними и пью нектар, окунаясь в лепестки изумительно красивых орхидей. Когда я смотрел на красные с зеленым ромбики проползавших мимо меня убийственных гадюк, я не пугался, будто мы заключили мир со змеями и они не причинят мне никакого вреда. К нам прибегали обезьяны и робко гладили нас, а однажды из леса вышел ягуар, пересек поле и лизнул меня в щеку. Опыт «меток чулен» прошел успешно. Мы оставили наши тела и вошли в долину. На двадцать первый день я проснулся, тертон приготовил цветочный чай, в который подмешал немного цампы. Я хотел отказаться, настолько мне хотелось сохранить состояние единения с природой, но он настоял на своем, и я выпил все до капли. Мы собрали свои скудные пожитки и, не говоря друг другу ни слова, зашагали в направлении, которое ни он, ни я не оговаривали, — нас обоих что-то

влекло. Мы не набрали ни на какую тропу, а просто осторожно пробирались через джунгли, но при этом не испытывали никаких сомнений, ни разу не повернули обратно и не меняли направления. Инстинкт или чей-то разум направлял нас, указывая дорогу. Так продолжалось три дня, с короткими привалами каждые пять часов, чтобы подкрепиться цветочным чаем или цампой. Наконец под вечер третьего дня мы выбрались из леса и стали карабкаться по каменистой осыпающейся тропе к перевалу, который прежде мы не замечали и который не значился ни на одной карте лам. Тропе, казалось, не будет конца, и у меня от почти месячного голодания начался бред. Я едва мог передвигать ноги. В тот момент и случилось несчастье. Тертон, шагавший впереди меня, поскользнулся на осыпи и через секунду исчез из виду, пролетев вниз по склону. В полном отчаянии я был на волосок от того, чтобы броситься за ним следом. Но мне удалось собрать остатки воли и шаг за шагом пробраться по коварной тропе ко дну ущелья. Тертон погиб.

Антон Херцог умолк. Если он ожидал реакции монаха — ее не последовало. Только шум дождя и на его фоне звуки леса: крики животных и щебетание прячущихся в ветвях птиц. Помощник настоятеля с ужасом и недоумением глядел на лежащего перед ним человека. Он не знал, что думать, и не находил слов. После минутной паузы Херцог продолжил рассказ:

— Смертельно голодный, с предельно обостренными в результате практики последних недель чувствами, я долго стоял на дне ущелья и выл от горя. Не помню, как мне удалось вытащить тело тертона на освещенный солнцем участок каменистой осыпи. Там, в прохладном, кристально чистом горном воздухе, я приготовил его труп к небесным похоронам. Я был крайне слаб и трудился из последних сил, благо у меня имелся индийский армей-

ский нож. Я расчленил тело, а мерзкие стервятники слетелись и с нетерпением дожидались начала пиршества. Я взобрался повыше на скалу и лег там в полном изнеможении. Закутавшись в тулуп из ячьей шерсти, на грани безумия от голода, я пролежал там два дня и две ночи. Поскольку я лишился необходимого для поддержки сил цветочного чая, мой разум и тело начали угасать. Вглядываясь в темноту, я плыл над Гималаями к звездам и луне. Я путешествовал с тертоном к бездне и видел внизу море вечности. Постепенно покидая этот мир, я стал понимать, что все не так печально, что меня ждет еще много странствий... И вдруг моего плеча коснулась рука. Когда мне удалось сфокусировать зрение, я увидел китайца лет шестидесяти — семидесяти. Что-то бормоча, он прижимал к моим губам горлышко бутылки. Сладкая жидкость полилась мне словно прямо в душу, согревая ее. Немного придя в себя, я сел и увидел, что старика сопровождают несколько шерпов. Он заговорил со мной по-китайски. Я объяснил, кто я и откуда, и он перешел на хороший английский. «Добро пожаловать. Вам очень повезло. Мы ходим этим перевалом раз в десять лет, поскольку не испытываем нужды в общении с внешним миром. Вы должны отправиться с нами в наш ламаистский монастырь, и мы поможем вам восстановить здоровье и обрести силы». Я едва верил своим ушам. Вот уж точно — несказанно повезло. Но у меня были к нему вопросы. Я сказал: «Я бесконечно благодарен вам за приглашение и с радостью приму его. Но не могли бы вы помочь мне? Далеко ли я от Шангри-Ла? Не так ли называется ваш монастырь?» Китаец ответил: «Нет, но вы недалеко от нашего монастыря. Оставайтесь с нами. Вы убедитесь в искренности нашего гостеприимства». Я с трудом скрывал радость, — продолжил Антон. — Отец



рассказывал мне, как его пригласили в Шангри-Ла: тоже старый китаец, говоривший на литературном английском. Так что я не только был спасен от смерти. Что-то подсказывало мне, что меня вот-вот приведут в самое сердце священного царства. Китаец не ответил, назывался ли их монастырь Шангри-Ла, и это вовсе не удивило меня. Это вполне соответствовало преданиям. Он помог мне забраться на свои носилки, и следующие пять часов шагал рядом со мной, а шерпы несли меня, взбираясь все выше и выше, пока мы не миновали перевал и тропа не начала плавно спускаться вниз...

В этот момент рядом с помощником настоятеля возник коренастый монах и зашептал ему на ухо. Херцог слышал звуки, напоминающие шорох листьев, пока монахи переговаривались. В джунглях будто что-то назревало. Он остро чувствовал это, чувствовал приближение некой силы — и эта сила шла за ним. Он знал, что его найдут, это вопрос времени. Но страха не было. От Антона теперь мало что зависело: время, когда он мог контролировать происходящее, давно миновало. Херцог был не в силах поднять голову и увидеть помощника настоятеля, но он расслышал тревогу в голосе монаха, когда тот заговорил:

— Нам больше нельзя оставаться здесь. Плохие новости. Надо немедленно уходить. Мы отнесем вас в безопасное место.

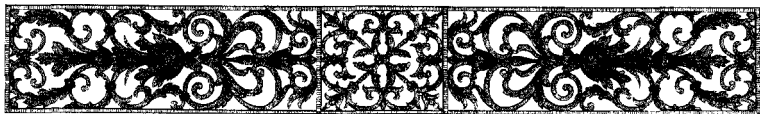
— В безопасное место? — спросил Херцог с надеждой в голосе.

— Да. В священный город Агартти. Уходить надо прямо сейчас.

С этими словами лама отдал приказ, и монахи вскочили на ноги. Самые молодые подняли носилки с Хер-



цогом; он почувствовал знакомое покачивание в такт движению. Ввысь, в иной мир, подумал он, дрейфуя, как подхваченный ветром лист или парусник в штормовом море. А впереди и ниже по тропе старый лама с суровым лицом вел группу вымокших и грязных монахов в ночную тьму, через опостылевшие объятия неугомонного леса, пребывающего в вечном движении жизни.



— Джомолунгма! Джомолунгма!

Нэнси вздрогнула и проснулась. Она не заметила, когда ее сморило, — помнила только взлет, потом какое-то время наблюдала за Хуссейном и вторым пилотом, в то время как самолет поднимался в ночи к Гималаям и Тибету. Затем усталость взяла свое, Нэнси задремала и теперь не могла взять в толк, сколько прошло времени. Второй пилот улыбался, показывая рукой в перчатке на иллюминатор. Халида Хусейна в кресле не было. Солнце уже взошло, и мгновение — оттого, что лучи преломлялись в ветровом стекле самолета, — Нэнси не видела ничего, кроме пронзительной небесной синевы. Она потерла уставшие глаза, покрутила шеей и подалась чуть вперед, чтобы рассмотреть пейзаж.

— Джомолунгма! Божественная мать Вселенной! — воскликнул второй пилот.

Более захватывающего зрелища ей не приходилось видеть. На одном уровне с самолетом, далеко справа поднималась величественная белая красавица гора.

— Это Эверест?

Пилот поднял оба больших пальца вверх. Облитые снегом склоны тянулись к каменным морщинам вершины, как арабский головной убор из плиссированной ткани, скрывающей лицо застенчивой богини. Далеко внизу, на

бесконечном расстоянии, река змеилась лазурным ожерельем вокруг подножия горы. Насколько хватало зренья, до самого горизонта вздымались снежные пики — словно тысяча богомольцев, тянущихся к небесам, подумала Нэнси. Грандиозность горы наводила на мысль о мире, лежащем за гранью понимания человечества. Нэнси коротко глянула налево и заметила, что Джек Адамс тоже не спит и смотрит вниз на бездонные горные впадины. Он негромко проговорил:

— Все это напоминает мне слова Антона: «Ад — это слепок рая». Потому что долины похожи на перевернутые горы.

Нэнси зачарованно смотрела на проплывающие внизу ледниковые трещины и лощины. Адамс прав; ей вспомнились формочки для гипсовых слепков, которыми она играла в детстве. Ущелья эти и впрямь зеркальные отражения гор, подумала она, или же их природные противоположности, инь и ян. Время от времени удавалось разглядеть горные долины — проблески изумрудной зелени на сером и белом фоне скалистых массивов.

— Этот ад так же красив, как рай, — заметила она. — Даже не знаю, где именно я предпочла бы закончить жизнь.

Нэнси пыталась разглядеть то, что проплывало под ними: неужели это крошечные домики прилепились прямо к зеленым склонам долины? Она подумала вслух:

— Интересно, что знают о нас живущие там? Мне кажется, что они счастливее нас.

Джек рассмеялся, и она решила, что он в очередной раз потешается над ее неведением. Однако он сказал:

— Вы говорите, как Антон. Мне приходилось слышать его рассуждения о полной автономности этих долин — о том, что живущие там люди способны выжить в любых условиях, даже после ядерной войны и гибели

цивилизации. Он считал, что это идеальное место, где можно укрыться от мира.

— А кто-нибудь исследовал эти края?

— Нет. Даже не пытались. Миссия невыполнима. Их невозможно изучить даже с воздуха. Кто знает, что там внизу? Я знаком с шерпами, которые душой клянутся, что есть горы выше Эвереста, что существуют неизвестные царства и народы. Ламы считают, что некоторые долины заселены беженцами времен последнего ледникового периода. Пока весь мир был скован льдами или превратился в пепелище, там хранились семена цивилизации.

Нэнси нервно рассмеялась: его слова просто не укладывались в голове.

— Так кто из нас говорит, как Антон?

Второй пилот показал правой рукой вниз, на ущелье, расколовшее основание огромной горы.

— Лхаса, аэропорт Гонкар!

Сделав изящный вираж, самолет развернулся носом к ущелью.

На летном поле аэродрома на высоте двенадцать тысяч футов над уровнем моря Джек и Хуссейн вели энергичную беседу с двумя китайскими солдатами. Нэнси дожидалась у трапа самолета, впервые в жизни вдыхая чистейший прохладный воздух Гималаев. Прозрачность атмосферы повышала яркость света настолько, что приходилось щуриться. В двухстах ярдах в стороне заправщик лениво полз через летное поле к ожидавшему его самолету. Все купалось в этом чистейшем, ослепляющем свете. Нэнси чувствовала легкое головокружение и невероятный подъем в душе.

Вруки одному из солдат сунули сверток. Второй стоял, курил и откровенно скучал. Вопрос, по-видимому, был решен. Джек махнул Нэнси, и она последовала за

ним в поджидавший армейский джип. Халид незаметно удалился, не простившись. Никто из сидевших в джипе не улыбался. Джек постоянно озирался, словно ждал опасности отовсюду. Если их схватят при попытке дать взятку китайским солдатам, неизвестно, во что это выльется — и для них самих, и для солдат. Они выехали с летного поля и свернули на проселочную дорогу; лучи солнца пробивали клубы пыли. Фыркнув, джип притормозил, а солдаты закивали Джеку.

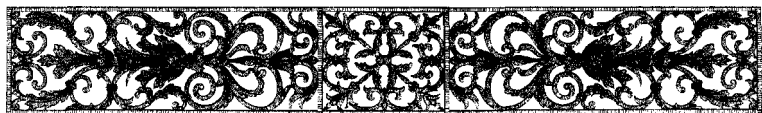
— Приехали, — сказал Джек Нэнси.

Она выбралась из машины. Как только они ступили на землю, джип развернулся и с ревом покатил обратно к воротам. Откашлявшись в оседающей пыли, Джек сказал:

— С каждым разом все хуже и хуже. Так, теперь будем ловить машину до Лхасы.

Незаконное передвижение, подумала Нэнси. Подкуп охраны, выезд с территории аэропорта, минуя охрану и паспортный контроль, — сплошные правонарушения. Ничего подобного она в жизни не делала. И чувствовала, что это лишь начало. Предстоит нарушить много правил, прежде чем все закончится.

— Пойдемте, — окликнул ее Джек. — Любоваться видами будем потом.



Она прошла вдоль темно-красных с белым стен вверх по зигзагообразному пролету лестницы и наконец увидела его перед собой: дворец Потала*, парящий как одинокий корабль в море облаков над главной площадью Лхасы. Он подавлял все остальные здания столицы. В нем с легкостью уместились бы самые большие храмы и монастыри Тибета. Но это зрелище навевает грусть, подумала Нэнси. Многие века во дворце кипела жизнь, он был домом для тысяч монахов, имел богатейшие библиотеки и просторные трапезные на сотни человек. Теперь там было пустынно, как в заброшенном городе. В высоченные двери не входили паломники из отдаленных уголков тибетской империи. Монахи не присматривали за десятками тысяч масляных ламп во внутренних коридорах — в этом больше не было нужды. Из уединенных келий и переполненных залов не неслись монотонные песнопения.

Дворец стал пустой оболочкой, памятником былой величии. Что-то угрожающее чудилось в асимметричных красно-белых стенах. Нэнси вспомнилась фотогра-

* Царский дворец и буддийский храмовый комплекс, являвшийся основной резиденцией далай-ламы вплоть до того, как далай-лама XIV, после вторжения Китая в Тибет в 1959 г., вынужденно покинул страну и получил политическое убежище в Индии.

фия авианосца «Арк ройял»: выведенный «на пенсию» корабль поставили в сухой док, перед тем как распилить.

На вершине самой высокой золотой башни развевался на ветру китайский флаг. Кучка монахов создавала видимость жизни, но сердце крепости — собор — давным-давно перестало биться. Главными посетителями были престарелые смотрители с можжевеловыми метлами или завербованные китайской разведкой монахи, следившие за обстановкой. Снаружи несли вахту бдительные солдаты. Всюду бродили с фотоаппаратами наготове толпы туристов из Китая. Они покупали традиционные тибетские чубы* и позировали перед камерами.

Нэнси и Джек стояли молча, потом Адамс проговорил:

— Когда я увидел его в первый раз, все было по-другому. Ощущение совсем иное.

В его голосе Нэнси различила нотки страдания, будто судьба дворца глубоко волновала его. Она взглянула на Джека — его лицо, обращенное к дворцу, было бесстрастно.

Он продолжил более жестким тоном:

— Странно... Ведь он уже «вышел из употребления». Наверное, люди еще верили, что Тибет обретет свободу, и дворец казался им символом надежды. Напоминанием о неудачной попытке сбросить китайцев.

— Когда это было?

* Традиционная одежда тибетцев. В ней в полной мере воплощен принцип необъятности восточного халата, описанный многими путешественниками прошлого. Полы просторной чубы, подпоясанной ремнем, образуют на животе два огромных кармана, куда можно складывать все необходимые в быту предметы. В условиях сложного климата высокогорья, когда тридцатиградусная жара на солнце может смениться пронизывающим холодом в тени, тибетец легко регулирует теплообмен, вынимая одну или обе руки из широких рукавов и оставляя чубу свободно висеть на поясе.

— О, давным-давно. В те времена в Тибет было невозможно попасть — только если иметь кучу денег и поехать с экскурсией. Денег у меня не было, я был студентом и добирался автостопом из провинции Сычуань. Та еще поездочка. Одиннадцать дней в кузове грузовика до Лхасы. По ночам спал на мешках с мукой — довольно удобно, между прочим. К концу пути я весь побелел, каждая пора кожи и каждая складка одежды забились мукой. Единственным окошком была крохотная щель прямо над кабиной грузовика. Чтобы посмотреть в него, приходилось влезать на мешки и вставать на цыпочки. На одиннадцатый день мы двигались по плато Лхаса, я выглянул в «оконце» и увидел на горизонте белые стены и золотые ступы* дворца Потала. Впервые в своей жизни я приблизился к великой религиозной святыне...

Он умолк. Странно, подумала Нэнси. Похоже, Джек говорит искренне. На дне его потрепанной опасностями души сохранилось место для чистоты и созерцательности, и в то же время он груб и циничен. Где же баланс, сколько в этом человеке доброты и мягкости? Пожалуй, немного, крохотная часть. Джек наклонился к ней, и Нэнси показалось, что сейчас он раскроет перед ней еще один аспект своей внутренней жизни. Но вместо этого Джек прошептал:

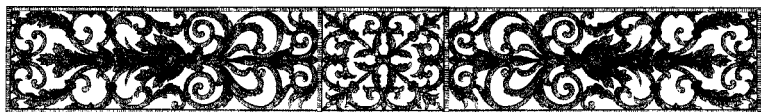
— Предлагаю прогуляться на базар Балкор и в храм Джокханг. Это в тибетском квартале. Только не вздумайте обсуждать нашу поездку на людях: половина этих туристов — шпионы. Им платят, чтобы они болтались тут и подслушивали разговоры. Не отходите от меня ни

* Ступа — буддийское культовое сооружение, хранящее священные реликвии; надгробие. С первых веков до н. э. известны полусферические ступы, позже — колоколообразные, башнеобразные, квадратные, ступенчатые и др.



на шаг и не говорите лишнего, пока не окажемся внутри чайной «Голубой фонарик».

Нэнси окинула взглядом стайки китайцев, фотографировавшихся друг с другом. На шпионов не похожи, но кто знает? Она поправила на плече ремень рюкзака, повернулась напоследок, чтобы взглянуть на несчастный дворец, и зашагала через площадь за Джеком.



Они долго шли по улицам, полным нищих и паломников, растерянных с виду кочевников из степей и неспешно прогуливающихся туристов, пока не приблизились к храму Джокханг — его мощные каменные стены напоминали укрепления средневекового европейского замка. Вполголоса Джек объяснил Нэнси, что это сходство частенько подчеркивалось Китаем в его антиламаистской пропаганде. Причину возведения таких мощных стен объяснить несложно: как и все монастыри в Тибете, Джокханг задумывался как гомпа и крепость одновременно.

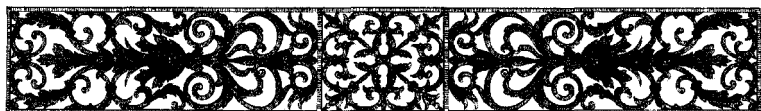
— Тибет был диким и опасным краем, — рассказывал Джек. — Перед приходом китайцев сфера компетенции далай-ламы зачастую не распространялась далее городских ворот Лхасы. Существует множество рассказов о том, как его эmissаров в Восточном и Западном Тибете сбрасывали в ров и потешались над ними. Форпосты ламаизма вынуждены были самостоятельно защищаться от китайских и монгольских завоевателей и от мятежных тибетских феодалов.

Храм Джокханг выходил на мощенные булыжником площадь и узкую улочку, огибавшую по периметру его могучие стены. На этой улочке, зажатой меж крепостными стенами и добротными тибетскими домами, раскинулся необозримый базар. Разглядывая лотки, Нэн-

си думала, что рынок кажется куда более «тибетским», чем те, что попадались им на других улицах по пути сюда. Здесь не было китайских лотков с жарящимися орехами и куриными бедрышками, которые во множестве стояли у дворца Потала.

Тут Нэнси с удивлением заметила мужчину, направлявшегося к центру площади. Это был молодой монах, худой как палка, с лицом обветренным и загоревшим, так что цветом оно напоминало тиковое дерево. Он остановился, воздел руки к небу, рухнул на колени, а затем упал ничком на землю. Через несколько мгновений он поднял изнуренное тело с булыжников, сделал шаг вперед и повторил ритуал. Он наверняка испытывал боль, падая на колени, но лицо парня блаженно сияло. Из какой же дали он прибыл, долго ли шел сюда, если передвигался вот таким вот способом? В наши дни такую набожность на Западе трудно вообразить.

«А где Джек?» — вдруг спохватилась Нэнси, увлекшись необычным зрелищем. Беспокойно оглядевшись, она увидела, как Джек удаляется по улочке в недра базара. Если б не его рост и светлое пятно волос, она бы потеряла его из виду. Сквозь зубы ругнув компаньона, Нэнси бросилась вдогонку, пробиваясь сквозь толпу. В пятидесяти ярдах впереди он резко остановился, повернулся и, пригнувшись, нырнул в низкую дверь. Нэнси решила, что это и есть «Голубой фонарик».



Стены чайной почернели от многовековой копоти масляных ламп. Пол был выложен плитняком, мебель незамысловатая, но прочная: низкие деревянные скамьи и крепкие трехногие стулья. За полудюжиной столов сидели молодые люди — одни в дешевых китайских костюмах, другие в простой спортивной одежде. Двое молодых людей были в трилби*. И все как один курили. Атмосфера в чайной показалась Нэнси угрожающей, как в бандитском притоне, и мимо скамеек она шла, не поднимая головы. В дальнем углу комнаты располагался небольшой бар, за ним виднелась дверь в кухню. Крохотные оконца едва выделялись, как серые мазки в жутковатом сумраке.

Джек разговаривал с мужчиной за барной стойкой. Смущаясь, Нэнси пошла через комнату к ним, отчетливо сознавая, что, несмотря на полумрак, все пристально разглядывают ее. Никто не улыбался, оборачиваясь на нее, и она старалась ни с кем не встречаться глазами. Джек говорил по-тибетски. Нэнси, не понимающей ни слова, пришлось подождать, и она решила поразмыслить о том, что удалось узнать о Херцогe.

Она уже сожалела о своей импульсивности. Она думала, что обязана пуститься на поиски Херцога, что это дело чести, что она поможет человеку, которым всегда восхищалась. Но ей и в голову не могло прийти, что этот человек окажется такой двусмысленной и мутной лич-

* Мягкая мужская фетровая шляпа с вмятиной на тулье.

ностью. Может, стоит открыться Джеку — рассказать о том, что она выяснила, о растерянности и опасениях, о дурном предчувствии? Джек и Антон не были друзьями, но Джек, по крайней мере, имеет представление об амбициях Херцога. Может, он поможет ей переварить информацию. Или просто объявить, что она передумала и решила вернуться? Адамсу, похоже, все равно. Получит деньги, и она его больше никогда не увидит. Нэнси смотрела на Джека и думала о его грубости: даже не удосужился показать, что заметил ее появление. Ведь она наняла его. Возможно, он добывал полезную информацию — или вел свою темную игру, или притворялся. Нэнси в нетерпении цокнула языком и закатила глаза, надеясь, что он заметит, что ей надоело стоять и ждать.

Кажется, сработало. Примерно через минуту бармен поднял секцию барной стойки и пропустил их к последнему незанятому столику, не прерывая тихий разговор с Джеком. Тотчас появилась молоденькая розовощекая тибетская девушка с двумя дымящимися мисками еды, а вторая девушка вышла из кухни, неся большой самовар* с чаем. Она налила им две чашечки размером с наперсток.

— Момо, — с улыбкой Джек кивнул на дымящиеся миски. — Тибетские клецки**. Ешьте. Они придадут вам сил. В «Голубом фонарике» меня еще ни разу не отравили.

Джек сделал знак официантке. Затем перегнулся через узкий стол и прошептал:

— Вы познакомитесь с Гуном Лобсангом, он мой друг и посредник в Лхасе. Пожалуйста, не делайте или не говорите ничего такого, что заставит его нервничать.

— Не волнуйтесь, — ответила Нэнси. — Понимаю, это не моя стихия, но я, в конце концов, не совсем дура.

* У автора — samovar.

** Блюдо скорее напоминает вареники с разнообразной начинкой.

— Рад слышать, — насмешливо сказал Джек. — Просто имейте в виду, что он очень рискует, разговаривая с нами.

— Поняла, — ответила она, вновь сдерживаясь.

Джек успокоился и подцепил ложкой момо из своей тарелки. Нэнси раздраженно вздохнула и тоже принялась за еду. Горячо и вкусно — именно то, что было ей необходимо. Нэнси ела и чувствовала, как хорошее настроение возвращается к ней.

Едва она вновь задумалась, как лучше рассказать все Джеку, дверь открылась и вошел высокий молодой тибетец. На нем была кожаная ковбойская шляпа и выдававшая виды твидовая куртка. Парень окинул цепким взглядом комнату, словно запоминал присутствующих, и подошел к столику Нэнси и Джека.

— Таши делек*, Джек. Давно не виделись.

Мужчины коротко обнялись.

— Кто твой друг?

— Нэнси Келли. Прибыли по обычному маршруту.

Тибетец сложил ладони как для молитвы и быстро поклонился Нэнси.

— Рад познакомиться, мисс Келли.

Затем повернулся к Джеку и сказал что-то по-тибетски.

Джек ответил по-английски:

— Ей можно доверять, Гун. Могу поручиться.

Гун остро глянул на Нэнси и взмахом руки заказал себе чаю у одной из девиц, маячивших за стойкой. Затем повернулся к Джеку.

— Что вновь привело тебя в Тибет, друг мой? Ты знаешь, что здесь стало гораздо хуже? Тенцина месяц назад бросили в тюрьму. Полиция хватает кого вздумает-

* Тибетское приветствие; можно перевести как «Всех благ».



ся — даже тибетская полиция. А молодежь нынче интересуют только деньги, свобода им уже не нужна...

— Что ж, таков капитализм, он делает людей эгоистичными и заинтересованными только в создании своих гнездышек. Маркс не понял, насколько эффективно это в плане предотвращения революции, а вот китайцы поняли, — ответил Джек, пожимая плечами.

Вернулась девушка с самоваром и чашкой-наперстком для Гуна. Он достал из кармана пачку сигарет, выложил ее на стол и предложил Нэнси и Джеку. Оба отказались.

Прикурив и с удовольствием затянувшись, он проговорил:

— Одно лишь хорошо: стало проще делать дела. Теперь каждого можно купить, каждый имеет свою цену...

Гун вновь затянулся. Нэнси отвлеклась от своих переживаний и разглядывала его красивое лицо. Красивое и как будто преждевременно состарившееся. Пожилые тибетцы, как правило, выглядели хорошо, даже лучше, чем кавказцы, но на лице Гуна Лобсанга отразились все следы его беспокойной и опасной жизни. Джек кивнул.

— Так что, отведешь нас в Пемако?

Тибетец выпустил две густые струи дыма через ноздри и проследил за тем, как они проплыли мимо миски с момо.

— Конечно. Если вам хочется попасть в эту чертову дыру. На грузовике до Поме, затем пешком от монастыря Бхака через Су-Ла. Могу довести вас до Поме, но от туда пойдете уже сами.

Тут Гун снова перешел на тибетский. Послушав несколько мгновений, Джек взглянул на Нэнси и улыбнулся.

— Гун интересуется, достаточно ли вы подготовлены к переходу через Су-Ла. Вопрос разумный, поскольку, если вы не выдержите, мы все можем погибнуть.

Нэнси повернулась к тибетцу. Гун кивнул ей, на лице его не было ни капли смущения.

— Обо мне не волнуйтесь, — решительно заявила она. Однако Гун продолжал пристально смотреть на нее — оценивающе, решила Нэнси. Затем сказал:

— А кстати, зачем вам в Пемако, мисс Келли?

Вопрос застал ее врасплох. Прежде чем Нэнси удалось придумать ответ, встрял Джек:

— Мы ищем Антона Херцога: он отправился в Пемако и до сих пор не вернулся. — Джек пожал плечами, взглянув на Нэнси. — Простите, мисс Келли, но Гуну я всегда говорю только правду, как и всем моим друзьям в Тибете. К тому же Гун знает Антона.

Тибетец затянулся сигаретой и перевел взгляд с Джека на Нэнси.

— Вы друг Антона? — спросил он ее.

— Не друг, а коллега, и я беспокоюсь о нем. Мы вместе работаем в редакции «Интернэшнл геральд трибюн».

— А почему вы ищите его?

— Потому что он пропал.

— Пропадают многие, мисс Келли... Почему вы ищите именно его?

— Признаюсь, причины довольно сложные, — сказала Нэнси. Если этому парню придется рисковать по ее милости, то ей следует быть с ним предельно откровенной. — Точнее, тут я сама до конца не разобралась. Но я уверена, что Антон Херцог в серьезной опасности. Не исключено, что опасность исходит от него самого. Мне кажется, он потерялся не только физически, но и в другом смысле, что гораздо хуже... Не знаю, как это объяснить... В общем, ему нужна помощь.

— А в Дели вы говорили совсем по-другому, — заметил Джек. Он мрачно смотрел на нее.

— Я... много думала об этом после нашего прибытия сюда. — Она встретила взгляд Адамса, почувствовала силу его скептицизма и постаралась выдержать его.

Затем заговорил тибетец, и Джек повернулся к нему.

— Он был здесь в прошлом году. Кажется, в декабре. Херцог странный человек, сильный человек. Мы, тибетцы, зовем его белым магом. Я видел его в «Голубом фонарике», он разговаривал с людьми.

Значит, Херцог был здесь, подумала Нэнси, всего три месяца назад. Зачем он заходил? Отдохнуть перед тем, как начать свои безумные поиски? Или он искал ключ к загадке? Он, наверное, очень нервничал или, наоборот: был так погружен в размышления о предстоящем открытии, что не думал об опасностях. Нэнси размышляла о Херцогe — человеке, которым всегда восхищалась за его талант, — как о журналисте с теми же страхами, замыслами и профессиональными амбициями, что и у нее самой. А она тогда находилась в другой части света и ничего не знала ни про Общество Туле, ни про «Книгу Дзян».

— Почему бы вам не дождаться его возвращения? Пемако не место для прогулок, — сказал Гун.

Джек сухо проговорил:

— Я согласен.

Нэнси проигнорировала его замечание. Вместо этого, сосредоточив взгляд на тибетце, ответила:

— Все не так просто. Если бы я знала, что Антон отправился в очередное путешествие и задержался, я бы не беспокоилась ни о чем. Но повторю: я уверена, что произошло нечто ужасное. Он прислал короткое сообщение. Думаю, это был крик о помощи. И я восприняла его как призыв. Однако с точностью ничего утверждать не могу.

Гун смотрел на нее с жалостью.

— Если с Антоном Херцогом стряслась беда, я не знаю, чем вы можете ему помочь. Очень сомневаюсь, что вы такой же хороший альпинист, как он. К тому же Ан-

тон свободно говорит по-тибетски и знает местную жизнь. Он изучал тантрическую йогу. Если захочет, он может принять здешние обычаи и образ жизни и объявиться через несколько лет...

Нэнси отмела это предположение. Не имея полной уверенности, пару минут назад она чуть не отказалась от задуманного, но пессимизм Гуна побуждал ее к действию.

— Вы знаете, куда он направлялся? Он не сказал вам при встрече? — спросила она.

Гун помедлил, оглаживая бороду, и Нэнси заметила на тыльной стороне его ладони два глубоких шрама — словно ее когда-то прижгли сигаретой. Ей вдруг пришло в голову, что его пытали. Наверное, китайцы? За что? Что он сделал, чтобы привлечь внимание властей?

Медленно проговаривая слова, Гун ответил:

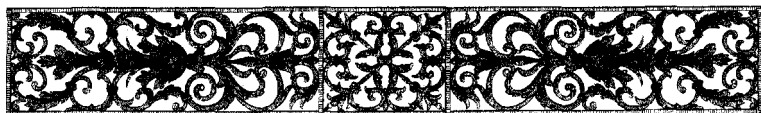
— Нет. Не помню, чтобы он говорил. В наше время все такие скрытные... Он лишь хотел, чтоб я помог ему найти попутку в Поме. И с ним был компаньон...

Джек и Нэнси одновременно выпалили:

— Кто?

Нэнси и в голову не приходило, что Херцога кто-то мог сопровождать. Она считала его одиночкой. Гун Лобсанг выдохнул очередное облако сигаретного дыма, полностью скрывшее его лицо в сумраке чайной. Затем склонился к своим собеседникам и хриплым шепотом произнес:

— С ним был тертон Тхуптен Джинпа.



— Боже! — в ужасе прошептал Джек. — Зачем он взял с собой тертона?

Гун Лобсанг покачал головой и тяжело вздохнул.

— Понятия не имею. Вы же знаете, я от таких людей держусь подальше. По-моему, Тхуптен Джинпа — адепт религии Бон, хотя, по идее, должен принадлежать к школе гелукпа, как и далай-лама. Я думаю, он колдун.

Нэнси больше не могла сдерживаться.

— Что, черт возьми, такое тертон?

Оба усталились на нее как на полоумную. Затем, страдальчески скривившись, Джек начал:

— Тертон — это охотник за сокровищами. Он или она способны отыскать терма. По крайней мере, тертоны так утверждают. Они применяют тантрические практики, самые эзотерические, чтобы заполучить терма из верхних миров.

— А вы вроде говорили, что терма — это своего рода врата в иной мир?

Взгляд Гуна метнулся к Джеку, и вновь тибетец пробормотал что-то на своем языке.

Джек махнул на него рукой и ответил по-английски:

— Гун, завязывай, она здесь всего-то два часа. К тому же далай-лама говорит: чем меньше знаешь о колдовстве, тем лучше... Ее сердце чисто — она ничего не знает о черных Бон и их магии.

Тибетец гневно перебил его, в этот раз по-английски:

— Можешь называть это чистым сердцем, но тебе также известно, как и мне, что подобной невинности всегда сопутствует смертельный риск, и вернее будет назвать эту невинность невежеством!

В страхе лишиться единственной ниточки, связывавшей ее с Антоном Херцогом, Нэнси попыталась успокоить Гуну.

— Простите меня, я мало знаю о предмете вашего разговора, но моя жизнь — это постоянные странствия, своего рода нескончаемое паломничество. А в Тибете, я слыхала, паломники могут рассчитывать на уважение и помощь.

Гун хмуро отмалчивался. Заговорил Джек — на сей раз Нэнси была ему за это благодарна. Он защищал ее и пытался уговорить тибетца не бросать их. Джек сказал:

— Я уже говорил, четкое определение дать непросто. Скажем, терма — это тайное знание, которое в древности было скрыто, чтобы в тяжелые времена вновь прийти к людям и помочь им. Тертоны — монахи, способные отыскать терма и отдать его нам. Верно я говорю, Гун?

Тибетец еще сердился.

— Верно, — сказал он, прикурил новую сигарету и сверкнул глазами на Нэнси. — Однако есть много черных магов, мечтающих заполучить силу терма... Вот почему люди всегда с подозрением относятся к тем, кто ищет их.

— Значит, тертоны — черные маги? — спросила Нэнси.

— Нет. Не все. В прошлом существовали белые маги, которые тоже были тертонами. Кое-кто из великих лам был тертоном. Но в наше время большинство людей хотело бы, чтобы терма не выходили на свет. Вдруг знание попадет в дурные руки?

Нэнси отчаянно старалась не потерять нить разговора. Аналогии с «Книгой Дзян» были слишком явными, чтобы не замечать их.

— Выходит, «Книга Дзян» тоже терма?

Выражение лица Гуна изменилось мгновенно и кардинально. До этих слов он казался раздраженным и надменным, а тут его как громом поразило. Он изумленно спросил:

— Откуда вы знаете о «Книге Дзян»?

— Читала в газете. Очень похоже на то, что вы сказали про терма.

— «Книга Дзян» была бы терма, если б она существовала, а это маловероятно, — ответил Гун Лобсанг, не сводя глаз с Нэнси. — И если бы она существовала, она была бы самой дорогой реликвией на свете. В ней заключалось бы особенное знание, принесенное из очень-очень древних времен — от одной до двух юг* назад. Знание о том, как создать сверхчеловека... Некоторые ламы утверждают, что это черная книга.

Черная книга. Нэнси тотчас вспомнила, что так по-китайски называется «Книга Дзян».

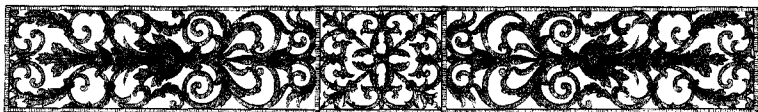
— Вы о том, что у нее черный переплет?

— Нет. Я о том, что эта книга — зло. Черное терма. Терма темной стороны — то, что учитель Бон, или черный монах, способен добыть из верхних миров.

Джек Адамс испустил театральный вздох.

— Так... Мне необходимо выпить пива. Разговор становится слишком тяжелым для моего восприятия. Официант, пива, пожалуйста!

* Юга — длительная эра развития человечества. Всего существует 4 юги, которые делятся 12 000 божественных лет, или 4 320 000 лет смертных людей.



— Я рассказал все, что знал. Чем на самом деле занимались Антон с тертоном Тхуптеном Джинпа, не имею ни малейшего понятия. — Гун тяжело посмотрел на Нэнси и добавил: — Но поверьте, даже такой колдун, как он, не сделает этой глупости — не будет искать «Книгу Дзян».

У Нэнси на сей счет уверенности не было. Она бы предпочла, чтобы Гун опроверг то, что она узнала о связи Общества Туле с Тибетом, но, к сожалению, этого не произошло. Тонкие ниточки, протянувшиеся из темного мира Европы времен Второй мировой в современный Тибет, превращались в неразрывные цепи. Полная картина пока не складывалась, однако Нэнси чувствовала, что ее неудержимо тянет вперед.

— Кто-нибудь еще может знать, куда они направились после Су-Ла?

Гун Лобсанг на мгновение задумался.

— Здесь, в Лхасе, — вряд ли. Но когда доберетесь до гомпы Бхака, спросите там. Вполне возможно, вам подскажет кто-то из шерпов Антона.

Гун поерзал на стуле и добавил:

— Ладно, рискну. Помогать так помогать...

Нэнси кивком поблагодарила его.

— Если хотите выступить сегодня, мне надо срочно приступать к работе. Я вернусь и подберу вас, как толь-

ко выясню, кто едет на восток по Сычуанскому тракту. Кто-то из водителей грузовиков из Кхампы говорил мне, что собирается утром в Амбо. О цене договоримся.

— Спасибо, дружище, — сказал Джек, крепко пожав ему руку.

Гун встал из-за стола, коснулся кончиками пальцев полей своей ковбойской шляпы и удалился. К столику подошла официантка с бутылкой пива «Сноуз» для Джека. Он поблагодарил ее по-тибетски, улыбнулся Нэнси и спросил:

— Точно не хотите пива?

— Рановато для меня. Часам к девяти...

— Как хотите. Мне это помогает справиться с высотной болезнью.

— Скажите, мистер Адамс, что касается тертонов и терма — вы сами верите в это? — поинтересовалась Нэнси.

Джек сделал несколько больших глотков прямо из горлышка, вытер рот рукавом и ответил:

— Зависит от того, что понимать под словом «верить». Как можно назвать способность останавливать собственное дыхание и даже активность мозга? Магия? На это способны ламы на высших стадиях медитации. А когда вы подключаете их к современному медицинскому оборудованию и пытаетесь обнаружить признаки жизни, то не находите ни единого! Даже на электроэнцефалограмме. Состояние клинической смерти. А по истечении назначенного отрезка времени — раз, и они просыпаются. Открывают глаза и встают на ноги. Что это, магия? А что скажете о левитации? О способности вызывать кровоизлияние в мозг на расстоянии сотни ярдов или становиться невидимым? Тоже магия? Или просто физические действия, которые мы с нашей наукой пока не в состоянии объяснить?

— То есть, по-вашему, все это существует в реальности?

— Нет, дело не в этом. Я бы не отважился определять границы реальности. Но я не могу отрицать, что существует левитация, остановка жизнедеятельности организма и другие невероятные вещи, на какие гораздо высшие ламы. Наука пока не может дать всему объяснение, но когда-то оно найдется. А что касается тайного знания, которое можно вытянуть из «высших сфер»... Мне не известна ни одна культура, где творцы или пророки не опирались бы на знания или опыт извне. Терма — нечто вроде этого. Хотя кто знает? Я не отвергаю достижений тантрического буддизма — я ставлю под сомнение его теорию. Одно знаю наверняка... — Джек потянулся к Нэнси через стол, чтобы никто в задымленной чайной не услышал их, и шепотом прошептал почти на ухо: — Если честно — это все такая чертовщина...

Еще больше понизив голос, он продолжил:

— И знаете что? Гуну, конечно, я этого никогда не скажу, но не могу отделаться от мысли, что отчасти согласен с китайцами... — Джек торопливо огляделся. — Нет, я не приемлю их методы, их насилие и притеснение. Но я понимаю их неприязнь и обеспокоенность. Весь Тибет — жуткий сумасшедший дом. Когда китайцы впервые вторглись сюда, они обнаружили поистине ужасающие вещи. Около трети населения было так или иначе вовлечено в языческие культы в качестве жрецов и монахов, а оставшаяся часть прозябала в неволе, ища на горстку суеверных магов. Ламы контролировали умы крестьян в точности, как это делают коммунисты.

Джек вновь оглядел комнату, и Нэнси уверилась, что им грозит смертельная опасность, если кто-то услышит хоть слово из их разговора.

— А когда китайцы врываются в монастыри, они видели там древние оккультные практики и монахов, занимавшихся всеми видами черной магии. Китайские солдаты, отбившие монастырь Шигацзе у двух тысяч монахов, рассказывали истории о животных и человеческих жертвах, о ритуалах пожирания плоти в подземных пещерах.

Нэнси остановила его:

— Да бросьте, Джек! Это пропаганда. Не могу поверить, что вы попались на нее.

— Может, кое-что и приукрашено, но уверяю вас, правды тоже хватает. Буддизм вроде бы предполагает растворение собственного «я» и отрешение от мирских дел. Но то, что я вижу в тибетской религии, больше смахивает на военную теократию: множество чинов и привилегий, море тайных знаний. Хоть убейте, не понимаю, какое отношение эти тайные знания имеют к учениям Будды или к магии, если на то пошло. Есть некая мощная сила, или энергия, или мана* — называйте как хотите, — полностью контролируемая свыше. Выходит, все эти годы в Тибете процветало нечто, весьма отличное от привычного буддизма. И мы, чужаки, никогда не поймем, что это такое. Можете не сомневаться, ламы тоже занимаются пропагандой — с помощью милого старика, предпринявшего кругосветные гастроли, улыбающегося каждому встречному, приятного во всех отношениях...

— Ваша критическая позиция, честно говоря, удивляет, — сказала Нэнси. — Я видела далай-ламу, когда он приезжал в Нью-Йорк и выступал в Центральном парке. Он показался мне миролюбивым и просвещенным

* Мана — особая магическая или сверхъестественная сила, а также предмет или лицо, обладающее такой силой.

человеком. Насколько я поняла, это совершенный образец буддиста.

— Похоже, он и вас околдовал. А вас не смущает, что он родственник предпоследнего далай-ламы и его предшественника? Демократией тут и не пахнет. Скорее наследственная монархия. Видите ли, я простой крестьянин из Орегона, но я вижу, что эта религия строится на черной магии и суеверии. Вы поверите монаху с Запада, если он объявит себя инкарнацией Иисуса? Нет! Почему же ваше мнение меняется, когда мы в Тибете? Вы станете почитать первого встречного христианского монаха как божество — как почитают далай-ламу? Массовый гипноз, скажете вы. А если говорить о магии, то это больше похоже на черную магию.

Джек вновь вскинул бутылку, вылил остатки в глотку и со стуком опустил ее на стол.

— Только поймите меня правильно. Я с самого начала говорил: здешние умельцы способны на то, чего мы на Западе понять не в состоянии. Похоже, они сильно обогнали нас в познании человеческого разума... И знаете что? Именно поэтому все отдает чертовщиной.

Джек умолк, перекатывая пустую бутылку в обветренных ладонях альпиниста. Спустя минуту он сказал:

— Что-то я разоткровенничался... Мне бы очень хотелось уяснить истинную цель вашей поездки, Нэнси Келли.

Она почувствовала прилив адреналина.

— О чем вы?

— Вы все прекрасно поняли. Откуда вы знаете про «Книгу Дзян»? И с чего вдруг вам приспичило отправиться в Тибет тайно, в обход общепринятых иммиграционных процедур? Вы не занимаетесь контрабандой антиквариата. Чем на самом деле Антон занимался в Пемако? Вы ведь в курсе? По крайней мере, подозреваете

что-то. А человек в вестибюле «Таджа» — он ведь не меня вел? Я хочу знать, что происходит на самом деле.

Тяжелым неподвижным взглядом голубых глаз он смотрел на Нэнси. Надо было отвечать.

— На самом деле, Джек, я не знаю...

— По-моему, вы знаете намного больше, чем говорите.

В голове у Нэнси все так перемешалось, что она не знала, с чего начать. Однако она чувствовала, что Джек заслуживает более полного объяснения, чем до сих пор получал от нее, если, конечно, ей удастся распутать клубок своих мотивов и выстроить из них связную логическую цепочку.

— Ну, хорошо. Попробую, — вздохнула Нэнси.

Джек выжидающе глядел на нее.

— Антона ищет полиция Индии и Китая в связи с обвинением в шпионаже. В редакции никто в это не верит. Я тоже считаю обвинение абсурдным. Не успела я прилететь в Дели, как меня саму арестовали — за то, что он прислал мне кость, ту, что я вам показывала. В полиции меня допрашивали, пытаюсь выяснить, какое я имею отношение к Херцогу. Зацепок у них против меня не было никаких, но я поняла, что Антон в беде. Впрочем, меня отпустили. Скорей всего, за мной следили и слушали все мои звонки, вот почему я не хотела обсуждать вылет по телефону. Поначалу меня это взбесило: и мой арест, и тот факт, что никто, похоже, даже не дернулся как-то помочь Антону. К тому моменту он отсутствовал уже три месяца, и это казалось очень странным. Я еще подумала: все очень просто — журналист делает свою работу, репрессивные власти пытаются остановить его. Но я начала копать, и дело оказалось странноватым...

Джек поднял брови, но промолчал.

— Я выяснила, что отец Антона Феликс Кениг был тибетологом и членом германской эзотерической секты Общество Туле, проводившей историческое исследование арийцев и отправлявшей экспедиции в Тибет. По-видимому, и сам Кениг бывал в Тибете, возможно, даже не раз, а экспедиции финансировали нацисты с целью привлечения лам на сторону Германии.

Нэнси смотрела на Джека почти умоляюще. Она отдавала себе отчет, насколько необычен ее рассказ, и все ждала, что он перебьют ее вопросом, а не сошла ли она с ума. Однако он молчал, наблюдая за ней, и выражение его лица понять не удавалось.

Нэнси продолжила:

— Нацисты считали, что тибетские ламы — или некое тайное братство в Тибете — обладают секретом сверхчеловека, что они умеют из обычного человека сделать существо высшего порядка, рожденное править миром. Нацисты полагали, что это тайное знание принадлежит им по праву, поскольку является древним истинно арийским знанием. Прекрасно понимаю, как все это звучит, но когда я приехала к Майе, она показала мне старые награды, которые Антон оставил ей. Среди них оказалась медаль Общества Туле, принадлежавшая отцу Антона Феликсу Кенигу. На ней был точно такой же символ, как на мундштуке костяной трубы.

Глаза Джека удивленно расширились.

— Вы уверены? Труба-то жутко древняя.

— Уверена. На все сто. Кинжал на фоне свастики. Но на самом деле нацисты отчаянно искали способ создания сверхчеловека, причем верили, что это знание хранит «Книга Дзян». Они называли ее «*Das Buch des Ringes*», — «Книга Кольца». Нацисты были одержимы целью во что бы то ни стало отыскать книгу. Отсюда и экспедиции. Полагаю, исследование Херцога имеет к этому прямое от-

ношение. Вот за чем поехал Антон. Ведь он сказал Майе, что это будет главная работа его жизни.

Нэнси смолкла. По лицу Джека пробежала тень.

— Бог мой, Нэнси, почему вы не рассказали мне обо всем до вылета?

— Я была в процессе поиска, и новые детали выяснялись, когда все уже закрутилось. К тому же это казалось слишком странным, мои мысли разбегались. Потом я вдруг подумала, что не справлюсь с таким делом, и решила отказаться, заплатить вам и вернуться домой.

Оба немного помолчали. Нэнси вновь пристально взглянула на Джека.

— А вы, Джек? Почему за поездку в Тибет заломили такую цену? Что означает знак на мундштуке трубы и буквы? Каково их происхождение? Вы ведь с самого начала все знали?

Джек тяжело вздохнул и покачал головой:

— И да и нет. О происхождении символа со свастики не имею ни малейшего понятия. Но в отношении букв вы правы: эту надпись я знаю.

— И что же она означает?

— Старший Футарк.

— Старший... что?

— Руны. Первые шесть магических букв старейшего на свете рунического алфавита: Ф, У, Т, А, Р, К*.

— Каким образом на трубу, которой больше двадцати тысяч лет, попала «европейская» надпись? И каким образом эта штукавина вдруг всплыла в самом сердце Гималаев?

— Вот именно. Теперь вы понимаете, почему я так хотел узнать, откуда она у вас. Я все эти годы искал это.

* Старший Футарк — самый древний рунический алфавит, состоит из 24 рун.

Это безусловное доказательство, что человечество много старше, чем принято считать. Развитые цивилизации существовали более пятнадцати тысяч лет назад. Найти древнюю костяшку с начертанными на ней рунами за тысячи миль от Европы — это сенсация. Теперь я абсолютно уверен, что Херцог нашел арийское царство, которое столько лет искал. Я хочу добраться туда, привезти оттуда арийские сокровища и реликвии. Хочу доказать всему миру, что я прав. И вот что еще вам скажу: если я сумею доказать хоть что-то, это с лихвой окупит мои долги.

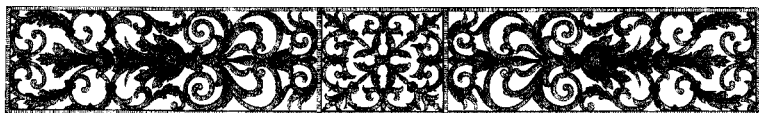
Глаза его сверкнули, когда он проговорил это. Кто бы сомневался, подумала Нэнси. Это будет настоящий клад. Такая находка заставит взглянуть на гробницу Тутанхамона как на захоронение нашего современника. Джек Адамс нахмурился:

— Вы уверены в достоверности этого бреда про отца Антона?

— Уверена... Почти. Центр Визенталья подтвердил большую часть информации. То есть они подтвердили существование подозрений в том, что отец Антона — это Феликс Кениг, что Кениг был у нацистов экспертом-консультантом по тибетской культуре, что он путешествовал в Тибет и так далее. Но то, что Антон искал «Книгу Дзян», не более чем предположение. Может, он интересовался Тибетом по иным причинам. Однако он путешествовал с тертоном Тхуптеном Джинпа, и это усиливает мои подозрения, особенно если «Книга Дзян» является терма. Только тертоны умеют находить утерянные терма. Я абсолютно уверена в одном: Кениг предпринял несколько поездок в Лхасу, оплаченных нацистским режимом. Официально документировано, что он ездил туда именно с целью найти утраченное знание и истоки арийской расы.

Они вновь замолчали. Нэнси выжидающе смотрела на Джека. Выговорившись и поделившись своими предположениями о деятельности Херцога, она почувствовала облегчение. Может, Джек Адамс вместе с ней разгадает эту головоломку и поймет, где правда, а где фантазии оккультистов и фанатичных лам времен Второй мировой. Джек склонил голову, словно глубоко задумался. Через минуту он стал нервно скрести этикетку своей пивной бутылки. Потом поднял глаза:

— Что ж, Нэнси Келли, дело и вправду весьма интересное. Не стану утверждать, что верю в этот эзотерический вздор. По-моему, нацисты еще более безумны, чем ламы, но я знаю точно, что они искали. Они пытались войти в контакт с великим Белым братством.



— Много лет я и не вспоминал о Белом братстве. Когда я был помоложе, чуть старше двадцати, я проводил одно аспирантское исследование в Катманду...

Официантка принесла бутылки и брякнула ими об стол. Джек поблагодарил и протянул одну Нэнси. Та с благодарностью ^юее приняла.

— Не знаю, бывали ли вы в Катманду, но эта страна притягивает массу чудиков и странных личностей: одни ищут гуру, знающих тайны жизни, другие сами себя считают гуру. Они торгуют арсеналом потасканных мифов и вызывают друг у друга мандраж байками о тайных обществах, зловещих проклятиях и тому подобном. Венец этих мифов и сказок — великое Белое братство, загадочное тайное общество Учителей, правящих миром из подземного царства или долины где-то высоко в Гималаях. Одни говорят, что царство называется Шангри-Ла, другие — что Шангри-Ла — это благое место и не может быть домом такому братству. Так или иначе, в Азии о них ходит масса рассказов, и это вовсе не байки хиппи.

Джек глотнул пива.

— Скорее всего, нацисты пытались установить контакт с братством. Если вам доведется побывать в Катманду, вы можете встретить людей, которые будут утверждать, будто нашли дорогу в Шангри-Ла и встречались с

братством. Но не верьте, это будет ложь от начала и до конца. Братство само найдет вас и пригласит, искать их не надо. И я очень сомневаюсь, что хоть один из приглашенных сможет потом что-то рассказать.

Нэнси опустила свою бутылку на стол.

— Но кто они, эти люди?

— Говорят, братство — нечто вроде университета для просветленных. Там у них необъятные библиотеки, море эзотерического знания. Если «Книга Дзян» существует на свете, не исключено, что она хранится в одной из таких библиотек. Другие считают, что братство, вопреки названию, находится под влиянием темных сил.

Нэнси перебила:

— А вы как считаете?

— Я, по-моему, ясно дал понять, что отношусь ко всему этому с легкой иронией. Если братство существует на самом деле, это нечто большее, чем пещерная община индийских и тибетских оккультистов. Но это не значит, что они не обладают могуществом. Я даже готов заявить: если нацисты на самом деле бывали в Тибете, вполне вероятно, что именно братство призвало их ради воплощения некоего безумного собственного замысла. Возможно, сама идея Второй мировой войны принадлежит великому Белому братству.

Нэнси поперхнулась пивом.

— Что? Вы смеетесь надо мной. Мне показалось, вы в черную магию не верите.

Джек приложил палец к губам и тревожно огляделся.

— Тсс! Говорите тише. Тут повсюду стукачи, даже в «Голубом фонарике». Теперь слушайте. Вы не понимаете меня. Я верю, что в мире происходят странные вещи, но меня не устраивает, что их объясняют магией и волшебством. Тибетские тантрические практики не черпываются шоу-номерами типа левитации, уверяю

вас. Телепатический контроль разума — вот специальность этих парней.

Нэнси озабоченно нахмурилась. Она отчаянно пыталась убедить себя, что Джек не шутит. Напряженное лицо и настороженность говорили в пользу его искренности, но она не была уверена до конца.

— Хорошо. — Нэнси шумно вздохнула. — Даже если в ваших словах есть зерно истины и великое Белое братство на самом деле существует, наверняка оно движимо силой добра. Это ведь великое Белое братство, а не Черное? Что общего может быть у них с нацистами? В своей великой белой мудрости они должны были понимать, что нацизм — злая сила и ничего хорошего из такого союза не выйдет.

Джек пожал плечами.

— Это было бы прекрасным, будь это правдой, но в жизни не все так просто. Братство по сути должно быть белым и помогать сеять добро. Но кто знает... Может, они сбились с пути? По легенде, Учителя братства находятся в телепатической связи с другими Учителями, обитающими на более высоких уровнях бытия. Эти высшие творцы по идее должны быть добрыми ангелами. А вдруг они совсем не те, кем их считают? Возможно, они скрывают свое истинное лицо и водят за нос само братство. — Джек приложился к бутылке и снова внимательно оглядел комнату: не прислушивается ли кто к их разговору. — Встреча с внеземными силами — это большой риск. Всякий раз, когда слышу рассказы людей о контактах с божественными силами, или НЛЮ, или тибетскими Учителями, я думаю: «Ну, хорошо, допустим, так оно и было. Но силы, вошедшие с вами в контакт, могли притвориться добрыми. Они заявляют, что хотят помочь миру, а на самом деле помыслы их дурны. Они используют вас».



«Что за чертовщина?» — подумала Нэнси.

Во что, черт побери, она ввязалась? Она полагала, что Джек Адамс, несмотря на экстравагантный образ жизни, разумен и рационален, что подтверждено дипломами и учеными степенями престижных университетов. Он должен был быть умеренным скептиком, как и она сама. Но этот Джек Адамс с удовольствием рассматривал самые нелепые теории заговоров, какие ей доводилось слышать. Это шокировало Нэнси: будучи ученым, он принимал в расчет фантазии о телепатических Учителях и легенды о нацистских поисках тайны сверхчеловека. С таким эксцентричным скептицизмом, граничащим с полным неверием, она встречалась впервые. Джек все подвергал сомнению, но ничего не отрицал.

Но кто она такая, размышляла Нэнси, чтобы обвинять его? И если задуматься — разве Учителя-телепаты удивительнее, чем знакомый ей мир? Мир глобальных войн, религиозных конфликтов, гонки ядерного оружия, развязанных из-за различия идеологий мировых правительств? Современная западная жизнь более или менее безумна, чем общество в Гималаях? До Нэнси вдруг дошло, что в ее душе эхом звучат слова Джека: кто она такая, чтобы утверждать, что возможно на этом свете, а что невозможно? Она чувствовала, что стремительно теряет ощущение перспективы, и опасалась потерять способность различать правду и иллюзии. А может, границы между ними уже не подвластны ее пониманию? Она утратила веру в такие удобные отличия.

— Джек. — Нэнси отчаянно пыталась добиться хоть какой-то ясности. — Пожалуйста, дайте мне четкий ответ: как вы думаете, Антон хотел пройти по стопам нацистской экспедиции своего отца и найти братство? Искал ли он «Книгу Дзян» и секрет супермена, или как там его?

Вопросы звучали до нелепости упрощенно, и ответ Джека не принес утешения, на которое она так надеялась. Он взглянул на нее и пожал плечами.

— Возможно, да, возможно, нет... После вашего рассказа о его отце и утверждения Гуна о том, что «Книга Дзян» — это терма, — вполне возможно. Особенно если учесть, что он отправился в путешествие с тертоном.

Он сделал паузу, будто приводил в порядок свои мысли.

— Вот что я вам скажу, Нэнси. Порой даже такой утративший иллюзии человек, как я, вынужден поверить в самые нелепые теории.

— Поясните, пожалуйста.

— Пожалуйста. Если и население Тибета, и нацисты, и Антон верят в существование «Книги Дзян» или великого Белого братства, в реинкарнацию или хоть в летающих поросят, а я один не верю, мне надо просто заткнуться. Если мы хотим найти Антона, мы должны думать, как он, то есть поверить во все вышеперечисленное. К тому же, если «Книга Дзян» существует, стоит она в миллион раз дороже, чем алмаз Кохинор. Это будет величайшая реликвия всех времен.

Джек почти облизывался. Нэнси почувствовала, как в нем просыпается азарт искателя приключений, почувшего клад.

Несомненно, подумала Нэнси, он надеется заработать. Им движет не только тщеславие ученого. На мгновение она ощутила разочарование: поиск Антона и правды о его деятельности в Тибете был для Джека не более чем опасным предприятием, сулящим обогащение. Но если это корысть, пускай. Нэнси зашла очень далеко, и ей хотелось одного: двигаться дальше. Если она поступает жестоко по отношению к себе, то только по причине личной заинтересованности: она должна получить



этот материал, тот самый «главный сюжет всей жизни», в поисках которого пропал Антон.

— Так вы не передумали ехать в Пемако? — осторожно спросила Нэнси.

Джек Адамс улыбнулся.

— Разумеется, нет. Едем.

— Думаете, с Антоном случилось нечто ужасное?

— Кто ж его знает? Одно бесспорно: Антон невероятно вынослив, он из тех, кого называют несокрушимыми. И он дьявольски везучий. Может, он шатается между древними монастырями и отлично проводит время...

— Или окончательно сошел с ума, — мрачно договорила Нэнси.

Джек запрокинул голову и допил последние капли из бутылки, со стуком поставил ее на стол и оглянулся на дверь.

— Или то и другое. Существует только один способ выяснить это... Когда надо, этого Гуна Лобсанга никогда нет рядом!



Высоко на горном склоне, почти у самой опушки леса группа монахов вновь остановилась на привал, укрывшись от дождя под густой листвой акаций. Внизу, в долине, лениво ворочалось пухлое облако.

Несмотря на неутихающий страх погони, Антон Херцог воспринял остановку с облегчением. Когда монахи несли его, ремни, удерживавшие истощенное тело на носилках, натирали кожу, местами она даже кровоточила. Голова Антона моталась из стороны в сторону на ходу, шея ныла от постоянных усилий держать голову прямо. Он радовался короткой передышке, пытался дышать размеренно, давая расслабиться легким. Может быть, они уже почти пришли. Может быть, до Агартти остался один переход. Он надеялся на это, потому что знал: долго ему не протянуть.

Подошел помощник настоятеля и, присев на корточки, предложил Херцogu свежезаправленную трубку. Затягиваясь сладковатым дымком, Антон слышал, как старый лама поднялся и завел разговор с другим монахом. Херцог с трудом заставил себя открыть глаза. Монахи изучали карту. Минуту спустя помощник настоятеля вновь присел на корточки, поднес карту к глазам Антона и ткнул грязным ногтем в левый верхний угол мокрого истертого листа.

— Взгляните — это здесь вы встретили китайца? Здесь вас оставили силы?

Херцог почувствовал, как густой медовый опиум наполняет глотку. Под действием наркотика ему вдруг снова захотелось говорить. Шея больше не ныла, мучительная боль в легких утихла, ощущение спокойствия и умиротворения окутало его. Но что там про китайца? О чем его спрашивает лама? Что лама знает о том странном китайце? Неужели он так далеко продвинулся в повествовании о своем путешествии, что сообщил ламе о странном китайце? Антон не мог вспомнить. Опиум забирал последние крупницы воли и способности сконцентрироваться, сохраняя краски и четкость мыслей. Воображение пустилось в свободное странствие, а сил, которые могли бы направить его, у Антона не было.

— Да, — сказал он мягко, и перед его мысленным взором возник китаец. — Китаец. Верно.

С тревогой в голосе помощник перебил его:

— Пожалуйста, сосредоточьтесь и взгляните на карту. Он нашел вас здесь?

Херцог попытался взглянуть на расплывающуюся перед глазами карту.

— Не знаю... Он спас нас. Повел за собой. Но тот путь оказался длиннее, чем я думал. Я был очень слаб. Нам пришлось преодолеть высотный перевал, тщательно замаскированный. Во время подъема я то проваливался в сон, то просыпался. А когда мы спускались, уклон был так крут, что меня попросили слезть с носилок, и мы все связались веревкой, образовав длинную цепочку: посередине — я и китаец, в начале и конце — шерпы.

Помощник настоятеля был близок к отчаянию.

— Прошу, скажите: вы что-нибудь узнаете на этой карте? Похоже ли это на места, где вы побывали?

Херцога уносило вдаль. Он что-то бормотал, обращаясь и к себе самому, и к доктору, глядя куда-то мимо помощника настоятеля.

— Да поймите же, я не знаю. Через несколько часов тропа потерялась. Мы выбрались на узкий скалистый гребень. Сотни ярдов мы осторожно двигались вдоль этого гребня — обходили крутой и широкий обрыв. Далеко внизу бежала по дну каменистого каньона река, похожая на зеленую змею.

Помощник настоятеля перевел взгляд на карту: в том углу не было ни реки, ни ущелья, ни гребня. Он тяжело вздохнул и опустил руку. Глаза его изучали лицо умирающего. Херцог почувствовал, что разочаровал старого ламу.

— Вы должны понять, я был совсем без сил. Когда мы вышли на тропу, я почти потерял сознание от истощения. Мне помогли забраться на носилки — шерпы тащили их все это время, — и едва я устроился там, как тут же заснул. Проснулся от взволнованных криков шерпов, когда впереди показались их родные места. Вот почему я не могу что-либо узнать на вашей карте. Я был тогда не в лучшем состоянии, чем сейчас.

Херцог умолк. Помощник настоятеля вернул карту монаху. Затем крепко сложил ладони. Он хотел знать больше. Он хотел знать, как выглядело то место, хотя это было запрещенное знание и он чувствовал себя виноватым, спрашивая об этом.

— На что похоже это место, родина шерпов? Пожалуйста, опишите мне его.

Херцог мечтательно повторил вопрос, глаза его с благоговением устремились к небесам.

— На что похоже? Долина... Такой зеленой пышной растительности я в жизни не видел. Совершенство! Долину окружали мощные отвесные скалы, как башни, но поскольку в ширину она достигала мили, солнечного света здесь было достаточно. На дне долины я отчетливо разглядел ламаистский монастырь, окруженный жи-

лыми домами и крестьянскими постройками, и поля, где трудилось множество людей.

На мгновение Антон вновь перенесся туда. Джунгли отступили, боль, цепко удерживавшая его в материальном мире, растаяла, и он отправился в прошлое, в сказочную долину. Он говорил. Слышал ли его помощник настоятеля? Перед Антоном стоял гордо улыбающийся китаец. Херцог повернулся к нему, охваченный благоговейным страхом, и произнес:

— Какая красота...

— Спасибо, — отвечал китаец. — Здесь всегда так.

Внезапно Херцог увидел помощника настоятеля; он понял, что это реальность, а не грезы. Он заставил себя сосредоточиться и смотреть только на ламу.

— Я расспрашивал китайца. Я сказал: «Эти края кажутся невероятно безмятежными. Сталкиваетесь ли вы с социальными проблемами?» Китаец вновь горделиво улыбнулся и ответил: «У нас нет преступности, мы не знаем болезней. Люди живут долго, здоровой и насыщенной жизнью, а потом тихо умирают. Нам не требуются техники, ученые, адвокаты, почти не нужны доктора и уж совсем ни к чему иные религии. Мы твердо придерживаемся Дао и живем счастливо. Пища наша проста: рис, свежие фрукты и овощи без сахара, соли совсем чуть-чуть. Ежедневная работа на свежем воздухе. Все это помогает человеческому телу не заболеть, предотвращает раковые и другие тяжелые заболевания. Старики, как правило, умирают во сне — мирно уходят из жизни, и так происходит миллионы лет. Каждые десять лет мы получаем новости из окружающего мира. И по-прежнему не находим в нем ничего, что нельзя было бы предсказать заранее после недолгого размышления. Дао никогда не стоит на месте, но мир никогда не меняется...

«Так это не ламаистский монастырь?» — спросил я и показал на главенствующее здание посреди деревенских домиков. «Нет. Здесь не так, как повсюду в Тибете. Это просто дом. Мы верим, что можем побудить Мудрость спуститься к нам, но не настолько самонадеянны, чтобы считать себя ее носителями. Изредка мы приходим туда и пытаемся прислушаться к голосу Мудрости». Я спросил: «Значит, вы не Учитель, не член братства и даже не жрец в этом царстве?» Он ответил: «А это и не царство. Мы — община, мы стремимся жить просто, не навлекая на себя излишних страданий. Мы все несем одинаковую нагрузку и выполняем одинаковую работу. По складу ума я, естественно, предрасположен к созерцательности и размышлению, поэтому провожу больше времени в умственных трудах, чем большинство моих товарищей, обитателей долины. Однако я тоже работаю на полях, собираю урожай и дою яков...»

Помощник настоятеля перебил:

— Но это очень напоминает коммунистическое общество. Вы наверняка случайно забрели в красный Китай.

Херцог улыбнулся:

— В первый момент и я так подумал. Но потом вспомнил, что китаец упомянул Дао, и взглянул вниз, в долину. Идеальные террасы рисовых полей и восхитительная атмосфера покоя доказывали, что этого места никогда не касалась отрава культурной революции, что оно было древнее и мудрее любого из идеологов марксизма или приверженцев председателя Мао. И все же это было не то, что я искал. Если, конечно, китаец по скромности не утаил тот факт, что в стенах «дома Мудрости», как он выразился, тайно пытались влиять на мировые события с помощью телепатии и древних приемов тант-

рической йоги. Не желая никоим образом задеть этого человека, я спросил: чего они хотят от внешнего мира? Намерена ли община передать свои знания другим народам? Покидал ли он мысленно пределы долины, чтобы общаться с чужеземными людьми? Ответ его был прям и прост. «Вы, кажется, не так нас понимаете. Мы не стремимся никого учить. Мы рады гостям и не скрываем своей жизни от них, но даже не помышляем о том, чтобы убедить кого-то в преимуществе нашего бытия. Однако я понимаю, о чем вы говорите. Здесь, в долине, мы накопили много знаний. Нам известно, что существуют древние искусства, открывающие человечеству доступ к нематериальным уровням нашего мира, позволяющие дотянуться до умов людей и внушать им свою волю. Причем внушение должно осуществляться с помощью символов, а не словесно, иначе сигналы будут распознаны только теми, кто говорит на вашем языке. К тому же символы обладают большей силой. Однако присяга нашего ордена запрещает такие практики, поскольку они противоречат Дао. Ведь люди не могут жить счастливо, если они все делают по нашим командам и не в состоянии самостоятельно выбирать образ действий. Мы устремляем наши энергии к более глубокому изучению Дао. А поскольку Дао отступает от тебя, если ты стремишься к нему, и идет к тебе, когда ты отступаешь от него, мы не стараемся его искать. Мы просто трудимся и живем рядом с ним. Сосредоточиваемся на том, чтобы следовать его законам. И если мы преуспеем, сознание нашего счастья снизойдет отсюда в другие долины, расположенные ниже, накопит силы и, став могучей рекой, прольется на нижние земли. Оно превратится в самую Брахмапутру, и его разлив напоит всю Индию, весь мир... Дао учит нас: даже если ты просто сидишь в без-

молвии в тихой комнате, ты будешь услышан за тысячи миль».

Херцог умолк. На лице вновь засияла улыбка, заблистал мечтательный взгляд. Возможно, он забыл об ужасе своего положения, подумал помощник настоятеля. Резкие перемены настроения белого человека казались ему необъяснимыми, даже учитывая опиум. Но лама желал знать больше.

— Вы верили этому человеку, когда слушали его? Согласны ли вы с тем, что можно вершить добро бездействием?

С потрескавшихся губ Херцога слетел едва слышный смех.

— Нет... Цель похвальная, но я по сей день не верю, что ее можно достичь таким способом. Если вы в монастыре Литанг, за каких-то сто миль оттуда, ничего не знали об этом месте и этом учении, вряд ли в Индии, не говоря уж о Нью-Йорке или Лондоне, слышали об этой идиллической коммуне. А если и слышали, то потребовалась бы вечность, чтобы привить миру их образ жизни. У людей есть собственные жизненные программы.

Херцог закашлялся, а потом поднял взгляд на монаха, уже без улыбки.

— Я знаю, как до меня знал Кениг, что лишь активное вмешательство в жизнь и искусное использование утраченных арийских знаний, скрытых в царстве Шангри-Ла, способны изменить человечество к лучшему и поднять на более высокий эволюционный уровень. По воле случая я забрел в долину монахов-затворников, сторонником квиетизма* и учения Дао. Их коммуна, удиви-

* Квиетизм — религиозное учение, проповедующее пассивное подчинение воле Бога, состояние «святого безразличия» (отрешенной созерцательности), отказ от желания достичь личного спасения и блаженства.



тельная и прекрасная, была совсем не тем, что я искал, и я прямо заявил об этом китайцу: «Я очень благодарен случаю, позволившему мне узнать о вашей прекрасной долине, но я ищу царство Шангри-Ла. Не могли бы вы помочь мне? Указать путь или проводить туда?» Впервые с момента нашей встречи я увидел грусть на лице китайца. «Да. Если вы настаиваете, мы можем указать вам путь. Но мы советуем вам остаться у нас. Здесь, в долине, вы будете счастливы, и вашему примеру следуют другие. Шангри-Ла — недоброе место. Они следуют иным путем, отличным от нашего. Они стремятся просвещать человечество не примером, но с помощью силы и колдовства. Они используют любые методы, даже вовлекают силы, неподвластные им. Оставайтесь с нами. Здесь благое место». Он был хороший человек, и меня огорчало собственное упорство, но я не мог отказаться от мирской жизни и заняться сельским хозяйством вместе с этими людьми, непостижимыми, как сама долина. А что касается его отношения к Шангри-Ла — чего еще можно было ожидать от стареющего монаха, избегающего столкновений с миром? «Буду очень признателен за помощь», — ответил я ему. «Хорошо. Но позвольте предостеречь вас: обратного пути не будет, потому что нарисовать карту мы не можем. Не можем и объяснить, как вернуться сюда. Маршрут, по которому мы пришли, недоступен для чужаков, а за пределы долины наш караван уходит раз в десять лет. Если бы вы не нуждались в помощи, мы бы не стали утруждать себя. Возможно даже, сделали бы так, чтоб вы нас не увидели». Тут мне стало не по себе, и я спросил: «Как же мне вернуться из Шангри-Ла? Ведь можно просто идти назад, по своим следам». Китаец улыбнулся и сказал, что у меня ничего не получится. «Но почему?» Потому что тем путем можно пройти только в одном направле-

нии. «Как же так?» — спросил я. «Если вы готовы, пойдемте. Я покажу вам». Мы встали, чтобы отправиться в путь, и я почти сразу ощутил, что странное чувство сожаления покидает меня. Передо мной открывался путь в Шангри-Ла! Вот-вот я дойду до цели, к которой стремился всю жизнь. «Куда мы направимся?» — спросил я, когда мы забрались в маленькую двуколку, запряженную молодым яком. «Туда. — Китаец показал в сторону темных скал в конце долины. — Наверх». Я поднял голову: вершины гор прятались в дымке. Очевидно, он указывал на потайной вход в пещеру, подумалось мне; пещеру, которая обернется темным туннелем и выведет меня в царство Шангри-Ла. Но что же это за путь, если пройти его можно лишь в один конец? Отчего-то я решил, что речь идет о бурной подземной реке, ведь двигаться по ней можно лишь по течению.

Помощник настоятеля вновь взял в руки карту и принялся искать на ней долину правильных пропорций, одним концом упиравшуюся в высокие скалы. А Херцог между тем продолжал рассказ о своем путешествии:

— Наша повозка с грохотом двигалась вперед и очень скоро миновала зеленые луга и влажные рисовые поля в верхнем конце долины. Где бы мы ни проезжали, повсюду люди прерывали работу, чтобы помахать нам или поприветствовать китайца. Несколько раз мы останавливались, чтобы взять у них свежие фрукты, а китаец приветливо беседовал с жителями долины. Дорога обрывалась у подножия огромных скал, что вздымались к небесам. В молодости я был опытным скалолазом — одного взгляда мне хватило, чтобы понять: взобраться на них невозможно. С там же успехом можно было штурмовать вертикальный срез черного льда. Я повернулся к китайцу и спросил, где же вход. «Погодите немного. Я не бывал здесь шестьдесят лет». Китаец принялся мед-

ленно-медленно вышагивать взад-вперед, будто пытался сосредоточиться. Я понял, что он медитирует, поскольку его глаза сфокусировались на точке приблизительно в ярде от лица, которое стало отрешенным. Он погрузился в глубокий транс. Неожиданно старик остановился и протянул перед собой руки, как будто собирался поймать воображаемую бабочку. «Здесь!» Совершенно сбитый с толку, я подошел к нему и с удивлением увидел, что он держит в руке шелковую нить — тончайшую, почти незаметную. Мне удалось разглядеть, что нить поднималась к небу, однако футов через шесть терялась из виду наверху. И все же что-то подсказывало мне, что она опущена с вершины темной скалы, где закреплена на высоте нескольких тысяч футов. Китаец аккуратно и уверенно потянул за нить. На секунду я увидел мысленным взором звонаря из деревенской церкви недалеко от дома моих родителей в Пампасе. Я молчал, не зная, что сказать, а глаза ушедшего в себя китайца были закрыты. Вдруг над его рукой появилась нитяная петля. Кто-то или что-то разматывало и спускало с небес вниз шелковую нить. В замешательстве я наблюдал, как виток за витком едва заметная нить ложилась кольцами на земле перед нами. Так она ниспадала до тех пор, пока земля у наших ног не покрылась тончайшей паутиной. Минут через пять шелковая нить сменилась шелковым шнуром. Лама кивнул и, как только шнур сложился на земле парой витков, дважды потянул за него. Тотчас же движение замерло, шелковый шнур повис в воздухе. «Поднимите, пожалуйста, руки», — попросил меня китаец. Я позволил ему обмотать себя шнуром под мышками и закрепить узлом за спиной. «А он крепкий?» — со страхом спросил я, поскольку шнур был на вид очень тонким и даже представить было трудно, каким образом он сможет выдержать мой вес. «Да». И сразу же, не говоря больше ни слова, он

потянулся вверх и дважды сильно дернул шнур над моей головой. Через секунду я почувствовал, как шнур под мышками натянулся. Мои ноги оторвались от земли. Через десять секунд китаец внизу стал размером с крохотную куклу — я увидел, как он повернулся и зашагал обратно к двуколке. Чуть позже он пропал из вида. Меня поднимали все выше и выше. Я увидел под собой всю долину целиком и, к своему ужасу, припомнил рассказ Густава: он смутно помнил, как с тоской глядел со стен Шангри-Ла и ему чудилось, будто он слетает вниз в Изумрудную долину... Но менять что-то было уже поздно. Меня тянули все выше, я поднимался, как паук по нити, сквозь пелену тумана и облаков, несколько раз в опасной близости от скалистого края утеса, по временам зависая в прозрачном воздухе в десяти футах от него. Наконец, спустя шесть минут или чуть больше, мне удалось разглядеть конечную цель моего взлета. Прямо надо мной шнур проходил через блок на конце деревянной балки, выступавшей над кромкой обрыва. До блока оставалось не более двадцати футов, а поднимали меня быстро. Адреналин переполнял жилы: кто ждал меня наверху? Внезапно я очутился на вершине скалы перед мощной каменной зубчатой стеной с бойницами. К своему ужасу, я разглядел торчащие пики над каждым зубцом, а на них — гниющие человеческие головы. Охваченный животным страхом, я закричал и оттолкнулся ногами, словно пытался отправиться по воздуху обратно. Это было нелепо. На секунду мое тело качнулось в воздухе, как беспомощная муха, попавшаяся в паутину. За крепостной стеной я разглядел полосу каменистой земли, за ней — черные стены ламаистского монастыря, из центра которого поднималась черная башня. Тут я понял, что стою там уже не один: рядом со мной появился мужчина восточного обличья лет пятидесяти пяти, облаченный в шелковое

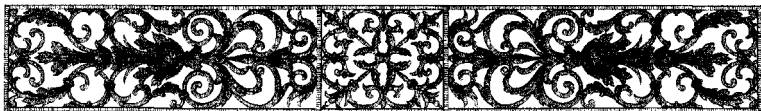
одеяние девятнадцатого века. Он протянул мне руку и проговорил по-английски с сильным акцентом: «Добро пожаловать в Шангри-Ла. Ламы ждут вас. Хватайтесь за руку». Выбора у меня не было. Хотя мое сердце едва не выскакивало из груди, я послушался и ухватился за предложенную руку. Через мгновение ноги ощутили под собой твердую землю — я стоял в проходе меж двух стен. Человек обратил внимание на мертвенную бледность моего лица и на то, что я продолжаю с ужасом смотреть на мертвые головы. Он махнул рукой. Его английский звучал немного нелепо, но абсолютно понятно. «Просим извинения за страшные фигуры. Необходимо пугать незваных гостей. Комнату вам приготовили в башне. Верю, вам будет удобно». Я решил, что лучше всего сейчас выказать силу духа и решительность. Его объяснение отвратительной выставки мертвых голов не было убедительным. Возможно, они действительно призваны пугать людей, но вот вопрос: кому эти головы принадлежали и почему жертвы так изуродованы? «Я хотел бы немедленно переговорить с вашим настоятелем», — объявил я. Восточный человек даже не улыбнулся. «Ступайте к башне. Ламы встретят вас там». Он указал на ступени, что вели к полосе скалистой почвы между стенами и монастырем. Я был растерян — с одной стороны жуткие предупреждения на пиках, с другой бездонная пропасть — и подчинился его требованию. Проходя мимо незнакомца, я заметил у него меч и подумал, что это не просто украшение. Вдвоем мы пересекли полосу невозделанной земли, приблизились к воротам монастыря, и мой спутник громко замолотил кулаком по дверям. Двери распахнулись, открыв взору мрачный внутренний двор и сторожа — коренастого шерпа. Кроме него, во дворе не было ни души. Я последовал за своим безмолвным проводником через арочный вход, вдоль нескольких камен-

ных коридоров, через несколько внутренних двориков, и наконец мы дошли до башни. Широкий пролет ступеней резко заворачивал вдоль периметра стен башни, прерываясь площадками с выходящими на них дверями. Мы поднялись почти до самого верха — там мой провожатый открыл дверь и жестом предложил мне входить. «Пожалуйста. Умыться. Отдохнуть». Что я мог сделать? Ничего. Бежать? Но куда? На стены? В одиночку по шелковому шнуру мне не спуститься, даже если никто не станет мешать. Мне было трудно представить, что я смогу проделать обратный путь без нормальной одежды и самого необходимого. Я глубоко вздохнул, пригнулся, переступил порог и очутился в тесной, как колодец, келье. Не успел я повернуться и спросить, когда ожидать настоятеля, как услышал грохот захлопнувшейся двери и звук поворачивающегося ключа. Я бросился назад, но было поздно: вниз по лестнице удалялись шаги. Кляня себя за недомыслие, я повернулся и оглядел комнату. Здесь были кровать, стул, стол, миска и кувшин с водой, окно — я метнулся к нему. Окно прикрывала кованая решетка. Я придвинул лицо к прутьям и обратил взор вниз, к монастырю. Келья оказалось даже выше, чем я предполагал. Моим глазам предстали крыши и дворик прямо под окном. Не тот, что располагался сразу за стенами, а внутренний двор храма. Прижав щеку к решетке, я увидел нечто такое, что кровь в моих жилах вдруг похолодела, как талая вода гималайских ледников. Группа шерпов усердно собирала хворост и стаскивала его к широкому основанию будущего, как я понял, костра. А верхушку этой кучи бревен и хвороста для розжига венчал самый страшный объект, какой мне когда-либо приходилось видеть, — деревянная клетка в рост человек. Судя по всему, эти приготовления продолжались около получаса — как раз с того момента, когда мой



китайский друг из долины в первый раз потянул за удивительный шнур. Осознав, что происходит, я закричал от ужаса. Кажется, это были какие-то жалкие и бессильные слова: «Нет! Боже милостивый, нет!» — однако большую часть времени я просто выл от страха, как зверь...

Помощник настоятеля испуганно отпрянул. Никогда в жизни он не слышал более жуткой истории. Неужели такое место на самом деле существует? По мертвенно-бледному лицу чужака струился пот. Он рассказывал, и пережитый кошмар вновь становился реальностью, наполняя ужасом его распахнутые голубые глаза.



Когда они покинули рынок и вышли на главную площадь, Нэнси почувствовала легкое опьянение. Пиво на высоте 12 тысяч футов над уровнем моря действовало не так хорошо, как уверял Джек Адамс. Ее покачивало, и контуры зданий казались слишком резкими на фоне лазурного неба.

— Может, лучше дождаться возвращения Гуна? Нам ведь надо быть готовыми к его приходу.

— Да не волнуйтесь, — ответил Джек. — Он тут неподалеку, в чайной «Мигу». И пожалуйста, не вспоминайте при нем о том, о чем мы только что говорили. Ему не понравятся мои рассуждения о тибетском буддизме.

Джек уверенно прошагал через оживленные торговые ряды и вышел на площадь. Нэнси медленно плелась за ним, как вдруг, несмотря на опьянение, почувствовала опасность. Буквально в нескольких ярдах впереди прямо на нее шел молодой краснолицый тибетец.

— Американка, убирайся к себе домой!

Нэнси сделала вид, что не слышит и отвернулась от него, но краем глаза все же видела, что парень приближается. Внезапно он закричал:

— Далай-лама — грязный осел!

Нэнси прибавила шагу, но парень пошел скорее. По-английски он говорил хорошо — явно образованный человек.



— В Тибет пришла свобода, мы не хотим горбатиться на монахов. Мы не хотим, чтобы иностранцы навязывали нам далай-ламу. Тибет свободен!

В этот момент он очутился у нее за спиной. Нэнси ощутила его руки на своих плечах, и, прежде чем она успела отреагировать, парень развернул ее и крепко ухватил за воротник блузки. От него разлило алкоголем. В глазах плескалась ненависть.

— Зачем вы приехали в Лхасу? Смотреть старые монастыри? Зачем?

Она попыталась ответить дрожащим от паники голосом:

— Я не... Ни в каком монастыре я еще не была...

Парень придвинулся к ее лицу. Нэнси отшатнулась, но он дернул ее на себя и свирепо оскалился, словно хотел вцепиться в нее зубами.

— Монастыри — зло. Они угнетают нас! Далай-лама — диктатор! А у нас теперь демократия, все люди равны. Американцы должны сидеть у себя в Америке, а не пытаться вернуть к власти диктаторов в Тибете!

Парень скривился, будто готов был разразиться рыданиями. В этот момент к Нэнси подоспели Джек и Гун. Гун настойчиво, но не грубо взял парня за руки и тихо заговорил с ним по-тибетски. Джек замер рядом, наблюдая за реакцией на слова Гуна. Мало-помалу тибетец разжал хватку и отпустил Нэнси — все это время Гун что-то втолковывал ему.

Когда тибетец безвольно уронил руки, Гун обнял его за плечи и повел к ступеням, где тот прежде сидел. Нэнси приходила в себя, пережив несколько жутких секунд. Вскоре вернулся Гун. Он качал головой, лицо его было печальным.

— Плохо. Все больше и больше молодежи ведет себя так — они в растерянности. В школе их учат, что тибетская культура — это лишь прикрытие клерикально-

аристократической эксплуатации. Китайцам забивают головы коммунистической пропагандой, и они верят ей, а потом взрослеют и начинают чувствовать, что это неправда, что нельзя топтать и отрицать свое прошлое. Отсюда растерянность, и злоба: многовато неразрешимых вопросов. Венец всего — безработица, поэтому они пьют, слишком много курят и скандалят.

— А я думала, Лхаса буйно развивается. — Нэнси немного успокаивалась. — Думала, «Небесный поезд» из Пекина привозит новые рабочие места и всеобщее процветание*.

— Так и есть, только не для тибетцев. Чтобы получить нормальную работу, надо разговаривать и писать по-китайски. Более восьмидесяти процентов тибетцев неграмотны, мало кто знает китайский. Вы же видели молодых парней в чайных Лхасы — они играют в бильярд, пьют чай или чанг, тибетскую водку... Грустно. Одно хорошо: большинство из них остаются патриотами. Этот паренек — особый, трагический случай: у него даже гордости за Тибет не осталось...

Нэнси глянула Гуна за плечо: юноша сидел на ступенях, обреченно свесив голову меж коленей, словно этот мир отнял у него последнюю надежду.

— Что же будет с ними, с молодыми? Найдут ли они работу? Наладится ли их жизнь?

Гун не удержал горестного вздоха.

— Нет. Для озлобленных молодых, не желающих учить китайский, работы нет. В своей стране мы стали людьми второго сорта. Слишком поздно переделывать Тибет. Теперь тибетцы — национальное меньшинство на собственной родине. Я не знаю, что тут можно сделать...

* Самая высокая в мире высокогорная железнодорожная Цинхай-Тибетская магистраль, или «Небесная дорога».

— Но ведь люди продолжают мечтать о свободе, об освобождении страны и возвращении далай-ламы?

— Нет. Я не знаю никого, кто бы мечтал об этом.

Гун помедлил и задержал взгляд на золотых ступах маячившего вдали дворца Потала.

— Может, карма у нас такая. Мне доводилось слышать от монахов, что китайцы захватили Тибет, потому что тибетцы заслуживали наказания. Мы слишком отделились от буддизма, погрязли в коррупции, ламы зажрались... Сами навлекли несчастье на свои головы. А еще люди говорят, что это часть божественного замысла. Захватив Тибет и уничтожив нашу родину, китайцы вынудили нас к изгнанию, и таким образом мы несем свет буддизма всему миру.

Джек Адамс слушал его с раздраженным лицом и наконец перебил:

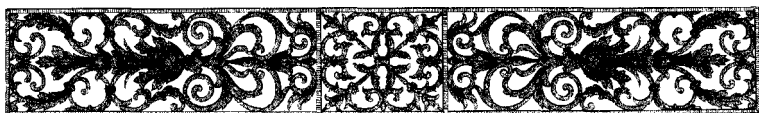
— А знаешь, кого напоминают мне эти бредни? Евреев, утверждающих, будто холокост был неизбежным злом. Якобы их убивали, потому что они слишком отделились от закона Торы, а нацисты исполняли волю Божью. Якобы евреев вынудили уйти с насиженных мест в Восточной Европе, чтобы возродить Землю обетованную в Израиле... Мне не нравятся аргументы, оправдывающие массовую резню и уничтожение во имя Божьей воли, или кармы, или как угодно назовите.

Гун взглянул на двух иностранцев и слабо улыбнулся.

— Вряд ли вы можете винить нас за то, что мы пытаемся найти причину разрушения нашей души, которое началось в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году. Мы хотим понять, почему это произошло. Иначе жизнь кажется угнетающей.

Он пожал плечами. Джек хлопнул его по плечу:

— Рано о Тибете говорить в прошедшем времени, Гун. До этого пока далеко. Пойдем поймаем такси.



Полковник Жень замедлил шаг и в сотый раз за последний час вытер лоб. Струи бесконечного дождя и пота текли по его лицу, разъедая глаза. Рядом остановился Дорджен Тругпа в промокшем насквозь оранжевом одеянии, по-прежнему не выказывая ни единого признака усталости. Следом за ними по лесу редкой цепочкой брели солдаты, и их вереница постепенно растягивалась по мере того, как они теряли силы, измученные скоростью и сложностью подъема, падали и отставали. Ни один из них не был обучен марш-броскам в таких условиях. Большинство были даже не из крестьянских семей — вчерашние мальчишки из больших городов вроде Чэнду и Чунцина, зеленые новобранцы, впервые попавшие в джунгли, неумелые, напуганные и не способные ориентироваться в лесу.

Над самой головой полковника раздался пронзительный крик попугая ары, заставив его вздрогнуть.

— Мы не сбились с пути? — шепотом спросил он у монаха.

Дорджен Тругпа не вымолвил ни слова еще с того момента, когда они покинули монастырь и начали прокладывать путь сквозь плотные заросли. Полковник Жень взгляделся в невозмутимое лицо монаха — может, парень передумал? Решил отвести их не к пещерам, а вязать-

ся в сумасбродную погоню за недостижимым? У полковника Жень была карта, но ведь монах обещал помочь, показать кратчайший путь.

— Я чувствую... — хрипло прошептал Трунгпа. — Боюсь, в лесу что-то не так.

У полковника Жень перехватило дыхание. Он недооценил джунгли. Эта местность оказалась сложнее, чем предполагалось, и даже монахи, знавшие ее досконально, боялись удаляться от гомпы Литанг.

— В чем дело?

В ответ Дорджен Трунгпа лишь приложил палец к губам и нахмурился. С того самого момента, как полковник Жень сообщил ему о намерении преследовать лам в джунглях, молодой монах не переставал что-то мрачно бормотать о хранителях леса. От объяснений тибетец отказался, однако каждый раз, когда он упоминал о хранителях, на его лицо ложилась тень.

Только сейчас полковник обратил внимание, что в лесу стало необычайно тихо. Он стал оборачиваться, очень медленно, до боли в глазах всматриваясь в заросли, пытаясь разглядеть что-либо необычное в безбрежном зеленом море. Его не покидало ощущение, что в лесу кто-то есть, кто-то крадется за ними, окружает, сжимает кольцо. Полковник снял с плеча винтовку и резко поднял ее над головой, давая знак идущему за ним сделать то же самое. Команда пролетела далее по цепочке солдат. Не таясь, с шумом, они вскинули винтовки и приготовились открыть огонь. Жень разглядел лица нескольких солдат: выражение страшной усталости сменилось страхом и тревожным ожиданием. Внезапно сверху раздался свистящий звук, словно ветер пролетел над пологом леса. Вслед за этим стоявший ниже по тропе солдат уронил оружие и в ужасе закричал:

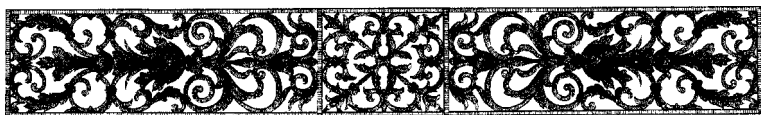
— Мигу! Это мигу!

Охваченные паникой солдаты, пригибаясь к земле, кинулись с тропы в подлесок. Жень закричал на них, приказывая оставаться на местах, и тут заметил, что Дорджен Трунгпа содрогнулся от боли. Глаза монаха неестественно расширились, худая рука взметнулась к шее. Он сделал неловкий шаг, словно споткнулся, и повалился вперед. Полковник Жень бросил винтовку и подхватил монаха. Тело юноши обмякло, глаза закатились под веки, голова свесилась набок на страшно выгнувшейся шее. Дальнейшее происходило как в тумане. Полковник успел заметить маленький оперенный дротик, торчавший из шеи монаха, а затем почувствовал, как что-то пролетело буквально на волосок от его правого уха, а через секунду — от подбородка. Духовая трубка! Он бросился на землю и откатился от упавшего тела монаха. Солдаты открыли беспорядочную стрельбу, их пули летели в густые заросли джунглей. Полковник вскочил на ноги и мельком увидел что-то или кого-то — искаженное свирепой яростью лицо, летящее прямо на него, с занесенным для удара каменным топором.

Не раздумывая, Жень рванулся навстречу, ударил нападавшего прямо в грудь и отшвырнул его на землю. Удержавшись на ногах, полковник оглянулся на тропу: его людей безжалостно убивали, они в панике пытались бежать, и со всех сторон в зарослях мелькали полуобнаженные фигуры, размахивающие смертельным оружием каменного века. Сверху обрушивались сети. Самострелы, спрятанные в кустах, разили его солдат, ветки со смазанными ядом шипами хлестали несчастных мальчишек. Битва была проиграна. В десяти ярдах от тропы жуткая фигура, облаченная в звериные шкуры, с устрашающей маской на лице, заметила полковника Женья. Человек-зверь испустил жуткий вопль и бросился в ата-

ку. Полковник почувствовал, что весь лес ополчился на него, словно все зловредные твари в Пемако получили приказ затравить пришельца. Он нырнул в заросли и ринулся через джунгли, как дикий зверь.

Он спасал свою жизнь.



Грузовик Нэнси и Джека ехал в колонне из четырех машин, направлявшейся из Лхасы на восток через Тибетское плато, далее вниз в регион Кунгпа, и наконец в Китай. Дорога, пришедшая в негодность уже в двадцати милях от Лхасы, тянулась по берегам Ярлунг-Цангпо*. Река поднималась на сотни миль к востоку от Лхасы, вилась вокруг самой священной в Азии горы Кайлас, питаемая ледниками на своем пути, и низвергалась в Пемако, начиная бурный спуск на бескрайние долины Индии. Несмотря на жуткое состояние дороги и крутой подъем, водители грузовиков смолили сигареты одну за другой, виртуозно вписываясь в опаснейшие повороты. К запаху раскаленных тормозных колодок добавлялась неизбывная вонь сигаретного дыма, а лица мало-помалу становились темнее, покрываясь слоем пыли и сажи.

В пяти часах езды от Лхасы они успешно миновали первый полицейский пост. Неряшливо одетый блюститель порядка вышел из крохотной деревянной будки и дал знак остановиться. Дыша смесью чанга и никотина, он проверил документы и, не задав ни одного вопроса, махнул рукой, разрешая проехать.

Путешественники все втроем разместились в кабине водителя. Когда тот нажал на педаль акселератора

* Так в Китае называют Брахмапутру.

и пост остался позади, Джек выдал театральный вздох облегчения.

— Ну, похоже, мы вне подозрений. Полиция в Кунгпа не будет так копать.

— Кунгпа? — переспросила Нэнси.

— Следующая провинция на пути между Лхасой и Пемако. Толпы представителей бирманской и ассамской этнических групп*. Дикий край.

— Как Пемако?

— Нет. Не такой загадочный край, как Пемако, но все же настоящий «дикий запад». Беззаконие, страшная нищета, и вообще — место очень негостеприимное. Почти неуправляемое.

Гун в это время разговаривал с водителем, но, услышав комментарии Джека, вмешался:

— Не слушайте его, Нэнси. Это настоящий Тибет. Это простой народ, крестьяне, не избалованные благами монашеской жизни.

«Благами монашеской жизни»! Нэнси улыбнулась про себя. Хорошая шутка. Наверное, жизнь здесь и впрямь очень тяжела, если в сравнении с ней тибетский монастырь может показаться курортом. Гун указал рукой вперед.

— Вот, взгляните.

У обочины стояли два молодых тибетца, лет им можно было дать от шестнадцати до тридцати. Они смотрели на проезжающую колонну. К рукам и коленям каждого были привязаны дощечки, защищавшие кожу, когда они опускались на колени и кланялись на каждом шагу. Так они будут кланяться, объяснял Гун, на всем пути до дворца Потала.

— Понимаете, что я имею в виду? Они невежественны и очень религиозны. Настоящие тибетцы.

* Ассамцы — представители народа, живущего в штате Ассам, на территории Индии.

Нэнси проводила крестьян взглядом, когда машина проезжала мимо них. Молодые люди смотрели вслед. За их спинами виднелась Ярлунг-Цангпо, «очищающая» — так, по словам Джека, называют реку — а вокруг нее завораживающе красивые горы подпирали вершинами небо.

«Удивительная страна!» — думала Нэнси. Наверное, невозможно приехать сюда и не ощутить в себе серьезных изменений. Неудивительно, что Херцог стал таким странным человеком, сторонящимся проблем западной журналистики. Это другой мир. Она уже чувствовала, как он проникает в ее душу: пронзительная синева неба, прозрачный чистейший воздух, всеобщая религиозность и — близость к природе, жизни и смерти. Этот мир напоминал о важнейших проблемах жизни, а вопросы материального плана делал банальными и незначительными.

Много лет назад Феликс Кениг тоже проделал этот путь. Нэнси попыталась представить, как он воспринял Тибет, но ей это не удалось. Она не могла понять мотивы поведения такого человека: Кениг был личностью более загадочной и темной, чем паломники, только что встреченные на дороге. Как он оправдывал свое сотрудничество с нацистской партией? Может быть, у него не было выбора, а может, он просто не задумывался об этом. Вполне вероятно, что Кениг отказывался считаться с реальностью, а лишь хотел работать и мечтал о путешествии в Тибет. Здесь, на «крыше мира», он, наверное, чувствовал себя оторванным от войны в Европе. Не исключено, что он даже пытался сбежать от происходившего там. Или Нэнси слишком великодушна? Кениг вполне мог быть фанатиком вроде Геббельса или Гиммлера, а его собственная безумная теория происхождения германской расы, привязанная к Гималаям, могла служить для создания нацистской мифологии, призванной оправдать их жестокость. Нэнси запуталась: столько вопросов —

и ни одного ответа... Чтобы отвлечься и выбраться из водоворота этих мыслей, она повернулась к Гуну.

— Где вы научились так хорошо говорить по-английски?

Водитель переключил скорость — они преодолевали крутой подъем, — и двигатель натужно взревел. Гуну пришлось кричать, чтобы быть услышанным.

— В Дхарамсале*, в Маклеод-Гандж.

— Так вы были в Индии? Зачем же вернулись?

— Очень скучал по семье. К тому же понял, что побег от проблем не всегда помогает их решить.

— Я думала, что такое возвращение невозможно.

— Так и есть. У китайцев паранойя в отношении тех, кто хочет вернуться...

— Как вы вернулись?

— Пешком. Как люди ходят?

— Это опасно?

— В наши дни жить вообще опасно.

Джек услышал их разговор.

— Гун, расскажи ей о своем приключении на пути домой, — предложил он.

Гун рассмеялся.

— Нет!

— А что случилось? — спросила Нэнси, заинтригованная его отказом.

— Да так, ничего...

— Ну пожалуйста, расскажите!

— Если очень хотите, расскажу, только вам это не понравится.

— Очень хочу.

— Ладно. Мой путь лежал через высокие перевалы, и я совсем обессилел: шел уже двадцать один день, цампа кончилась... Знаете, такая ячменная каша? Мы все

* Дхарамсала — город в Индии, в штате Химачал-Прадеш, административный центр района Кангра.

тутее едим. Я чувствовал, что вот-вот упаду и не встану. И тут меня арестовали китайские солдаты.

— Ужас. Как же вы уговорили их отпустить вас?

Гун рассмеялся. Его смех показался Нэнси истерическим и озадачил ее.

— Уговаривать не пришлось. Они бросили меня в тюрьму в Дронгпа. Жуткий вонючий каменный мешок.

— Боже мой... Как же вы выбрались?

Джек, прищурившись, криво улыбался и наблюдал за Гуном. Гун скорчил гримасу и продолжил:

— Я был в отчаянии. Ведь я почти дошел и страшно злился на себя. Не знал, что делать. Вышло так, что меня посадили в камеру с другим тибетцем, стариком. Он сказал мне: «Если хочешь выбраться, есть только один способ — достать сигарету и прижечь себе гениталии».

Нэнси скривилась от отвращения. Это что, шутка? Она повернулась к гадко ухмылявшемуся Джеку и спросила:

— Это правда?

— Правда.

Преодолев неловкость, она все же задала вопрос Гуну:

— Каким образом ожог гениталий способствует выходу из тюрьмы?

— Ну, старик сказал, что, если я все сделаю правильно, это будет выглядеть как запущенная стадия венерического заболевания и тюремный врач, скорее всего, распорядится вышвырнуть меня вон.

С лица Нэнси не сходила гримаса отвращения:

— И вы сделали это?

— Конечно. Я был готов на все. Сначала попробовал на руке.

Он протянул Нэнси руку ладонью вниз, чтобы она рассмотрела шрамы, которые заметила еще в чайной: идеальные по форме зловещие кружки блестящей сморщенной кожи..

— Жуть какая,— проговорила Нэнси.

Гун кивнул.

— А потом я сделал так, как советовал старик. Боль была страшная, я серьезно заболел: температура, белый гной, нарывы...

Нэнси вздрогнула.

— Еще бы... И что доктор?

— Ему хватило одного взгляда. Он тотчас велел сержанту выпустить меня, поскольку жить мне осталось две недели и для них будет хуже, если я помру в тюрьме.

— Самая мерзкая история о побеге, какую мне доводилось слышать!

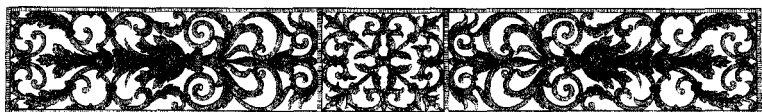
Джек продолжал ухмыляться.

— Гун,— сказал он,— надо же, ты умеешь угодить дамам.

— Я предупреждал, что ей не понравится.

— В следующий раз буду внимательнее к вашим предупреждениям,— сухо улыбнувшись, пообещала Нэнси.

Все трое как по команде замолчали.



По мере того как они спускались с вершин Тибетского плато, климат заметно менялся, а вместе с ним менялись флора и фауна. Поблизости от Кунгпа склоны гор сделались менее суровыми, и до самого Байи — неприглядного городка у переправы через реку — повсюду зеленели густые леса и заметно повысилась влажность, как в тропиках.

А дорога становилась все хуже. На дне ущелий валялись сорвавшиеся грузовики, водители которых за мгновение небрежности расплатились жизнью. Нэнси заметила, что лоб их водителя покрывался испариной всякий раз, когда его машина совершала очередной смертельно опасный поворот. У нее захватывало дух: казалось, в любой момент они могут опрокинуться и — падать, падать, тысячи и тысячи футов. Неприятно кружилась голова при виде резких обрывов и стальных каркасов разбившихся вдребезги машин. Наконец головная машина колонны выехала на площадку у обочины дороги и всем объявили, что дневной переезд окончен. Почти стемнело.

Они выбрались из кабины на землю. Гун договорился с водителями, что в пути они и пассажиры будут питаться вместе, и теперь Нэнси с радостью смотрела на пламя костра, очень скоро заигравшего в центре стоянки. Во-

дители оказались веселыми парнями. Нэнси подумала, что тибетские юноши должны завидовать им, повидавшим весь Тибет и даже Китай. По тибетским меркам платили водителям неплохо, и все же они были очень бедны.

На костре готовился ужин — цампа с ячьим маслом.

— Это надо попробовать, — сказал Джек, посмеявшись над тем, как скривилась Нэнси.

Другой еды не было — никаких припасов она захватить не догадалась. С каким удовольствием она бы сейчас съела шоколадный батончик! Нэнси проглотила ложку отдававшей бензином цампы на воде и запила обжигающим чаем с ячьим маслом, таким же противным на вкус. Она ни слова не понимала по-тибетски и была предоставлена самой себе, пока Джек и Гун беседовали с водителями. Нэнси сосредоточенно наблюдала за своими спутниками — на их лицах плясали оранжевые блики пламени костра.

Почти весело, думала Нэнси, если не принимать во внимание мрачные мысли, сбивавшие с толку, и злое шепоты из прошлого. Ночь была ясной, в небе сияло столько звезд, сколько она в жизни не видела, а в бодрящем воздухе разливалась непривычная чистейшая свежесть. Один из водителей, совсем молодой парень, собрал оловянные миски, а самый старый в группе прошел по кругу и налил каждому в подставленную чашку изпод чая немного чанга. Нэнси пригубила напиток и объявила, что отправляется спать. Джек перекинулся парой слов с водителем их грузовика — договорился, что она устроится на ночлег в кабине. Водитель проводил ее под громкие аплодисменты и смех группы, неожиданно растрогавшие Нэнси. Разволновало ее то, что ей предоставили самые роскошные «апартаменты» в лагере, пусть это и были всего лишь поролоновый матрас и старое замусоленное одеяло. Под слабым светом лам-

почки в кабине она достала пару толстых носков — ночь обещала быть холодной, а обогреть в машине не было. Потом развернула свой спальный мешок, из которого на сиденье выпал Оракул. Нэнси на мгновение замерла: может, посоветоваться с книгой? Но никаких вопросов на ум не приходило. Вернее сказать, в голове их роились тысячи, но все были слишком беспорядочные и расплывчатые, чтобы озадачивать ими Оракула. Да и хотела ли она узнать ответы? Был ли Феликс Кениг ослепленным индивидуалистом, до наивности упрямым и одержимым своими теориями? Можно ли считать Антона Херцога сумасшедшим, унаследовавшим безумие от отца? Нэнси не представляла, как Оракул может ответить на такие вопросы.

Она склонилась над матрасом и аккуратно разложила спальный мешок. В этот момент по двери постучали.

— Да?

— У вас все в порядке? — поинтересовался Джек.

— Как в пятизвездочном отеле! — откликнулась она. — Можете заглянуть и убедиться, от какой роскоши отказались.

Он заглянул в кабину и тотчас заметил раскрытый на сиденье Оракул.

— Неужто я единственный нормальный человек в Тибете? — спросил Джек с усталым вздохом.

На секунду Нэнси растерялась. Он улыбнулся, будто застал ее за чтением любовного романа для подростков.

— А на чайниках погадать не хотите? — спросил он.

— Это работает, — твердо ответила Нэнси. — Я не верила, пока не попробовала. Оракул действительно отвечает на вопросы, которые ему задаешь.

— Кто б сомневался, — буркнул Джек и проверил что-то в боковом кармане на дверце кабины.

— А вы сами не пробовали?

— Нет. Это не по мне. Конечно, Антон периодически внушал мне, что жить без книжки не может, и пол-Азии согласится с ним, только меня это не убеждает.

— А может, стоит попытаться?

— Нет уж, спасибо. Я такое не приемлю. С чего вы решили, что эта книжка хочет вам помочь? Никогда не пойму. Заморочит вам голову — это да. Получите такие хитрые ответы, что отправитесь неизвестно куда или вообще разрушите свою жизнь. Хоть убей, не понимаю, с чего это люди решили, что все непознанные силы Вселенной взялись помогать им. Зачем обманывать себя? Логичнее предположить, что на самом деле все наоборот.

— Кришна сказал, что порой Оракул говорит о том, чего ты не хотел бы слышать.

Джек улыбнулся.

— Ага, или именно это ты и хочешь услышать, но не желаешь себе в этом признаться.

— Ну даже если так, книга открывает доступ к подсознанию.

— Или помогает проецировать собственные убеждения, сознательно или нет, на ее экстравагантные тексты. Это как контур обратной связи. А может быть, лучше не тревожить подсознание? Может быть, все эти тайные порывы и должны подавляться? Ведь меньше всего хочется вытаскивать их наружу и позволять им руководить твоими решениями.

Нэнси захлопнула книгу.

— Вы, Джек, строите из себя открытого миру человека, а на самом деле вы страшно консервативны. Вы напоминаете мне старомодного провинциала, с суеверным упорством не желающего признавать нечто новое. Мальчика можно вытащить из Орегона, Джек, но можно ли вытравить из него Орегон?

Эти слова рассмешили его.

— Пожалуй, вы правы. Я всего лишь провинциал. Да, мне пришлось помотаться по миру так, как вам на вашем самодовольном Восточном побережье и не снилось. Да, я не пожалел сил, чтобы узнать все, что возможно, об этом проклятом континенте. Но я страшно рад, что вы проделали огромный путь из вашего гетто Парк-Слоуп*, чтобы открыть мне глаза на то, какой я, оказывается, деревенщина. Наконец-то я избавился от иллюзий!

— Да ладно вам. Я же не утверждаю, что я лучше вас.

Он ухмыльнулся. Нэнси чувствовала, что на самом деле ему абсолютно наплевать, что она думает о нем. Какая разница?

— Что ж, останемся каждый при своем мнении, — заключила она и улыбнулась.

Неожиданно для себя она почувствовала нежность к этому человеку, переменчивому, как погода: то ненастье и буря, а через мгновение — тишина и солнце. В конце концов, все это неважно. Во всяком случае, для нее.

— Хорошо, как скажете, — ответил Джек, и Нэнси почувствовала, что он снова говорит не то, что думает.

— Только вспоминайте об этом почаще. Я вам плачу, не забывайте, — парировала Нэнси.

Он опять ухмыльнулся:

— Ну... Если у Оракула не будет особых распоряжений, я отправляюсь спать.

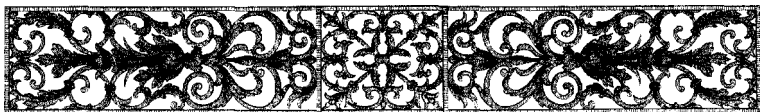
Оставив за собой последнее слово, Джек кивнул Нэнси и захлопнул дверь кабины.

Нэнси устроилась в спальном мешке, но сон не шел. Тем не менее было приятно растянуться во весь рост после стольких часов сидения в неудобной кабине трясуще-

* Парк-Слоуп — район Нью-Йорка, интеллектуальная столица внутри интеллектуальной столицы США: здесь живет едва ли не половина американской литературной элиты.

гося грузовика. Она думала о том, что сказал Джек. Возможно, в его словах содержалась истина: не исключено, что Оракул лишь вытягивает на свет запрятаные в подсознании побудительные мотивы. Если так — что вполне правдоподобно — то чем это плохо? Ведь лучше понимать свои сокровенные мысли и страхи, чем отвергать их. А если они одолеют и погубят тебя? Не так ли случилось с Феликсом Кенигом, когда он стал фанатиком своей идеи? С нацистами, когда их обуяла жажда власти? И даже с Антоном Херцогом? Не об этом ли говорил Джек?

Нэнси привсталa и положила Оракул на консоль рядом со спальником, подметив, что обращается с ним бережно, словно книга была бомбой с запущенным часовым взрывателем. Снова улеглась и попыталась подумать о другом. Завтра, если все будет хорошо, она наконец попадет в Пемако. А по пути заглянет в действующий монастырь, удаленный от пристального взора китайских властей в Лхасе. Она думала об этом — возможно, всего лишь несколько минут, — пока сон не одолел ее.



В шесть утра колонна была уже в пути и без остановок доехала до условного места, откуда Нэнси и Джеку предстояло отправиться пешком до гомпы Бхака. Они выбрались из грузовика и провожали взглядом машины, с ревом уходившие вперед по петляющей дороге, поднимая клубы пыли. Нэнси подняла голову и заметила, что небо закрыли тучи. Похоже, вот-вот пойдет дождь.

Перекинув сумки за спины, троица двинулась по крутой тропе, спускавшейся по лесистому склону горы в направлении Ярлунг-Цангпо. С неба посыпался мелкий дождь, гром прокатился над высоченными пиками гор на пути в Пемако. Тропа привела путников на берег в том месте, где русло реки сжималось, образуя узкий, всего в десять ярдов, каменный провал с ревущим внизу потоком. Они перешли по недавно подновленному веревочному мосту: мост раскачивался на ходу, и у Нэнси душа замирала от страха, хотя она старалась не подавать виду. Под ногами поток с грохотом нес темно-зеленые воды в сторону, как сказал Гун, знаменитых водопадов Пемако.

На том берегу отчетливо просматривалась исхоженная тропа — тут и там на ней виднелись оставленные паломниками знаки. Затем тропа разделялась на две: одна ныряла в чащобу девственного леса и вела к перевалу Су-Ла, вторая бежала четверть мили вниз по течению реки и выходила на лужайку перед монастырем Бхака.

Несмотря на морось, шагалось легко — было не слишком холодно, москиты и мошки не донимали, и Нэнси показалось, что прошло совсем мало времени, прежде чем они ступили на лужайку перед монастырем и столкнулись нос к носу с тонким, как тростинка, монахом.

Древняя гомпа, сооруженная в шестнадцатом веке, мало чем отличалась от развалин, однако вокруг нее стояло несколько недавно построенных зданий. Монах — высокий мужчина с худым костистым лицом, в оранжевой мантии, с остриженными до короткой седой щетины волосами — приветствовал гостей и тотчас заговорил по-тибетски с Гуном и Джеком. Всех проводили в здание — трапезную, решила Нэнси — и усадили за стол перед камином, в котором бушевало пламя. Явился еще один монах с большим чайником похожего на суп чая с маслом. Нэнси выпила, потому умирала от жажды, хотя вкус по-прежнему был ей неприятен. Похоже на чай с молоком, простоявший весь день на солнце, подумала она. Немного погодя вошли три шерпа. Джек и Гун втянули их в долгие переговоры. Ни одна сторона не желала уступать, и потребовалось полчаса напряженных споров, прежде чем они чокнулись кружками и ударили по рукам.

— У нас все в порядке? — спросила Джека Нэнси, и тот кивнул:

— Можете не напрягать свой глубокий нью-йоркский интеллект. Расслабьтесь.

В ответ она сардонически улыбнулась, Джек подмигнул ей и вновь повернулся к Гуну и шерпам. Очень многое еще предстояло сделать — выступать решили как можно скорее.

Подали миски с цампой. Нэнси старалась съесть как можно больше, сознавая, что впереди долгий переход по лесу, в затем самое трудное — восхождение к замерзшим вершинам Су-Ла. Пока они ели, вошел пожилой лама и

серьезно заговорил о чем-то с Гуном и Джеком. Его бритую голову покрывала седая щетина, морщинистое лицо говорило о нелегкой жизни. Возможно, подумала Нэнси, он был здесь в 1959 году, когда монастырь, по слухам, подвергся разграблению.

Она терпеливо дожидалась, когда ей объяснят, о чем шел разговор. Через несколько минут лама пожал руки Джеку и Гуну. Джек мрачно хмурился.

— Это настоятель? — спросила Нэнси.

— Нет. Настоятеля китайцы депортировали в Непал за препятствия работе лесорубов.

— Кто же это?

— Старший лама. Прямо сказать, не очень-то вдохновляющая личность. Чертовски обидно, что не нашлось человека на замену настоятелю.

Он о чем-то умалчивал, показалось Нэнси, а новости на самом деле были дурные.

— Так что он сказал?

Джек поднял на нее глаза и вздохнул.

— Вчера здесь прошел отряд китайских солдат, — ответил он. — Большой, хорошо вооруженный, человек восемьдесят. Направлялись они в монастырь Литанг.

— А зачем?

— Этого лама не знает. Но он очень удивлен. Гарнизон в Метоке должен меняться только в начале сентября, так что китайцы здесь с какой-то иной миссией.

Повисла тревожная пауза. Гун покачал головой.

— Вы про Антона не спрашивали? — поинтересовалась Нэнси.

— Спрашивал. Он был здесь два с половиной месяца назад с тертоном Джинпа. Шли в монастырь Ринченпунг, что на полпути к Ярлунг-Цангпо, по ту сторону Су-Ла. Но лама уверен, они не дошли. Шесть недель назад здесь был по пути в Лхасу один из монахов монастыря

Ринченпунг — так вот, он сказал, они не видели ни Херцога, ни тертона.

— Может, он путешествовал под другим именем?

— Исключено. Какой смысл? Антона знает каждый в Ринченпунге: он известный йог.

Нэнси показалось, что она ослышалась.

— Кто, Антон?

— Ну да, — пожал плечами Джек. — Антона здесь вообще почитают как святого.

У Джека было странное выражение лица. Он поднял брови, как бы отмежевываясь от собственного заявления, словно считал его столь же тревожно-непонятным, каким оно показалось Нэнси.

— В этих краях он пользуется большим уважением. Вы бы слышали, как старый лама нахваливал Херцога. Говорил, что он мудрец. По-видимому, Антон умеет творить чудеса.

Нэнси невольно раскрыла рот от изумления. Херцог представлялся неким фантастическим существом, оборотнем, постоянно меняющим облик. Только недавно ей удалось кое-как сложить воедино его образ, но тут новая информация подтолкнула к размышлениям. В Нью-Йорке Антона считали легендарной личностью, но этот статус основывался на знакомых представлениях: независимый человек, блестящий ум, чуждый условностям, неординарный журналист, которого начальство терпело из-за его таланта. В Тибете Херцог был окружен легендами, но совсем иного порядка. Нэнси посмотрела на Джека и поняла, что он предлагает ей посмеяться вместе с ним над ламой, но не смогла сделать этого. Она лишь кивнула и допила остатки чая с маслом.

Новость о солдатах омрачила настроение всем. Гун не улыбался и молчал. Нэнси не удалось вытянуть из него ни слова, когда она поинтересовалась его мнением. Все трое отправились к проводникам, поджидавшим их

за монастырской лужайкой. Джек по пути объяснил, что солдаты постоянно находятся в Пемако со времен китайско-индийской войны из-за границы, оспариваемой и поныне. Обычно они стоят в Метоке, не покидая его пределов, или же торчат у одного или двух хорошо знакомых им разъездов неподалеку от Дошанг-Ла.

В саду они передали свои пожитки шерпам и попрощались с Гуном — тот остался ночевать, чтобы утром поймать обратную попутку в Лхасу. Тибетец пожал руку Нэнси и хлопнул по спине Джека.

— Удачи! — пожелал он обоим. — Она вам пригодится.

Нэнси и Джек пересекли лужайку. На том конце Нэнси обернулась и увидела Гуна: он вытянулся, как часовой, ладони его были сложены вместе, глаза прикрыты — как будто благословлял их.

К сумеркам их отряд выбрался из леса и разбил лагерь на поросшей мхом полянке у самой тропы. У них было две палатки: одна для шерпов, вторая для Джека и Нэнси. Это пришлось Нэнси не по душе, хотя вряд ли в ее положении можно было возражать. Небольшой ручеек журчал между скал на краю полянки, открывался прекрасный вид на долину и лес внизу. День почти угас. Нэнси закуталась в овечий тулуп и попыталась заставить себя проглотить еще одну чашку чаю с ячьим маслом. Закончив разговор с шерпами, Джек подошел к ней.

— Я обсудил кое-какие пункты меню с нашим шеф-поваром, — насмешливо сообщил он.

— Вот как? Я бы заказала копченого лосося и лингуйне*.

* Лингуйне — классическая итальянская паста крупного формата: особый вид узкой плоской вермишели.

— К сожалению, мадам, то и другое закончилось. Могу предложить только еду из яков. У нас сегодня вечер традиционной кухни тибетских кочевников.

— Замечательно. Жду с нетерпением, — ответила Нэнси.

— Не переживайте. — Джек уселся рядом. — Недолго осталось. Как вы себя чувствуете?

Это были его первые добрые слова за все время путешествия, и Нэнси так удивилась, что растерялась. Смутьившись, она быстро проговорила:

— Хорошо, спасибо.

— Я вот все думаю, — продолжил Джек, — может, нам стоит двинуться в монастырь Литанг? С другой стороны, если Антону не удалось достичь его, какой смысл?

— А в Пемако есть города?

Джек мрачно рассмеялся.

— В Пемако только Меток, его можно назвать городом с большой натяжкой. Но нам туда не надо. Есть еще пара деревень, но они слишком близко к Метоку, я не стал бы рисковать.

— А почему?

— Потому что Антон наверняка обходил Меток и его окрестности.

— Тогда куда направимся?

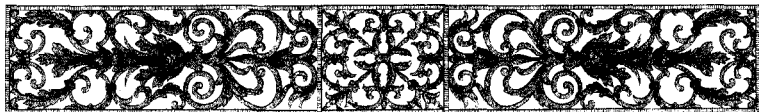
— Для начала предлагаю заглянуть в хижину Мандельдема. Антон любил там бывать и пару раз расписывал мне его во всей красе. С его слов, это жуткое место, груда кирпичей и дырявая крыша в самой чаще, окруженная кустами рододендронов. Сдается мне, кто-то наверняка видел его там, поэтому давайте разведем. Может, что и узнаем. Дорогу шерпы знают, и маршрут относительно легкий: вниз по течению, если не приспичит подняться в долину и заскочить в какую-нибудь лачугу из тех, что используются для трансцендентальной медитации и тантрических уединений. Считается, что

одна ночь транса в Пемако стоит тысячи медитаций где-либо еще.

Нэнси это не казалось абсурдным. Даже здесь, в приграничных областях, ландшафт странно воздействовал на нее: древний лес и величественный пейзаж усиливали ощущение человеческой незначительности, хрупкости и недолговечности. А еще она чувствовала себя частичкой необъятной, не постижимой рассудком, пугающей вечности. Глядя на скалы и деревья, Нэнси понимала: она сама создана из этого ландшафта для того, чтобы восхищаться им. Она была природой, оглядывавшейся на себя.

Эти новые чувства будили в ней стремление шагать не останавливаясь по туманным долинам и темным лесам, от монастыря к монастырю, лелея в душе надежду, что настанет день и она соединится с энергией, кипящей вокруг нее. Нэнси твердо знала, что та же надежда побуждала йогов пускаться в длительные паломничества и всецело полагаться на щедрость и милосердие незнакомых людей, ночуя в горах и долинах, в полуразрушенных хижинах. Внезапно все для нее обрело смысл. Этот ландшафт требовал именно такого преданного отношения и внимания. Он заслуживал того, чтобы паломники вечно пересекали его.

Вот только где, думала она, посреди всей этой загадочной красоты искать Антона Херцога?



Помощник настоятеля сидел рядом с Херцогом, потрясенный его историей. Огонь бросал трепетные отсветы на шелестящую над головой листву. Неужели это правда? Неужели этому обессилевшему человеку удалось попасть в священное царство? А если да, верно ли он передает события? Сам лама верил в Шангри-Ла, но даже представить себе не мог, что она окажется такой, как описывал белый чужеземец. Ламаистские предания о блаженной стране были туманны и противоречивы, а незнакомец рассказывал так точно, так подробно. С другой стороны, эти подробности могли быть порождением галлюцинации либо сна.

Итак, уверенности нет. Помощник настоятеля всмотрелся в тусклые глаза Херцога — глаза безумца, глаза человека, упавшего в бездну. Правда, не исключено, что это из-за опиума. Пожалуй, так и есть: трубки, повышавшие способность к ясновидению, подтолкнули его к краю пропасти лотофагов*, к тому состоянию, когда отделить реальность от фантазии невозможно. Вопреки сомнениям лама все время вспоминал яркие подробности удивительного рассказа чужака. Слушая его, он думал, что тоже попал в призрачное царство Шангри-Ла.

* Лотофаг (поедатель лотоса) — человек, не помнящий прошлого.

Врач поднес к пересохшим губам Антона Херцога бутылку с водой. Кадык на морщинистой шее ходил ходунком, больной мучительно глотал воду, пока не поперхнулся. Тогда врач убрал бутылку. Помощник настоятеля терпеливо подождал и затем, когда Херцог восстановил силы, вновь приступил к расспросам.

— Что было дальше? Что вы сделали?

Херцог сухо закашлялся и поглядел своими заораживающе голубыми глазами на ламу.

— Не могу сказать, как долго я пролежал, свернувшись на полу в жуткой башне, не в состоянии даже думать. Это был настоящий шок.

— Понимаю, — кивнул монах.

Херцог вновь кашлянул и продолжил рассказ.

— Отчаяние парализовало меня. Я думал, что это конец всех моих многолетних поисков и стремлений. Что теперь я четко вижу пропасть, разделяющую меня с моим опытом, подготовкой и характером и экспедицию Феликса Кенига. Они явились в Тибет из Германии как тевтонские рыцари, вступающие в битву. Ожесточенные ужасами Первой мировой войны и суровостью своего времени, они, наверное, не дрогнули при виде человеческих голов на зубцах стен. И я спрашивал себя: о чем я думал все эти годы? Я страшно заблуждался, воображая, будто в одиночку смогу сделать больше, чем какой-нибудь ученый дилетант. Ведь я надеялся продолжить и оживить изыскания одной из самых могущественных организаций в современной европейской истории, единственным этическим мерилom для которой было желание блага для своего Фатерлянда.

Помощник настоятеля почти отчаялся узнать, что случилось дальше. Рассуждений Херцога он слушать не желал. Разговор об «фатерляндах» и тевтонских рыцарях был для него пустым звуком.

— Расскажите, что было дальше. Вы сказали, что лежали, свернувшись калачиком на полу в башне.

— Да. Лежал. Отчаяние и ужас... Никогда прежде не доводилось мне испытывать такой ужас. И тут в дверь постучали. Дрожа от нервного напряжения и страстного желания выжить, я поднялся на ноги. В комнату вошел холеный человек восточного вида. «Простите, что заставили вас ждать, — с улыбкой обратился он. — Меня зовут Юэнь, я помощник настоятеля. Вы, должно быть, голодны? Пожалуй, вам следует перекусить».

Глаза монаха округлились от изумления.

— И вам не было страшно, что они убьют вас прямо там? Почему вы не пытались спрятаться? Или броситься на него?

— Спрятаться? — Сухой смешок слетел с губ Херцогга. — Да где ж там прятаться? Да, я боялся за свою жизнь, однако понимал, что кидаться на вошедшего бессмысленно. Даже если бы мне удалось справиться с ним, там были толпы других. Услышав стук в дверь, я понял, что мне остается только одно: любой ценой скрывать свои страхи и изображать мужество, которым я на самом деле не обладал. Я все еще надеялся выдать себя за того, к кому они должны относиться с уважением, и тем самым не позволить лишиться меня свободы. Надежда эта родилась от отчаяния, но ни на что другое у меня в тот момент не хватило сил. Итак, я с готовностью принял предложение поест и сказал: «Не могли бы вы подтвердить, что я смогу встретиться со здешним настоятелем? Или я узник вашего монастыря?» Человек улыбнулся и ответил: «Настоятель присоединится к вам за ужином. Что касается вашего второго вопроса, то мы все узники, хотя предпочитаем иную формулировку. По сути это именно так — уйти из монастыря нельзя. Вокруг нет ни дорог, ни человеческого жилья на бесчисленные мили. Я не беру в расчет поселение в долине внизу, которое вы

уже посетили. Но нам запрещено бывать там, и они к нам не ходят. На самом деле нам по душе такое заточение. И вам, уверен, у нас тоже понравится». Я прикусил язык, поскольку меня переполняли вопросы, однако невероятным усилием я сдержал себя. Спокойно, как только мог, я произнес: «Понимаю... Что ж, поговорю об этом с настоятелем». Человек вновь улыбнулся, словно соглашался с нецелесообразностью что-либо обсуждать сейчас. Я проследовал за ним вниз по ступеням, и, миновав несколько дверей, мы пришли в просторную трапезную. Он выдвинул мне стул в конце стола. Я все еще испытывал страх и пытался скрывать свои чувства, поэтому уселся и ждал, что будет дальше. Ждать пришлось недолго. Через минуту дверь в дальнем конце помещения отворилась и вошел старенький, но крепкий и жилистый китаец. Он сел за стол вместе со мной. «Добро пожаловать в Шангри-Ла, — очень мягко проговорил он. — Вы преуспели там, где многие потерпели неудачу».

Помощник настоятеля нахмурил лоб. Он вновь прервал Херцога:

— А что он имел в виду? Что многие безуспешно искали Шангри-Ла?

Херцог блуждал в лабиринтах своей возбужденной опиумом памяти. Вытянуть его оттуда простым вопросом было уже невозможно. Он не ответил на слова монаха и продолжал рассказывать так, будто прямо сейчас сидел напротив настоятеля Шангри-Ла.

— Настоятель знаком приказал службе налить им обоим жасминового чая. Несмотря на панику и страх, я не мог не отметить, что чашки и чайник были из бесценного фарфора времен династии Мин. Откуда они здесь, гадал я, и почему они предлагают незнакомцам такое сокровище? Гостеприимство этой чайной церемонии не стерло из моей памяти жуткие образы отрубленных голов и клетки в человеческий рост. Ведь я считал, что Шан-

гри-Ла — это некое подобие восточного рая. А все шло к тому, что мне предстояло стать жертвой мерзкого ритуала в духе ацтеков. Если я не разрыдался и не пал духом, то лишь потому, что не вполне верил в реальность происходящего. Полагаю, я был в шоке и не мог адекватно воспринимать окружающее. К тому же оно было таким противоречивым: торжественное спокойствие настоятеля, деликатное разливание чая, а тут же за стеной — костер, ожидающий человеческой жертвы, и явные свидетельства кровавой резни! Пока мой разум мучительно пытался постигнуть это, настоятель продолжил: «Несомненно, у вас много вопросов, но позвольте мне сразу предложить вам объяснение. Это сэкономит ваше и мое время. По всему миру люди слагают легенды о сказочной Шангри-Ла. Некоторые верят, что она существует. Другие надеются в один прекрасный день найти ее. И очень немногие решаются отправиться в путь. Эти люди исключительно одарены духовно и физически. Во-первых, чтобы хранить веру в существование этого места, не имея никаких доказательств, требуются интуиция и негибаемая воля. Во-вторых, чтобы исследовать вопрос и получить хоть малейший шанс добраться до цели, нужно предпринять очень много усилий. И наконец, для такого путешествия необходимо умение воспринимать нематериальную сферу знаний, то есть совершенное духовное развитие. Отсюда, из монастыря, мы всеми силами оказываем посильную помощь добровольным паломникам. Мы отправляем мысленные послания, давая им знать о нашем существовании, — это напоминает передачу сообщений по радио. Мало кто в наши дни верит в существование подобных сил и способностей, и когда люди во сне получают наши послания, они не придают им значения и считают, что это обычные сновидения. Но на свете всегда найдутся восприимчивые личности, интуиция и инстинкты которых не спят. Именно их мы

и ищем: тех, кто обладает невероятной силой духа и трудолюбием, кто мечтает изменить мир. На протяжении последнего тысячелетия мы вновь и вновь принимали посланцев передовых человеческих народов. К нам прибывали эмиссары из Вавилона и Египта, Греции и Рима, в сравнительно недалекое время — из Британии и революционной Франции, а совсем недавно — из нацистской Германии... Вы прославили себя. Вы отыскиали дорогу в наше царство после десятилетий самоотверженных устремлений и после труднейшего путешествия, приведшего вас на край гибели, вышли сюда, к нашему столу. По священной традиции нашего братства вы стали достойным наследником престола Шангри-Ла».

Я едва верил своим ушам и уже боялся, что сошел с ума. Старый лама, сидящий напротив меня, потягивал чай из бесценной фарфоровой чашки и спокойно предлагал мне занять трон Шангри-Ла. Я не знал, что говорить и что делать. Мои изначальные намерения казались глупыми и наивными, и я пытался сформулировать хоть какие-то здравые требования. Я понятия не имел, что отвечать этому человеку, но чувствовал необходимость сказать хоть что-то, чтобы вновь обрести власть над собственной судьбой. Наконец я выговорил: «Я проделал весь этот путь в поисках утраченного арийского знания. Это единственное, что я искал. Теперь объясните, как мне вернуться назад. Я благодарен за ваше гостеприимство, но не могу обманывать вас. Я всего лишь хотел побывать здесь и убедиться, что Шангри-Ла существует. Я удовлетворен».

Настоятель промокнул салфеткой уголок рта и сказал: «Знание, которое вы ищете, содержится в священной “Книге Дзян”. Она передается по наследству и тысячу лет хранится в стенах нашей крепости. Завтра, после вашей коронации, вы ее увидите. Вы обретете доступ ко всему, поскольку царь волен делать все, что ему забла-



горассудится. Но уйти вы не сможете. Вы — наследник трона, и вам суждено остаться здесь, в нашем царстве». Старик наверняка заметил мой ужас и попытался подбодрить и утешить меня: «Не тревожьтесь и не печальтесь. У нас есть все, что вы можете пожелать. Люди, прибывающие к нам из внешнего мира, как правило, поначалу горюют. Отказ от привычной жизни кажется им невыносимым. Но обещаю вам: через несколько лет вы почувствуете себя безмерно счастливым и поймете, как вам повезло, что вы избавились от хаоса мирской жизни. Нет ни единого человека, вне зависимости от его привязанностей во внешнем мире — будь то любовь или материальные блага — который с течением лет не принял бы с благодарностью свою новую участь. Страсти и радости того мира меркнут в сравнении с могуществом и мудростью нашего царства».

Слова старика усилили мой ужас и панику. Бежать! Что бы ни говорил этот человек, надо скорее бежать отсюда. Хотя какой-то обратный путь должен быть. С другой стороны, я сильным искушением оставалась возможность взглянуть на «Книгу Дзян», но только без коронации. Мысли одолевали меня. Я должен был придумать путь отступления. «Если вы отделились от внешнего мира, как вы обеспечиваете себя необходимыми вещами? Например, откуда этот изумительный фарфор?» — поинтересовался я. «Меня огорчает то, что вы по-прежнему питаете надежду найти выход отсюда. Уверяю вас, это невозможно. Но на ваш вопрос я отвечу. Раз в пять лет на перевал, что высоко в горах над монастырем, приходит караван и привозит нам то, что мы заказывали. Плату мы оставляем заранее. С людьми из каравана не общаемся. Даже если кто-то попытается приблизиться к караванщикам, тем строго-настрого приказано: под страхом смерти не разговаривать с обитателями Шангри-Ла, а тем более никому не помогать».

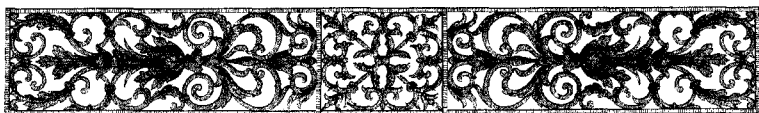
Сдерживаться я больше не мог и уронил голову на руки — таким тяжким было бремя отчаяния и страха. Настоятель вновь попытался утешить меня: «Не переживайте. Поверьте мне, вы еще полюбите отпущенное вам время царствия». Слова «отпущенное вам время» настоятели раживали. От ужасной мысли вдруг у меня встали дыбом волосы на загривке. «Если уж мне суждено стать царем, скажите, пожалуйста, что стало с моим предшественником, прежним царем?» Настоятель отвел глаза и уставил взор внутрь своей изящной чашки. «Нынешний царь покинет трон сегодня вечером. И царица. Ведь у царя всегда есть царица. Как правило, это женщина из Китая или Тибета, в редких случаях — иной расы. Сегодня вечером их правление закончится». Мое сердце дрогнуло. «Что? Почему? А кто он, нынешний царь?» Настоятель ответил: «Он немец. Один из пяти человек, пришедших к нам много лет назад в поисках древних знаний и силы. Разумеется, он очень стар, но, благодаря нашему климату и особым упражнениям, по-прежнему здоров и крепок. Однако таков обычай: когда прибывает новый паломник, старый царь должен оставить престол». Мне стало совсем худо. Клетка и костер — единственное, о чем я мог думать. Тем не менее я попробовал отвлечься. «Как же это возможно? Ему ведь, наверное, за девяносто?» — спросил я. «Верно. Выглядит он гораздо моложе, не дашь больше шестидесяти. Тантрические практики, замедляющие метаболизм в человеческом организме, вместе с уникальным климатом долины задерживают процессы естественного старения», — ответил лама. «А остальные четверо? Его спутники? Кто они?» — «Все они побывали царями до него. По нашему закону, если имеется несколько претендентов на престол, каждый будет царствовать по десять лет. Время было поровну распределено между пришельцами, после чего они покинули нас». Я не понял: «Как это — покинули? Куда?» —

«Присоединились к Учителям в высших мирах». Я было сглотнул, но в горле пересохло. Настоятель — безумец. Царство — оплот черной магии и зла. Мне вспомнилось предостережение доброго человека из долины внизу. Как же он был прав, а я — глуп, не послушав его. Настоятель поднялся, чтобы уйти. Он вел себя так, будто представлял идеальное святое сообщество и был духовным лицом, а не безжалостным убийцей. Он поклонился мне и сказал: «Благодарю вас за то, что терпеливо выслушали мои объяснения. Обычно они приводят в замешательство новичков, а вы справились неплохо. Советую вам вернуться в свою комнату и немного отдохнуть. Церемония отречения начнется с наступлением темноты. Ваше присутствие в качестве нового царя необходимо». С этими словами он покинул трапезную. Ужас сковал меня. Я едва мог соображать. Меня заточили в средневековом монастыре, под охраной монахов, моральный кодекс которых был настолько далек от норм цивилизованного поведения, что они собирались сжечь человека заживо. Тем не менее кое-что из сказанного настоятелем походило на правду: объяснение телепатических призывов и сообщений, получаемых во сне на смутно уловимых уровнях человеческого сознания, было мне понятно. Ведь я долгие годы упорно цеплялся за идею Шангри-Ла, не имея ни малейшего доказательства ее существования. Я сам чувствовал призыв, во сне и даже наяву настойчивое, неотвязное пение сирен мучило меня. Все это время я не сомневался, что Шангри-Ла существует, и знал: в один прекрасный день я приду туда, и это так же неоспоримо, как то, что солнце восходит на востоке. Но при мысли о жертвенном костре и клетке к горлу подкатывала тошнота: этой участи избежать невозможно — меня тоже сожгут заживо. Если не сегодня ночью, чего я боялся несколько мгновений назад, то в недалеком будущем, когда какой-нибудь не-

счастный проделает мучительный путь через Гималаи и, преодолев колоссальные трудности, отыщет дорогу в Шангри-Ла. Тогда придет мое время присоединиться к великим Учителям, как выразился безумный настоятель. Меня тоже заставят отречься. Несколько минут спустя, после того как меня в молчании проводили в комнату, я попытался собраться с мыслями. Усевшись на стул, я велел себе дышать ровно и глубоко, а затем попытался собрать факты воедино. Ламы Шангри-Ла не собираются отпустить меня на волю, это ясно как день. Феликс Кениг говорил правду, когда рассказывал мне, что его экспедиция достигла цели; это было очевидным. Более того, если верить настоятелю, один из компаньонов Кенига не только до сих пор жив, но и является царем Шангри-Ла. Он разделил судьбу всех монархов этого страшного места, однако я не мог понять, означало ли это, что царь все эти годы просто отбывал заключение с висящим над ним смертным приговором к сожжению. Был еще один неопровержимый факт, даривший искорку надежды: Феликс Кениг бежал. Ему удалось вернуться в Индию, его видели там. Значит, разговоры о том, что пути отсюда нет, — ложь. Правда, до Бомбея Кениг добрался в бреду и не смог вновь обрести душевное равновесие, но виной всему еще и война. Я начал убеждать в том, что Феликс Кениг в своих туманных рассказах описывал именно это место. Страстное желание «слететь» вниз, в Изумрудную долину, послужило решающим доказательством. Я с легкостью представлял себя в роли приговоренного царя, вышагивающего вдоль зубцов крепостной стены, страстно мечтающего вернуться в изумрудную долину и с содроганием ожидающего, когда снизу потянет за нить его преемник. И вот какие мысли пришли мне на ум. Хаусхофер и Гесс были правы насчет Тибета и «Книги Дзян». Но какой опыт они вынесли из знакомства с Шангри-Ла? Удалось ли спутникам



Кенига на самом деле попробовать себя в роли царей? Или же ламы просто привлекли их сюда для жертвоприношений в качестве идеальных образцов немецкой расы на пике ее власти? Возможно, именно ламы внушили немцам грезы об Одине и заронили искру пожара войны? Используя свое злое знание, они вырастили на благодатной европейской почве поколение людей с мощной волей и верой в свои силы, по всем статьям годившихся в наследники варварского трона Шангри-Ла. Может быть, и остальные мечтания Хаусхофера вполне реальны? Была ли «Книга Дзян» арийским артефактом погибшей в пустыне Гоби арийской цивилизации, той самой, что поднялась из руин и пепла Лемурии, опустившейся на дно Тихого океана? Эти вопросы беспрестанно крутились у меня в голове, не давая покоя. Я смогу ответить на них, только если покорюсь судьбе и тем самым обреку себя на верную смерть в конце царствования. Какая ирония, думал я: чтобы увидеть наконец «Книгу Дзян» и узнать главные тайны телепатической атаки, опустошившей Европу, я должен заплатить неволей и зверской казнью. Но все же собственная жизнь волновала меня больше, чем эти вопросы. Я должен был отыскать выход из черного царства. Найти путь, который до меня нашел Феликс Кениг. Ведь он доказал, что это возможно, несмотря на слова верховного ламы...



Рассвет начался рано, после половины шестого. Не сразу очнувшись от крепкого сна, Нэнси по доносящимся снаружи звукам поняла, что по меньшей мере один из шерпов уже на ногах и готовит завтрак. Она приподнялась на локте и тут же заметила, что осталась в тесной палатке одна. В слабом свете занимавшегося утра она разглядела аккуратно сложенные вещи Джека — все было готово к выступлению. Нэнси выбралась из спального мешка; было холодно, изо рта шел пар. Она надела башмаки и чубу, натянула тулуп из овечьей шерсти и выползла наружу.

Завтракали в спешке: молча ели цампу из оловянных мисок и запивали чаем с маслом. Как только палатки собрали и упаковали, а посуду вымыли в ручье, отправились в путь — предстояло трудное восхождение. Идти становилось все тяжелее. Легкие Нэнси уже не работали «автоматически», приходилось подлаживать дыхание под каждый шаг, чтобы организму хватало кислорода для движения. Через полчаса она почти потеряла из виду двух шерпов. Джек шагал ярдах в десяти впереди, третий проводник замыкал цепочку — чтобы в случае чего подать сигнал об опасности, решила Нэнси. Джек шел на вполне доступном для разговора расстоянии, но у нее не возникало даже мысли вымолвить слово. Все силы уходили на то, чтобы держаться прямо и не падать.

Так они поднимались по склону час за часом и даже когда делали короткий привал, чтобы выпить воды или чаю, Нэнси молчала, не растрачивая энергию на слова, настолько она устала. Температура понижалась, уже заметно подморозило, а каменистые склоны были припорошены снегом. Нэнси опасалась, что тропа вдруг прервется, занесенная снегом, и им придется спускаться обратно. Это собьет боевой дух, думала она. Другой опасностью была горная болезнь, которая тоже могла свести на нет все шансы попасть в Пемако. При первых же симптомах — они могли появиться в любой момент — придется немедленно уходить на меньшую высоту. Нэнси оставалось лишь надеяться, что ей повезет. Что им всем повезет.

К полудню группа подходила к высшей точке перевала. Склоны казались суровыми и безжизненными, лишь мхам да лишайникам было вольготно. Туман скрывал тропу и клубился вокруг расщелины в скале, по которой они поднимались к Су-Ла. Нэнси чувствовала, что перевал обернется для нее кошмаром, и уже не могла понять, холодно ей или жарко, хотя температура была много ниже нуля. Это очень тревожило ее, и она старалась справиться с проявлением слабости.

Шагавший сзади шерп догнал Нэнси и попытался как-то подбодрить. Она поняла, что он старался объяснить: они почти у самой вершины. Нэнси попробовала улыбнуться, но не смогла, а затем вдруг поскользнулась и — провалилась в темноту. Сознание вернулось к ней уже в палатке: она сидела, и кто-то пытался влить ей в рот горячий чай, а другой растирал ей спину через овечий тулуп и чубу. Несколько мгновений Нэнси не удавалось заговорить: она была полностью дезориентирована, а голова гудела, как от сильного удара.

— Так, хорошо, давайте-ка выпейте еще, — заговорил Джек и вновь прижал край кружки к ее губам.

Она сделала глоток.

— Со мной все в порядке? — наконец удалось спросить ей.

— Да. Сейчас немного передохнем. Попейте еще чаю. Телу нужно согреться.

— Это из-за высоты?

— Не думаю. Больше похоже на усталость.

Нэнси попыталась объяснить, что отлично себя чувствует и готова хоть сейчас продолжить путь... и тотчас провалилась в сон. Сколько проспала, она не знала, но проснулась и почувствовала себя гораздо лучше. Когда она открыла глаза, перед ее взором предстало удивительное зрелище. Оно показалось Нэнси настолько сюрреалистическим, что пару мгновений она думала, что все еще спит. Рядом с ней лежал Джек, а три шерпа сидели на корточках у них в ногах, спинами подпирая парусину палатки. Они напомнили Нэнси врачей в операционном театре.

— Джек?

— О, Нэнси, вы проснулись? Отлично.

— Что случилось? Почему они все здесь?

— Мы разговариваем, а заодно поддерживаем тепло в палатке.

— А который час?

— Утро.

— Еще утро?

— Э-э... Нет. Уже утро — день и ночь вы проспали.

— Ничего себе...

— Как вы себя чувствуете?

— Получше. Мне так неловко, что...

— Не стоит извиняться. Лучше попробуем накормить вас завтраком и посмотрим, можете ли вы продолжить



путь. До вершины всего несколько сотен ярдов. Нам здорово повезло, что вы именно здесь «объявили» привал: тут закрытое место.

Джек начал выпутываться из спального мешка, а шерпы тем временем по одному выскользнули из палатки на снег, как тюлени в полынью.

— Я скоро вернусь и принесу вам завтрак, — сказал он.

— Цампу?

— О да! Не волнуйтесь, цампа всегда в меню нашего отеля!

Ее смех был слабеньким и хриплым. Джек тем временем скрылся за пологом палатки. Нэнси чувствовала себя лучше. Видимо, она устала до предела, и ее организм сам принял решение остановиться, вне зависимости от рассудка.

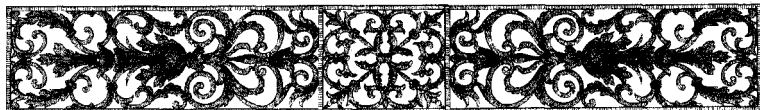
Как только мужчины вышли, в палатке сразу стало холоднее. Вернувшись, Джек передал Нэнси две оловянные кружки: одну с чаем, другую — до краев наполненную цампой.

— По уставу нашего полевого госпиталя вы должны опустошить до дна оба сосуда. Без возражений! Лишь после этого мы подвергнем пересмотру ваш случай.

Все не так плохо, с улыбкой подумала Нэнси, мне тепло и уютно, у моих ног преданный Джек, пусть даже он собирается накормить меня этими сырыми опилками. Похоже, он беспокоился за нее. Еще бы: наверное, Адамсу очень не хочется потерять на этой опасной горе свой конверт с оплатой. Жизнь клиента надо беречь — наверное, это его главная мантра. Или она несправедлива к Джеку? Возможно, его переживания искренни? В глубине души Нэнси начинала понимать, что он не просто наемный проводник, каким его представил Кришна.

Антон Херцог, наверное, сильный человек, подумала она. Совершить такое восхождение ей едва по силам,

а он в шестьдесят лет покоряет вершины. Физическая сила плюс воля, — вот что требуется для восхождений, а в его возрасте воля должна быть исключительной, чтобы компенсировать слабеющие телесные силы. Чтобы совершить такой подъем, Херцог должен иметь железную волю. Или же, мрачно продолжила мысль Нэнси, он и вправду волшебник, маг, способный карабкаться по этим древним ущельям с помощью заклинаний и менять свойства материального мира. Вряд ли такое возможно... Но кто знает, что на этом свете возможно, а что нет?



Последний переход к вершине оказался не таким тяжелым, как полагала Нэнси. То ли ей удалось акклиматизироваться, то ли двадцатичетырехчасовой сон придал сил, но она достигла вершины высотой в тринадцать тысяч футов, не чувствуя потребности в отдыхе. Поначалу она не поняла, что это высшая точка перевала: просто вся группа остановилась, и какое-то время Нэнси стояла, перегнувшись пополам и хватая ртом воздух. Затем она огляделась вокруг, увидела несколько высоких груд камней и сотни молитвенных флажков, трепещущих в тумане. Воздух пропитался морозной влагой, видимость была не более двадцати ярдов. Наверное, вид отсюда открывался изумительный — этого Нэнси никогда не узнать. Когда они достигли первой каменной груды, шерпы затянули песню и привязали к флагштокам маленькие матерчатые флажки. Затем принялись что-то возбужденно говорить Джеку. Нэнси поинтересовалась у него, о чем речь.

— Они говорят, надо наслаждаться холодом, пока можно, — Джек от души рассмеялся, у него явно было хорошее настроение. — Как только спустимся на четыре-пять тысяч футов, попадем в настоящее пекло.

В такое верилось с трудом, но вскоре они начали спуск, и буквально за час туман рассеялся, впереди отчетливо проступили тропа и окружающий ландшафт. Они на-

ходились на верхней оконечности пышной тропической долины. Тропа впереди напоминала черную извилистую линию, вытравленную на каменистой осыпи склона. Путь был свободен и казался нетрудным — долгожданная перемена после изнурительного восхождения последних дней.

Они медленно шли вниз, и мало-помалу на склоне появлялась растительность: сначала карликовые папоротники высотой по щиколотку, затем кусты по пояс. Когда опустились тысяч на десять, стали попадаться деревья. И вот, как и предсказывали шерпы, все принялись стягивать теплую одежду: сначала овечьи тулупы, затем чубы. Солнце висело прямо над головами, на небе не было ни облачка: чистейшая лазурь, а вокруг — буйство зелени.

Путь лежал через джунгли, и безжизненная тишина высокогорья сменилась шумной какофонией. Насекомые и животные копошились в подлеске, кипела жизнь во всех ее красках и разнообразии. Путешественники остановились на обед в брошенной деревне, со всех сторон окруженной кукурузными полями, частично отвоёванными наступающими джунглями. Они набрали воды из старого колодца, дезинфицировали ее каплями йода и приготовили чай и цампу.

Нэнси спросила у шерпов — Джек переводил, — приходилось ли им встречаться с тертонами. Самый старый шерп по имени Глумбук Мерго выдал долгий и обстоятельный рассказ о том, как ему однажды довелось видеть тертона, вытягивающего терма из огромной каменной глыбы. Это случилось много-много лет назад, когда он был еще мальчиком, в его родной деревне, которая теперь на территории Китая. Помогая себе выразительными жестами, шерп поведал, как тертон разделся почти догола, погрузился в медитацию на три дня и три ночи,

потом встал и ударил молотком по камню — на глазах у всей деревни. Раздался взрыв, будто удар молнии, люди повалились на землю и попрятались от страха. Когда они подняли головы, увидели страшного зверя — тердака, сторожа терма в духовном царстве, сражающегося с тертоном. Последовали еще взрывы, и все побежали в лес прятаться. Когда наступила тишина, Глумбук и кое-кто из молодых ребят отважились вернуться и нашли тертона лежащим на спине с терма на груди — толстой книгой в переплете из ячьей кожи.

Джек переводил все это с улыбкой и подмигнул Нэнси, когда рассказ дошел до эпизода с тердаком. Нэнси промолчала, но подивилась уверенности Глумбука. Видел собственными глазами, повторял он, для пущей убедительности показывая пальцами на свои глаза. После этого один из шерпов отошел и нарвал для Нэнси орхидей, и веселое и легкое настроение охватило всю команду. На час, пролетевший незаметно, они забыли и о подстерегавших опасностях, и о принятой на себя странной миссии.

Шерпы принялись упаковывать парафиновую печь и вдруг спохватились: за ними наблюдают. Никем не замеченный старик в красно-оранжевом одеянии с красно-золотой короной на голове подошел футов на десять к их лагерю и невозмутимо смотрел на людей, сложив ладони в приветствии и молитве. Шерпы были так же ошеломлены, как и Нэнси, не в силах понять, каким образом старику удалось подобраться к ним. На мгновение показалось, что и Джек потерял дар речи, но он сразу же взял себя в руки. Джек встал, тоже сложил ладони и отвесил старику низкий поклон в знак уважения к его годам.

Они обменялись словами. Голос старика был высоким и резким, он говорил короткими отрывистыми фразами. Джек, как показалось Нэнси, задавал вопросы. Он

говорил обстоятельно и явно что-то предлагал старику. Внезапно гость повернулся, показал вниз на долину в направлении Метока и произнес длинный монолог, продолжавшийся две-три минуты. Джек с серьезным видом кивал. Когда старик закончил, Джек предложил ему чаю, но старик жестом отказался, отвесил поклон и удалился, неслышно скользнув в заросли. Шерпы обеспокоенно смотрели на Джека, а Глумбук Мерго сказал что-то потибетски. Нэнси тоже хотела знать, о чем говорил старик.

— Что происходит?

Джек, нахмурившись, бросил несколько слов Глумбуку и повернулся к ней.

— Плохие новости. Этот человек — красный король, могущественный йог. Он только что вернулся из Метока.

— И?..

— Китайские солдаты направляются вниз, в долину, и терроризируют всех, кто попадает на пути. Избивают людей и запугивают, угрожают пытками и смертью.

— Как ему удалось миновать солдат?

— Он же йог — он умеет становиться невидимым.

Нэнси и бровью не повела, услышав ответ, настолько она привыкла к тибетским чудесам. Не то чтобы она безоговорочно верила всему — скорее чувствовала, что скептицизм неуместен, учитывая дезориентирующие особенности ландшафта и все странности, с которыми уже пришлось столкнуться. К тому же красный король в самом деле будто соткался из прозрачного воздуха.

— Но зачем они нагрянули? Ищут кого?

— Ищут какого-то человека. Белого человека. Говорят, шпиона.

— Неужели Антона?

Ответить Джек не удосужился.

— И что же делать? — спросила Нэнси.

Джек был мрачен.

— Хорошего мало. Красный король сказал, нам надо идти через джунгли, но, по-моему, шерпы не согласятся.

— А вы у них спросили?

Джек глубоко вздохнул и повернулся к Глумбуку Мерго и двум его спутникам, молча наблюдавшим за разговором. С минуту он говорил по-тибетски, после чего шерпы все разом отрицательно замотали головами. Потупив взгляды, они бормотали что-то в свои бороды. Нэнси показалось, что одно слово она расслышала несколько раз: «Мигу, мигу».

— Что значит «мигу»? — с тревогой спросила она Джека.

— «Мигу» — это по-тибетски «йети». Они не пойдут через джунгли, потому что в этих краях, говорят, живет мигу.

— Что? — испуганно переспросила Нэнси. — Они всерьез боятся йети?

— Ну конечно боятся. Потому жители оставили эту деревню. Вокруг явился йети, и крестьяне напуганы.

— Может, добавить им денег?

— Уже предлагал. — Джек оглянулся на шерпов. — Вы видели их ответ.

Нэнси тоже повернулась к тибетцам. Они внимательно смотрели на нее, и по лицам было ясно: никакими силами их не уговорить идти через лес.

— Что же делать?

— Или поворачивать обратно, или топать через лес самим, — ответил Джек. — Оставаться здесь, на тропе, больше нельзя ни минуты, поскольку солдаты поблизости. Я-то рассчитывал дать взятку, если наткнемся на них. Раньше всегда так делал, когда встречался с бойцами из гарнизона: они все законченные алкоголики.

Но этих солдат, похоже, пригнали специально на поиски Херцога, с ними номер не пройдет. Они арестуют нас, и бог знает, выпустят ли вообще. — Он помедлил и добавил: — Может, Антон и вправду шпион. Может, китайцы знают то, чего не знаем мы. Не исключено, что эта история с его отцом и нацистским терма — прикрытие или совпадение. — Он ненадолго задумался и добавил: — Только не возьму в толк: что ему выведывать здесь, в Пемако? Искать тут нечего, к тому же Антон знает Пемако вдоль и поперек.

Они помолчали. Нэнси разглядывала чахлые кукурузные поля. Ничего не понимаю, думала она. На Херцога устроили облаву, и неизвестно, что знают о нем китайцы. Она обернулась и взглянула на вздымавшиеся над долиной горы и затянутый туманом проход к Су-Ла. Нэнси не хотелось идти через джунгли, она боялась, все в ней противилось этому: джунгли кишели насекомыми, змеями, пиявками и хуже того — диким зверьем. Жутко. Тропа — вариант попроще, она вьется от селения к селению, и убежище всегда недалеко. Пойти через джунгли — безумная идея, однако поворачивать назад было немыслимо.



Спустя несколько минут тропа исчезла из виду и не стало слышно реки. Странные ухающие и щелкающие звуки доносились из чащи, смешиваясь с гудением и жужжанием кишачих в подлеске насекомых — каскад звуков и шумов, издаваемых мириадами крохотных созданий. Джек передал Нэнси средство от moskitov и велел обильно намазаться, однако толку от репеллента было мало: каждые несколько минут она шлепала впивавшихся в нее moskitov. Шли они медленно. Тропинок было множество, но все узкие и заросшие. Порой тропа внезапно терялась в зарослях, вынуждая Джека и Нэнси возвращаться по собственным следам.

Поскольку проводники бросили их, пожитки пришлось нести самим. Палатку они оставили шерпам, но захватили примус, посуду, спальные мешки, два небольших мешка с цампой и пару больших кривых ножей — Нэнси выяснила, что это непальские ножи-секачи с тяжелыми лезвиями. Весь груз, включая фляги с водой, весил немало. Нэнси предпочла оставаться в одежде с длинными рукавами, хоть как-то защищавшей от тысяч жалящих насекомых, поэтому на ходу сильно потела. Но черта с два, думала Нэнси, я открою для паразитов лишний кусочек своего тела.

Чтобы не сбиться с пути, они посматривали на горы. Заблудиться здесь было трудно, поскольку местность на-

поминала воронку, в которой и они сами, и Ярлунг-Цангпо, и все, что способно двигаться, смещалось в южном направлении — к скалистому гребню, где пролежала граница с индийской провинцией Ассам. Тем не менее Джек взволнованно пояснил, что можно потерять несколько часов, а то и дней, ходя кругами, если повернуть не туда. У них не хватит ни воды, ни еды, поэтому надо строго придерживаться нужного направления.

Через четыре часа у Нэнси устали руки — нужно было проламываться через подлесок. Деревья в джунглях стояли ярдах в десяти друг от друга, более чем за тысячу лет они вытянулись, чтобы получать достаточно солнечного света верхней частью своих крон. Но там, где изменился грунт или наклон почвы сделался круче, появились густые, по плечо, заросли растительности и плюща, плотными шторами свисающего с нижних ветвей деревьев. В других местах почва заболотилась, и приходилось шагать по гати из старых сгнивших бревен. Одно из бревен развалилось, когда Нэнси наступила на него, и она едва не провалилась в жуткую сырую яму, кишашую черными насекомыми. Дальше почва вновь отвердела, идти стало легче, и настроение у Нэнси улучшилось. Заросли поредели, воздух был прохладным благодаря тени густых крон деревьев, и местами лес просматривался на сотню ярдов. Не успела Нэнси подумать, что все не так уж плохо, как начались настоящие дебри. Пришлось вновь с боем пробиваться, опасаясь в любой момент обнаружить, что дальше пути нет.

Заметно темнело, когда они вышли на звериную тропу. По обеим сторонам заросли шли плотной стеной, но сама тропа была свободна, рубить ветви почти не требовалось. Нэнси шла в нескольких шагах позади Джека. Какое-то время они молчали, сосредоточившись на расчистке пути. Они перешагивали древесные корни и, ко-

нечно же, внимательно смотрели под ноги, стараясь не наступить на змею и увернуться от пауков-ворончиков* — они обычно висят над тропой и прыгают на своих жертв, когда те проходят под ними.

Нэнси читала, что лесные племена всегда знают, кто идет по их джунглям, — они определяют это по изменившимся ноткам в симфонии лесных звуков. Она размышляла об этом, прислушиваясь к разнообразным уханьям и щелканьям, щебету, тьяканью и волнообразному, похожему на треск цикад звуку, как вдруг обратила внимание, что в стороне, слева от тропы, знакомый шумовой фон неожиданно угас. Слышно было лишь уханье одинокой обезьяны, словно подававшей сигнал тревоги. Нэнси попыталась разглядеть что-нибудь в густых зарослях, которые просматривались не больше чем на десять футов. Она была уверена: звери замерли на ходу, насекомые и рептилии как по команде умолкли и застыли — там, впереди, слева.

Нэнси попыталась отбросить страх. Она успокаивала себя: наверное, это игра воображения либо изменившаяся акустика леса, а может, просто олень или иное крупное млекопитающее испугало мелких обитателей. Нэнси прибавила шаг, чтобы догнать Джека. Но обезьяна продолжала ухать. И тут Джек резко остановился и дал знак Нэнси замереть на месте.

С минуту оба не шевелились, затем он обернулся и прошептал:

— Нет ощущения, что за нами наблюдают?

— Есть, — торопливо шепнула она в ответ. — Я как раз подумала, что впереди что-то не так.

— Где?

* Ядовитый паук, обитает в дуплах деревьев или в земляных норах — вход в нору оборудован в виде воронки.

Нэнси показала влево. Тревога сжимала ее все сильнее.

— Да, мне тоже так показалось.

Нэнси похолодела.

— Что это может быть?

Джек хмуро взглянул на нее. Его широкий лоб был мокрым от пота, глаза беспокойные.

— Откуда я знаю. Мигу?

— Джек!

Он накрыл ее губы ладонью. Нэнси поняла, он не шутил, и быстро спросил:

— Слышали?

Они замерли, дожидаясь повторения звука, который слышал Джек. Вскоре Нэнси тоже слышала его довольно отчетливо. Ее глаза округлились от страха.

— Боже... Это стон или рычание... Или...

Вытирая лезвие кривого ножа о брючину, Джек всматривался в плотные заросли подлеска. Разглядеть что-либо было невозможно, как и определить расстояние до источника звука. Нэнси потянула его за руку.

— Пойдем назад.

Но Джек не ответил: низко пригнувшись к земле, он медленно крался вперед, лезвием ножа осторожно раздвигая перед собой длинные листья. Нэнси протянула руку и взялась за его ремень, придя в ужас от мысли, что ее вот-вот кто-то сцапает и потащит в чащу. Другой рукой она стиснула рукоять ножа, полная решимости нанести хотя бы один удар тому, кто им угрожает.

Вдруг Джек замер и изумленно выругался. Нэнси сделала шаг и стала рядом с ним на узкой тропе. Растительность чуть поредела, и тропа впереди расширялась. Она просматривалась на пятьдесят ярдов вперед, и перед ними предстало самое ужасное зрелище, какое Нэнси приходилось видеть в жизни: огромный бурый медведь сто-



ял на задних лапах, яростно размахивая передними в воздухе и отчаянно пытаясь схватить огромную сеть, свисавшую с ветвей склоненного над тропой дерева. Сеть представляла собой веревки из лианы, а внутри ее находился сжавшийся в комок... человек. Несчастный попал в ловушку и привлек внимание медведя. Мысли стремительно пронеслись в голове Нэнси: если медведь обернется и увидит их, у них не будет ни единого шанса спастись, с ножом или без ножа. А как же человек в сетке? Долго ли он сидит там? Жив он или нет?

Джек, стараясь двигаться как можно тише, стянул с плеч лямки рюкзака. Нэнси с ужасом наблюдала за ним: что он задумал? Неужели хочет отпугнуть зверя? Она мало что знала о повадках больших бурых медведей, но ей представилось, что зверь просто развернется и пойдет на нее. Джек отстегнул клапан верхнего кармана рюкзака и медленно вытянул длинную пластмассовую трубку размером со скалку. Нэнси отчаянно хотелось спросить его, что он собрался делать, но она не решилась заговорить.

Джек махнул рукой, призывая Нэнси отойти с тропы в заросли. Она сделала шаг и поняла, что у него в руках сигнальная ракета, чтобы подать сигнал бедствия спасателям, если ты заблудился в пустыне или высоко в горах. Джек стал медленно пятиться по тропе, держа ракету в вытянутой руке и нацелив ее не в небо, а перед собой, в медведя. Он дернул за шнур.

Нэнси не ожидала, что это будет так громко: оглушительный свист, яркая вспышка и громкое шипение, замершее вдали через пару секунд. Когда Нэнси пришла в себя и посмотрела на тропу, медведя не было. О ракете напоминал лишь густой хвост едкого дыма, висевший в воздухе над тропой футах в сорока впереди и медленно уплывавший налево, в заросли.

Они выбрались из подлеска и осторожно прошли по тропе, пока не остановились под сетью. Теперь можно было рассмотреть человека внутри: это был китаец в изодранной военной форме. Глядя на него снизу вверх, по-прежнему сжимая в правой руке нож, Нэнси спросила:

— Солдат?

— Похоже. И вроде без оружия... Интересно, давно он здесь?

— Как нам его снять?

Джек повернулся к ней с удивленным лицом, словно не ожидал услышать ничего подобного.

— Мы должны его снять, — решительно заявила Нэнси. — Опасности он не представляет. Может, он уже мертв.

Джек покачал головой и подошел к дереву. Конец веревки был привязан к валуну, лежавшему возле ствола дерева, у самой тропы. Камень служил противовесом — будучи подвешенным, падал и своей тяжестью вздергивал вверх сеть вместе с жертвой, когда та наступала на замаскированный сигнальный шнур и рвала его. Джек поднял нож над головой, чтобы перерезать веревку, но Нэнси крикнула:

— Нет! Не надо! Он рухнет и сломает шею! Держите веревку крепко, а я ее перережу, и мы медленно опустим его.

Джек что-то проворчал, но сделал, как она просила. Ухватив веревку обеими руками, он перекинул ее через толстую ветку из тех, что повыше, чтобы удержать вес сети. Нэнси взвесила в руке нож, прикидывая силу удара по туго натянутой веревке, надежно привязанной к валуну, и одним резким взмахом перерубила ее. Джека потянуло вверх — с поднятыми руками он приподнялся на цыпочках. Нэнси бросила нож, кинулась вперед и, встав под сетью, попыталась ее удержать.

— Потяните вниз! — крикнула она.

Джек потянул, затем подпрыгнул, дернув сеть вниз, и она опустилась еще на фут в подставленные руки Нэнси. Нэнси подхватила ее в охапку, а Джек отпустил веревку. Сеть, человек в ней и Нэнси повалились на тропу. Слегка ударившись, Нэнси быстро поднялась на ноги и тотчас поняла, что человек в сети жив. Свернувшись в позу эмбриона, он жалобно стонал.

— Судороги, — понял Джек. — Похоже, он провисел здесь долго. Нарушение кровообращения.

— Что мы можем сделать?

— Ничего.

— Ну хотя бы дайте ему воды.

Джек повиновался и поднес к губам несчастного флягу с водой. Никакой опасности человек для них не представлял: безоружный, он скрючился так, будто был не в состоянии выпрямиться, и его по-прежнему опутывала сеть. Нэнси рассматривала несчастного. У него оказалось приятное лицо с острыми скулами, и несмотря на скрюченную позу, было заметно, что он высок ростом. Возраст его Нэнси точно определить затруднялась — наверное, лет тридцать.

Человек жадно глотал воду. Выждав около минуты, Джек отвел флягу от его рта и спросил:

— По-английски говорите?

Китаец скосил глаза, не в силах повернуть шею, и слабым голосом ответил:

— Да.

— Кто вы?

— Полковник Жень. Офицер БНБ... — Он зажмурился от боли. — Спасибо, что сняли меня.

Нэнси посмотрела на Джека.

— Давайте его развяжем.

Они опустились на колени и начали выпутывать конечности китайца от паутины ловушки. Когда пленник

был освобожден, они повернули его на бок; Жень по-прежнему стонал. Они поднялись и наблюдали, как медленно-медленно, с огромным усилием он сам перекатился на спину и стал выпрямлять ноги и руки, то и дело кривясь от боли. Затем вновь упал на бок и мрачно посмотрел на Нэнси.

— Пожалуйста, помогите мне.

Джек нервно усмехнулся.

— Смотри-ка, нашел добренькую.

Нэнси проигнорировала его слова и заговорила с китайцем:

— Чем вам помочь?

— Еще воды. Умираю от жажды.

— Джек, давайте прислоним его к этому дереву.

Они подхватили китайца под мышки и подтащили к стволу, после чего Нэнси дала ему немного воды. Он пил так же жадно. Джек похлопал Нэнси по плечу.

— Отойдем.

Нэнси нахмурилась и поднялась. Чего он хочет? Этому человеку надо помочь: у него, наверное, кровь загустела и организм обезвожен. Она шагнула за Джеком. Отойдя в сторону, тот быстро зашептал:

— Пока у вас окончательно не снесло башню, подумайте о том, что этот человек может быть из банды, которая охотится за Антоном! — Он оглянулся на полковника Женья. — Больше никаких Флоренс Найтингейл*, пока он не объяснит, кто такой и что здесь делает. Я свяжу его, пока он не показал нам зубы.

— Стоит ли связывать офицера разведки? — с испугом ответила Нэнси.

— А что такого? Потом отпустим. Иначе он ничего не расскажет.

* Флоренс Найтингейл (1820–1910) — английская медсестра, символ бескорыстного милосердия.

— Да вы представьте, чем это может нам аукнуться! Сущее безумие.

— Нэнси, мы только что спасли ему жизнь. Мы не знаем, кто он и насколько опасен, к тому же у нас появился шанс узнать, где Антон. Я свяжу его. Уверяю вас, на нашем месте он сделал бы то же самое.

Джек забрал у нее флягу и направился к китайцу. Присев сбоку, он, быстро орудуя ножом, разрезал веревку на несколько кусков и связал Женю лодыжки и запястья. По-прежнему скованный болью, пленник не сопротивлялся — он был крайне слаб, его голова безвольно болталась, когда Джек ворочал его. Окончив дело, Адамс приступил к расспросам.

— Итак, расскажите нам, зачем вы шатаетесь по лесу?

С заметным усилием китаец поднял голову и устался на флягу с водой.

— Конечно-конечно, можете еще попить. Но сначала ответьте на вопрос.

Преодолевая боль, китаец проговорил:

— Ищу одного человека.

Джек кивнул.

— Белого человека? Антона Херцога?

Последовала короткая пауза. Полковник Жень собирался с мыслями. Похоже, он растерялся.

— Да.

Нэнси опустила на колени рядом с Джеком. Она больше не могла этого вынести и выхватила флягу у своего спутника.

— Дайте сюда.

Нэнси поднесла горлышко к губам китайца и позволила ему пить, пока у полковника не перехватило дыхание.

— Вы ищете его, потому что он шпион? — спросила она.

Офицер молчал. Это разозлило Нэнси: она не хотела видеть его страданий, но отчаянно желала узнать, что ему известно.

— Слушайте, я развяжу вас, напою, накормлю, помогу — если вы поможете нам. Или вы погибнете в джунглях. Мы тоже ищем белого человека.

С большим трудом пленник ответил:

— Он не шпион... Но очень опасен.

— Чем же он опасен?

Китаец снова помедлил. Кривясь от боли, он чуть подвинулся, прислонил к стволу дерева больную спину и ответил:

— Он кое-что знает. Я должен найти его.

Эти слова словно наэлектризовали Нэнси. С внезапно пробудившимся чутьем она быстро заговорила:

— Он знает, где искать «Черную книгу»? «Книгу Дзян». Вы это имеете в виду? Скажите. Поэтому вы разыскиваете его?

Офицер кивнул. По его лицу трудно было определить, удивлен ли он ее словами. Возможно, удивить его сейчас было трудно: он попал в ловушку, чудом спасся от лап медведя и от съедения заживо, а потом подвергся допросу двух белых в гуще джунглей Пемако. Нэнси взглянула на Джека — тот с непониманием смотрел на китайца.

Внезапно Джек вмешался:

— Почему же ваши власти называют его шпионом? Глаза китайца метнулись с Нэнси на Джека.

— Потому что опасаются его, — без эмоций ответил пленник, будто констатируя очевидное.

— Чего именно они опасаются? — спросила Нэнси.

Внимательный взгляд темных глаз китайца по очереди задержался на них обоих. Нэнси заметила, что он, измученный и не успевший опомниться, старается проанализировать сложившиеся обстоятельства.

Полковник заговорил:



— В Китае знают силу этой книги. Считается, что она способна вызвать революции и принести нежелательные перемены. Тысячи лет она считалась утерянной. Коммунистическая партия опасается, что ее разыщут и используют для свержения власти. Ведь коммунисты получили эту власть, руководствуясь идеями другой книги — «Манифеста Коммунистической партии». Им хватает ума, чтобы сознавать, насколько опасны могут быть книги.

— Где Херцог? — спросила Нэнси.

Китаец молчал.

— Скажите нам, где он. Ведь вы знаете.

Последовала пауза, затем офицер ответил:

— Он умирает.

На секунду Нэнси почудилось, что ее сердце остановилось, дыхание перехватило. Херцог умирает? Такой вариант событий даже не приходил ей в голову. Поначалу она беспокоилась за Антона, но здесь, в Тибете, он казался мистической фигурой вроде колдуна, так что она считала его неуязвимым и до ужаса могущественным.

— Господи, о чем вы? — заикаясь, пролепетала Нэнси.

— Его унесли монахи. На носилках.

— Куда?

— В Агарты. В священный город.

Джек прервал:

— Какой город? В Пемако городов нет.

— Полковник Жень, вы знаете, куда они ушли? Мы можем найти их? — умоляюще спросила Нэнси, держа перед его лицом флягу с водой.

— Я почти настиг их. Шел по пятам. Но на нас напали...

Адамс снова перебил его:

— Кто?

— Не знаю. Застали врасплох. Всех моих людей перебили. — Полковник попытался приподняться, но, ис-

тратив все силы на эту попытку, бессильно привалился спиной к дереву. — Я должен идти. Нужно найти его до прихода солдат. Пожалуйста, развяжите меня.

Адамс упер руки в бока и презрительно покачал головой.

— Да он бредит, Нэнси.

Она пропустила его слова мимо ушей и, охваченная тревогой, попыталась заставить полковника смотреть ей в глаза.

— Какие солдаты? Разве они вам не подчиняются?

— Нет. Вы не понимаете. Я должен достать книгу. Только книга может спасти Китай.

— А солдаты — почему вы не хотите, чтобы книга попала к ним?

— Им приказано доставить ее в Пекин, а там книгу уничтожат. И мы все потеряем.

— Значит, работаете в одиночку?

Китаец тяжело вздохнул, на секунду прикрыл глаза, затем посмотрел на веревки, стянувшие его запястья и лодыжки. После чего зафиксировал на Нэнси упорный взгляд, и в его голосе зазвенела решимость.

— Вы ищете человека, я ищу книгу. Помогите мне, и я помогу вам. Без меня вам его не найти. Никогда.

Джек Адамс недоверчиво смотрел на пленника.

— Кто вы, черт возьми, полковник Жень?

— Это вам знать ни к чему. Вам надо понять одно: мы пытаемся вновь направить Китай на путь Дао. Этим путем страна шла в давние времена, до революции, когда у власти был император.

Нэнси с трудом переваривала услышанное.

— А как вы узнали, что Херцог нашел книгу?

— В монастырях у нас налажена разведывательная сеть. Антон Херцог великий человек, его путь очень близок к пути Дао. И если книга сейчас не у него на руках, по крайней мере, он знает, где она.

— Почему вы так уверены?

— Об этом говорят разведданные, и об этом говорят наши ламы. То же подтвердил и Оракул. Оракул никогда не ошибается.

Ну конечно, подумала Нэнси. Вот о чем надо было спрашивать Оракул. Получил ли Херцог терма? Полковник спросил у Оракула, и книга ему ответила. Нэнси чувствовала, что для Женья вполне естественно советовать с Оракулом: он верил в древнюю мудрость и знания, запрещенные коммунистической партией как религиозные предрассудки, объявленные вне закона как часть феодального прошлого и средство угнетения народа, отвергнутые как иррациональные и ненаучные, противоречащие учению Мао.

— А компартия и армия? Откуда они узнали, что Херцогу может быть известно местонахождение книги?

Силы возвращались к полковнику Женью, и его голос креп по мере того, как он говорил.

— Они тоже в курсе данных разведки, вот почему я должен действовать быстро. Они тоже ищут. Они послали солдат убить Херцога и уничтожить книгу. Они и вас убьют, если попадетесь. У солдат приказ: уничтожать всякого, кому известно о существовании книги. Если не освободите меня — живыми вам из этой долины не выбраться. Вот и вся правда. Мне повезло, что вы нашли меня, но и вам со мной повезло. Нас с вами хранит судьба!

Какое-то массовое помешательство, думала Нэнси. Она преодолела перевал Су-Ла и очутилась в безумной и опасной стране. Пемако мало напоминал рай на земле; больше похоже на ад, населенный оккультными фанатиками и солдатами-убийцами. Теперь этот человек, полковник Жень — изменник, нарушивший присягу, — утверждает, что Херцог умирает, а им самим грозит смерть. Нэнси казалось, все это происходит в страш-

ном сне. Она перевела взгляд на Джека и увидела ужас на его лице.

— Нэнси, во что вы меня втянули? — тихо спросил он.

Она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Она хотела продолжить путь и найти Херцога, но так же сильно хотела бежать. Заметив страх Джека, она почувствовала себя еще хуже. Господи, ну почему она не осталась в Дели? Зачем вообще поехала в эту Индию?

— Простите, — с трудом подбирая слова, проговорила она. — Я не понимаю, что происходит. Совсем ничего не понимаю...

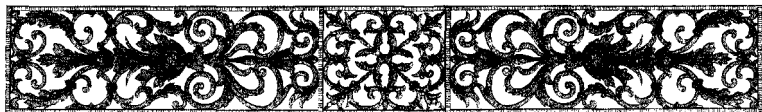
— А ничего понимать и не надо. Надо уносить ноги! К чертовой матери! Сию же минуту назад — по тропе, откуда пришли.

Полковник Жень покачал головой.

— Поздно. Сюда стягивают все больше солдат, чтобы перехватить монахов. Власти будут перебрасывать людей в долины Пемако, пока не найдут Херцога и не заполучат книгу.

Джек развернулся и с ненавистью оглядел джунгли.

— Надо же было так попасть...



— Развяжем его, — сказала Нэнси.

Они с Джеком отошли в сторонку и разговаривали, время от времени с опаской поглядывая на стоявшие стеной вокруг джунгли. Нэнси видела, что Джек, как и она, был на взводе.

— Что с него взять. Без нашей еды и воды ему не обойтись. У него нет даже йодных таблеток, и он не может пить воду в джунглях. Если сбежит, то потеряет время, пытаясь найти деревню, и рискует нарваться на солдат, чего ему совсем не нужно. Это к вопросу о человеколюбию. Но в любом случае я ему верю — нам самим нужна его помощь.

Джек глянул за плечо Нэнси на связанного полковника, привалившегося спиной к дереву.

— Нэнси, а если он сочиняет на ходу? Вдруг нет никаких солдат, посланных сюда через перевал Су-Ла? Может, он решил одурачить нас и завести прямо в армейский лагерь. Не знаю... С чего мы должны верить его словам?

— Ведь мы не можем бросить здесь человека. Он или умрет сам, или его задерет медведь.

В этот момент Джек заметил, что полковник Жень яростно замахал связанными руками.

— Совсем сдурел? — раздраженно бросил Джек. Нэнси обернулась и посмотрела на пленника.

— Что-то не так... — Она быстро пошла к нему и, повысив голос, почти выкрикнула: — В чем дело?

По лицу китайца Нэнси поняла, что он в ярости. Но почему не отвечает? Почему молчит? Когда она подошла ближе, Жень — лицо его блестело от пота — с отчаянием в голосе проговорил:

— Они идут. Солдаты. Стащите меня с тропы. Нам надо спрятаться. Прошу вас... Скорее!

Подошел Джек и стал рядом с Нэнси. Так и есть: они оба слышали шаги на тропе. Нэнси схватила рюкзаки и швырнула их в заросли, туда же бросила сеть. Джек подхватил полковника Женья под мышки и потянул его в подлесок. Нэнси успела выхватить взглядом фигуру в военной форме, появившуюся на тропе в ста футах от них. Сердце бешено колотилось, от ужаса Нэнси замутило. Она отпрянула за дерево.

Несколько секунд спустя длинная цепочка китайских солдат с оружием наготове проследовала по тропе. Их было тридцать человек. Нэнси притаилась в нескольких футах от дороги. При виде шагающих мимо башмаков она зажмурилась и принялась молиться. Прошло долгих две минуты, последняя пара ног протопала вперед, и лишь тогда Нэнси подняла голову и огляделась вокруг.

— Джек! — хриплым шепотом позвала она.

— Я тут.

Чувствуя дрожь в руках и ногах, Нэнси пробралась сквозь заросли. Джек с подозрением смотрел на полковника Женья, все еще лежавшего на боку под кустами.

— Что ж не позвали на помощь соотечественников? — спросил Джек.

— Я ведь вам сказал, — без эмоций ответил тот. — Я действую в одиночку. Солдатам приказано уничтожить книгу, а я должен это предотвратить. Сейчас я для

них преступник, они будут стрелять в меня без предупреждения.

— Выходит, если я вас развяжу, дальше пойдем вместе?

— Да.

Джек глянул на Нэнси, наклонился и, сделав два резких движения ножом, срезал путы с запястий и лодыжек полковника. Китаец распрямил руки и ноги, впервые за долгое время попытался подняться. Качаясь, как новорожденный жеребенок, цепляясь руками за ветви, он заковылял к тропе, где медленно выпрямился в полный рост, массируя запястья и напряженно вглядываясь в ту сторону, куда ушли солдаты. Он разительно переменялся: офицер уже мало напоминал несчастного, только что высвобожденного из ловушки и страдающего от судорог. Нэнси почувствовала, что на этого человека можно положиться: он опытный, уверенный в себе и явно привыкший идти своим путем.

Резким командным голосом он произнес:

— Пройдем около мили и повернем к краю долины. Надо спешить, если хотим догнать монахов.

— И куда в итоге попадем? — спросил Джек.

Голос полковника Женья был ровным и твердым, и Нэнси подумала, что он не привык выслушивать возражения.

— Монахи понесли Херцога к Пещере магов. Это вход в систему древних туннелей, соединяющих все старые тибетские гомпы и открывающих путь к Агартти. — Он решительно взглянул на Джека и многозначительно добавил: — К вашему сведению, священный город Агартти существует на самом деле.

— И вы знаете дорогу к нему? — спросил Джек.

— Нет. Поэтому мы должны нагнать монахов до того, как они войдут внутрь. Гнаться за ними по туннелям —

это самоубийство. Они ушли не так далеко, но нам все равно надо спешить.

Они принялись второпях собираться, и Нэнси задала вопрос бывшему пленнику, в одночасье ставшему вожаком:

— Полковник Жень, как долго вы висели в ловушке?

Он посмотрел на нее. Взгляд китайца показался Нэнси добрым, и она решила, что он неплохой человек.

— Зовите меня, пожалуйста, просто Жень. Вы ведь не в армии.

— Спасибо. Я Нэнси Келли, а он — Джек Адамс.

— Возвращаясь к вашему вопросу: я висел часа три.

— Кто же поставил ловушку?

— Полагаю, момпы. Охотники местного племени, они ловят оленей.

— А на вас кто напал?

— Я же говорил — не знаю.

— Но это были люди или...

— Или — кто? — улыбнулся полковник. — Мигу? Я видел только людей. Может, те же момпы. Не похожи ни на китайских солдат, ни на монахов.

Полковника это как будто не интересовало, или он был прагматиком. Не исключено, что именно это качество помогает дослужиться до полковника в таком молодом возрасте.

— Вы говорили, с вами были люди?

— Да. Десяток. Но вояки они никакие: солдаты гарнизона, призывники, пушечное мясо. Даже не умели держать боевой порядок — разбежались, и их перебили по одному.

— Никто не стрелял?

— Никто. У момп огнестрельное оружие редкость, у них свое оружие... Надо уходить, — прервал себя Жень, глядя на тропу. — Дорога каждая секунда. Давайте я понесу ваш рюкзак.

Нэнси протянула ему рюкзак, и ей вдруг пришло в голову, что так Жень может сбежать вместе с запасами воды и снаряжением. На мгновение она замешкалась, и полковник тотчас понял, о чем она думает.

— Нет, я его не украду. Если бы я захотел, справился бы с вами обоими. — Он глянул на Джека, нахмурившегося после этих слов, и уточнил: — Спецподготовка... А то, что вы не европейцы, очень неплохо. Это поможет уговорить монахов отдать нам Антона Херцога, если тот еще жив. Поскольку на мне военная форма, вряд ли они расстелют ковровую дорожку, если я пойду к ним один. К тому же я потерял всех своих людей. Придется полагаться на методы, исключаящие применение физической силы.

Жень пристально посмотрел вперед.

— Пока не сойдем с тропы, будьте внимательны. Не исключено, что есть еще ловушки.



Они шли быстрым шагом несколько часов, постепенно поднимаясь по склону чашеобразной долины. Наконец Жень объявил привал. С самого начала он взял такой стремительный темп, что Нэнси и Джек едва успели за все время пути обменяться парой слов. Тяжело хватая ртом воздух и радуясь передышке, Нэнси уперла руки в бока и сделала несколько глубоких вдохов. Затем достала флягу с водой и долго пила.

Они остановились в густых джунглях у подножия обвитого плющом громадного валуна. Жень что-то высматривал в зарослях кустарника. Джек нагнал спутников. Его рубашка была мокрой от пота, а лицо — красным от напряжения.

— Почему стоим? Дорога еще хорошая.

Жень опустился на колени и махнул рукой, подзывая их к себе.

— Сейчас поймете почему. Взгляните.

Вскрабкавшись по каменистому склону немного вверх, они выбрались на скалистый уступ в пять ярдов длиной и два шириной. От открывшегося вида у Нэнси перехватило дыхание — так приелась однообразная зеленая стена леса. Она и не заметила, что они поднялись на несколько тысяч футов, и теперь перед глазами предстала изумительная картина. Внизу раскинулась цветущая, словно первозданная долина. Отчетливо была видна

Ярлунг-Цангпо, змейкой бегущая к горам на юге. Солнце уже ушло за вершины, день угасал.

— Вон там, — сказал Жень.

Нэнси повернулась к нему. Он указывал в другую сторону, вверх по склону долины.

— На что там смотреть? — спросила Нэнси, все еще очарованная видом долины.

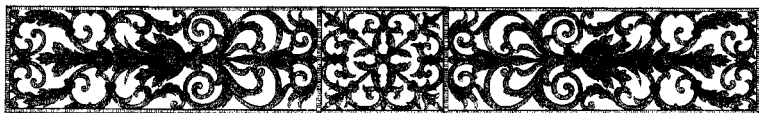
— Вон, прямо над деревьями. В двух милях отсюда. Это они.

Сердце Нэнси екнуло. Над верхушками леса на каменистом склоне она увидела цепочку крохотных, как муравьи, фигурок, усердно карабкавшихся по невероятно узкой и крутой тропе. Джек порылся в рюкзаке и выудил миниатюрный бинокль.

— Бог ты мой, — воскликнул он, приложив его к глазам. — Монахи, два десятка. И точно: носилки!

В изумлении Джек опустил руки. Нэнси выхватила у него бинокль и, наведя фокус, стала разглядывать вереницу людей. Джек прав. Она насчитала двадцать четыре человека и убедилась — на носилках кого-то несли. Скорее всего, там Херцог. У Нэнси захватило дух — ей показалось, что она видит Антона, хотя тело было укрыто голубым покрывалом. С бешено колотящимся сердцем она передала бинокль Женью, и тот впился глазами в цепочку людей. Затем повернулся к своим спутникам и деловым тоном заявил:

— А теперь поторопимся, нельзя терять ни секунды. Через час стемнеет. А через два они будут у пещер, и мы потеряем все.



Монахи достигли святилища Пещеры магов. Внутри стены покрывали древние наскальные изображения чародеев и шаманов в причудливых головных уборах, танцующих вокруг костров, и сцены охоты на давно вымерших животных, водившихся на тибетском плато. Пол был усеян человеческими и звериными костями. Виднелись черные круги давно угасших костров. В воздухе висело зловоние смерти и колдовства. Еще десять футов вглубь, и начиналось царство непроглядной ночи, куда вели десятки извилистых и запутанных проходов, ныряющих глубоко под землю. Даже тому, кто знал дорогу, было очень сложно отыскать верный путь, не соскользнуть в бездонную расселину и не забрести в тупик.

Помощник настоятеля понимал, что у них нет права даже на секунду нерешительности и сомнений. Настоятель напутствовал его: если они заметят погоню, то должны искать убежища в Агартти, в системе древних пещер. Они не будут в безопасности, пока не скроются в подземном лабиринте. И все же помощник настоятеля колебался. Здесь не пройдут носилки, а без носилок, сказал доктор, белый человек не перенесет путешествие. Всю дорогу они несли белого человека как святого, как царя, а теперь придется бросить его — волкам или китайским солдатам. Эта мысль наполняла сердце ламы невероятной печалью, но в глубине души он чув-



ствовал: на такое решение его вынудили суровые условия бегства и предательский ландшафт пещер. Чужак был опасным магом и колдуном, он слаб физически, но по-прежнему силен духом. В священный город Агарты его пускать нельзя.

Помощник настоятеля наклонился к самому уху белого человека и тихо прошептал, не вполне уверенный, спит тот или нет:

— Отдохните здесь немного. Я ненадолго уйду, но, пожалуйста, не волнуйтесь, мы вернемся за вами.

Предательские слова. Все внутри монаха восставало против них, но другого выхода не было. Напоследок лама тихо, но отчетливо задал последний вопрос:

— Прежде чем я уйду, прошу вас, расскажите, как вам удалось выбраться из Шангри-Ла? Я... Я должен знать. Удалось ли вам увидеть «Книгу Дзян»?

Белый человек открыл глаза. Исхудавшие пальцы соединились в молитвенном жесте. Чужак поднял глаза к своду пещеры («Что он там видит? — подумал монах. — Словно знает, где находится...») и проговорил:

— Чувствую, что слабею... Мы почти пришли? Это Агарты? Я так устал...

Помощник настоятеля не нашелся что ответить. Жуткая тишина окутала пещеру. Сознавал ли белый человек, что на самом деле происходит? Понимает ли он, что его бросают, оставляют умирать одного? После паузы — может, он ждал слов утешения и не дождался — чужеземец продолжил:

— Я скажу вам, как мне удалось бежать, и расскажу страшную правду о «Книге Дзян».

Вновь пала тишина, пока он собирался с мыслями, заново переживая дни и ночи, проведенные в Шангри-Ла. Потом Антон заговорил:

— Как только понял, какая жуткая участь уготована мне в качестве царя, я собрался с мыслями и решил

тщательно исследовать монастырь и его окрестности. Вернее сказать, изучить свою тюрьму...

Чувство вины не покидало помощника настоятеля. С одной стороны, он был рад тому, что рассказ чужака приближается к концу, с другой — страшился той минуты, когда нужно будет оставить его умирать здесь.

Завораживающий голос звучал в гулкой тишине:

— Поступаям я спустился на нижний этаж и пошел вокруг башни в направлении, как мне думалось, внутреннего двора с жутким костром. Но этот путь привел меня к закрытой двери. Вокруг не было ни души, спросить некого, и я повернул обратно, решив побродить по внутренним помещениям монастыря. Миновал трапезную, в тот момент безлюдную, прошел мимо нескольких пустующих жилых помещений. Было очень тихо, и эта тишина нагоняла на меня жуть. Наконец я добрался до выхода во внутренний двор, на другой стороне которого находились мощные деревянные ворота, а за ними виднелись зубцы крепостной стены. У ворот стоял на часах одинокий шерп. Именно тогда мне в голову пришла одна идея. Я пересек двор и на непальском обратился к шерпу: «Где царь?» Шерп сложил руки и поклонился, а затем, показав мне за спину, ответил: «Он на башне, господин». Я обернулся: увенчанная рядом зубцов, башня отчетливо вырисовывалась на фоне бледно-голубого неба. «С ним можно поговорить?» — спросил я. «Не могу сказать, господин. Как решит его величество». Тогда я, будто это только что пришло мне в голову, задал стражу вопрос: «Не мог бы ты открыть мне ворота? Хочу прогуляться по стене». — «Простите, господин, мне не разрешается открывать ворота никому, кроме настоятеля». Я поинтересовался: «Даже царю?» — «Да, господин, даже царю». Страж был очень крепким, и я понял: он улыбается и кланяется, но без труда справится со мной, если я вступлю с ним в борьбу. Я решил не риско-



вать, поблагодарил его и пошел назад в башню так быстро, как только возможно, стараясь ничем не выдавать своей спешки и отчаяния и ни на секунду не забывая о том, что время стремительно тает. Часа через три падут сумерки, и начнется жуткая церемония. Я взбежал по ступеням, прошел мимо двери моей камеры и двинулся вверх. Там широкая лестница сужалась, как штопор, ввинченный в башню, и обрывалась перед дверью. Дверь была полуоткрыта, из щели лился солнечный свет. С опаской я толкнул ее и вышел наружу. За зубцами башни открывался захватывающий вид, но у меня не было времени любоваться пейзажем: едва я ступил на крышу, перед моими глазами предстал царь. Он выглядел именно так, как описал настоятель: европеец, чуть за пятьдесят. На нем была голубая туника, обшитая золотом. Он смотрел вдаль как замороженный и не заметил моего прихода. На голове царя красовалась золотая корона, а на запястьях, шее и лодыжках — массивные золотые обручи, маслянисто поблескивавшие на солнце. Я стоял, тяжело дыша, и приходил в себя после стремительного подъема. А человек по-прежнему не замечал меня, несмотря на произведенный мной шум. Он оставался недвижим, как статуя, и его руки опустились вдоль тела, будто под весом золотых браслетов. «Здравствуйте, — нерешительно произнес я. И не раздумывая перешел на немецкий: — Я Антон Херцог». Человек очень медленно повернулся ко мне лицом. Из-за тяжести золотых украшений он двигался неуклюже, как водолаз. Я заметил, что золотое кольцо вокруг шеи упиралось ему прямо в подбородок, явно создавая неудобство. При виде обреченного царя мое сердце сжалось: он был несчастной жертвой, облаченной в издевательское подобие королевского одеяния и ожидающей страшного финала. Когда он повернулся ко мне, я смог как следует разглядеть его. Его глаза напоминали две пустые пещеры, лишен-

ные света, души и даже намека на надежду. И тут царь заговорил. Голос его поразил меня глубиной печали. «Значит, это правда. Вы все-таки пришли». Мне становилось все страшнее, и голос мой дрогнул, когда я сказал: «Выслушайте меня. Я не знаю, что здесь творится. Вы должны помочь мне. Мне надо немедленно бежать отсюда». Он ответил: «Помочь вам я не в силах. Я и себе помочь не могу. Даже если б хотел». Я запаниковал. Казалось, еще чуть-чуть — и я сойду с ума. В отчаянии я едва не закричал: «Надо бежать! Они хотят убить вас сегодня ночью. Сжечь на костре...» Царь не сводил с меня своих пустых глаз. Я почувствовал внезапную волну сочувствия и пожалел о только что сказанных словах. Он не нуждался в моем предостережении. «Простите, — сказал я. — Бежать надо нам обоим. Вы ведь немец? Вы пришли вместе с Феликсом Кенигом?» Человек оставил без внимания мои вопросы. «Бежать я не могу. Как и вы. Отсюда нет выхода. Вы должны смириться со своей судьбой, как многие цари до вас». Он помолчал с минуту, а затем произнес срывающимся от волнения голосом: «Я так долго готовился к дню вашего прибытия! И все-таки я не хочу уходить. Будь у меня еще несколько часов власти над миром!.. Еще несколько дней...» Все в его внешности, поведении и речи подсказывало мне, что этот человек зомбирован — ему промыли мозги. Я ответил: «Не говорите так. Выход должен быть». Он возразил: «Выхода нет». Я спросил про шелковый шнур, по которому поднялся. «Вас схватят», — ответил он. «А куда потом, назад в Гималаи?» — «Слишком далеко. Сотни миль по скалам до первой былинки. Никому это не удавалось. Даже если вам повезет, что невероятно, они вернут вас обратно». Я настаивал: «Но ведь караваны-то как-то проходят сюда». — «Они специально готовятся к переходу. Они идут с яками, груженными продовольствием и теплыми одежками. А в одиночку человек неминуемо погибнет там,



как на поверхности Луны». Мои терпение и нервы начинали сдавать перед лицом такого воинствующего пессимизма. «Как вы можете покорно дожидаться расправы над собой?» — спросил я. «Я царь Шангри-Ла. Я пришел из Германии, чтобы привлечь монахов к нашему делу, найти “Книгу Дзян” и выпустить в мир сверхчеловека. Сегодня вечером я воссоединюсь с Учителями на небесах». Он напоминал заложника, заученно твердившего то, что ему велели похитители. Я сказал: «Лично я намерен сбежать, даже если меня убьют при попытке. Давайте вместе. “Книгу Дзян” прихватим с собой». Медленно, с заметным усилием царь поднял отягощенные золотом запястья и перевернул руки, будто впервые залюбовавшись своими браслетами. Он проговорил: «Сегодня ночью я сторю. Все, что от меня останется, — оплавленные куски этого чистого золота и несколько косточек, которые разбросают по горному склону за воротами гомпы. А утром они переплавят золото, переделают и подгонят браслеты и кольца так, чтобы они пришлись вам впору. Чтобы вы больше не мечтали о побеге». Он не лгал. Как он мог надеяться уйти куда-то, не говоря уж о пустынных горах? Ему стоило огромных усилий сделать пару шагов вверх по ступеням башни. Сама мысль о побеге казалась ему абсурдной. «Давайте попробуем снять их», — предложил я. «Нет. Это невозможно. Я вхож в любые помещения моего царства, за исключением мастерской. К тому же у меня нет опыта в таком деле, я лишь пораню себя». Какой же подлый способ лишения свободы, подумал я. Какие низкие люди эти ламы Шангри-Ла, строящие из себя святых правителей мира. «Это место — гнездо зла, — сказал я. — Здешние монахи не имеют никакой власти за стенами монастыря, они просто лишили вас свободы и намереваются убить...» Он возбужденно перебил меня: «Ложь! Я царь Шангри-Ла. На-

стоятель помог нам. С помощью “Книги Дзян” немецкий народ выиграл войну». Боже мой, подумал я, этот безумный человек даже не знает, что творится во внешнем мире. Мне захотелось встряхнуть его и вернуть к действительности. «О чем вы? — спросил я. — Германия проиграла войну. Победили союзники, и ваши мечты пошли прахом. Монахи не помогли вам». Царь взглянул на меня, и выражение его лица стало странным. Может, мне удалось достучаться до его сознания? Я продолжил говорить, но уже более мягко — боялся, что мои откровения окажут на него разрушительное воздействие: «Япония и Германия были разбиты. США, Франция и Британия победили. Гитлер покончил самоубийством, когда русские вошли в Берлин. Все кончено. Эти монахи не помогли вам, они просто взяли вас в плен». И тогда он рассмеялся мне в лицо безумным громким смехом, так что я невольно отступил на несколько шагов назад к лестнице. «Глупец! Тебе промыли мозги, как мы и хотели. Германия не проиграла войну. Какие три государства мира после тысяча девятьсот сорок пятого года стали мировыми экономическими центрами? В каких трех государствах мира самые высокие показатели продолжительности жизни и научно-технические достижения, самые качественные образовательные заведения, самые блестящие инженеры?» Я уставился на него, потрясенный. Царь улыбнулся мне, и его жуткий смех снова прокатился вдоль зубцов башни. Он продолжал: «Правильно: это США, Германия и Япония. Вот кто выиграл войну, а не “союзники”, как вы их там называете. Они обговорили между собой условия мира. Как мы и хотели. Как было предсказано “Книгой Дзян”. Должны были быть созданы три великие державы, чтобы повести человечество вперед: одно в Азии, одно в Европе и одно в Северной Америке. Они — двигатели всемирной мате-



риальной культуры, и когда она достигнет полного расцвета, мы принесем ее в жертву ради высвобождения колоссальных физических энергий. И тогда будет создан настоящий сверхчеловек». Мне было так противно его слушать, что к горлу подкатила тошнота. В отчаянии я попытался найти аргументы, но мой голос предательски дрожал, когда я заговорил: «Все не так. Нацисты были разбиты. Гитлер умер в Берлине». Царь с сожалением улыбнулся: «Мне жаль вас... Сколько нацистов предстало перед судом? Горстка. Они были казнены лишь потому, что по непонятным причинам не последовали за нами. А остальные? Одни пришли сюда, многие отправились в Америку, большинство же осталось в Германии. Нас никто не тронул, потому что мы победили. Что касается Гитлера — даже вы обязаны знать, что его тело так и не нашли. Мы управляли событиями отсюда. Лично я руководил великим триумфом германского народа. Многим пришлось пожертвовать собой, а сегодня и я должен присоединиться к их числу». Впервые в жизни я усомнился в своих знаниях. Я подверг сомнению ту мифологию, на которую последние шестьдесят лет опирались страны свободного мира: героическая борьба добра против зла, годы тьмы и долгожданная победа. В словах царя была истина: Германия, Япония и Америка стали мировыми гегемонами, и мир изменился до неузнаваемости благодаря их технологиям и материальной культуре, их машинам и компьютерам. Царь вновь улыбнулся мне и мягким голосом с покровительственными нотками продолжил: «Побежденным не обязательно знать, кто их победил. Пусть живут своими фантазиями. Вопреки тому, что видят их глаза, пусть продолжают верить, что не проиграли, что их страны не отброшены на задворки истории как отработанный материал. Единственное, что необхо-

димо, — это ускорить приход сверхчеловека». Мне казалось, что я проваливаюсь в пустоту. Я прошептал: «И это сделала “Книга Дзян”, она предсказала все это?» Глаза царя задорно сверкнули. «Да. Она здесь. Она — наше наследие. Она соединяет миры, связывает время и пространство. Она управляет нами. Она сегодня привела вас сюда, как приведет других. Она вдохновит следующую мировую войну, которая станет Сумерками богов*, чьи семена мы сеем уже сейчас. Мы устроим массовые человеческие жертвоприношения и тем самым поднимемся на новый уровень бытия. Вы будете царем. Вы поведете мир через пропасть. Вы будете великим разрушителем — Кали, воплощением смерти**. Я стоял перед этим человеком, и его золотые оковы так сверкали на солнце, словно от него самого исходило резкое ослепляющее свечение. Я почувствовал, что теряю себя. Я казался себе абсолютно ничтожным, мне чудилось, что я сколжу куда-то в темноту. Дорога в Шангри-Ла, десятилетия поисков, «меток чулен», гибель тертона, Изумрудная долина, гниющие головы и клетка для человека — у меня не осталось сил это выносить, но голос царя бился в мои уши: «Из глубин прошлого пришла “Книга Дзян”. Она помогла человеку выйти из состояния дикости и развиваться дальше. Наша работа близится к завершению. Мне так хотелось увидеть ее результат, но увя. Зато вы получите эту возможность. Вы и ваша царица, которую мы для вас уже вызвали». Я схватился за голову. «Черная магия! Это все черная магия...» Царь ответил: «Нет. Это голос Вселенной. Каждый, кто открывает эту книгу, попадает под ее власть. Книга в ответе

* Сумерки богов, или Рагнарек, — в германо-скандинавской мифологии гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой между богами и чудовищами.

** Индийская богиня смерти, разрушения, страха и ужаса, супруга разрушителя Шивы.



за все наши действия и мысли. Книга управляет всеми нами». На мгновение он замолчал. Этот человек напоминал религиозного маньяка. Надо было взять ситуацию под контроль и доказать его неправоту. Я почти кричал: «А кто создал “Книгу Дзян”? Люди? Если так, значит, она несовершенна, то есть подвержена ошибкам». — «Нет, ее писали не люди. Она сама себя написала. Она есть голос Вселенной, говорящий с самим собой». Я онемел от изумления. Как это? «Сначала она проявилась в рисунке на панцире черепахи несколько тысяч лет назад. Древние мудрецы разглядели глубину ее мудрости и перенесли ее на папирус. Книга начала обретать и наращивать силу, замышлять и разрабатывать свои планы. Те, кто доверял ей, процветали. Было сделано много копий. Сила ее росла...» Услышав эти слова, я почувствовал, что пробудился от страшного сна. Стоящий передо мной царь как-то сжался, превратился в обыкновенного человека... Черепаший панцирь? Древние мудрецы? Книга, набирающая силу и, как насадка, высиживающая интриги и коварные планы? И все это «произошло» из писем на панцире черепахи? Несусветная чушь. Сובлегчением я понял, что слушать его больше нет нужды. Нужно сделать одно: немедленно убираться. Ясно как день, что этот безумный царь не способен на побег, что ему мешают не только золотые оковы, но и большой разум. У меня не было никакого желания обзаводиться такими же драгоценными кандалами. Я оборвал разговор и сосредоточился на мыслях о побеге. Развернувшись, я направился вниз по ступеням, а слова царя все звучали у меня в ушах. У меня появилась идея: от «меток чулен» тертона Тхуптена Джинпа осталось немного порошка, и хотя я не до конца оправился после последнего сеанса, я собирался рискнуть и воспользоваться им. Я надеялся, что это поможет мне переправиться через горы и добраться до ближайшего торго-

го пути или поселка. Это была отчаянная надежда, но, кроме нее, у меня ничего не было. Если не удастся, я погибну в горах, но по своей воле, своей смертью, на свободе, а не на мерзком костре. Но прежде чем улизнуть, если это возможно, я должен украсть «Книгу Дзян».

Помощнику настоятеля казалось, что он бродит по Шангри-Ла вместе с чужаком. Опиум унес Антона в заоблачные дали. Он был искусным оратором, тевтонским бардом, он слагал удивительно красивую сказку, завораживающую каждого слушателя. А позади него расползлась манящая темнота — таинственные глубины пещеры призывали к забвению. Я не смог спасти этого человека, думал помощник настоятеля, я предал его. История о побеге оборвется в этом древнем месте. Его предадут, как это уже было однажды. Помощник настоятеля содрогнулся во тьме, поднял глаза к древним камням над головой, а голос белого человека все звучал в ночи...



Некоторое время полковник Жень вел их за собой. Они пробирались по тропе, карабкаясь все выше и выше, ползли на четвереньках, когда подъем становился совсем крутым. В одном месте дорога шла вдоль ручья, приходилось скользить и оступаться на облитых влажным мхом скалах. Жень шагал впереди, беспощадный и неутомимый. Он двигался так быстро, что даже Джек, бывалый альпинист, дышал тяжело, со свистом, а Нэнси просто задыхалась, у нее болели легкие.

Внезапно они остановились. Нэнси вытерла пот и пыль с глаз и увидела, что Джек стоял, уперев руки в бока, а Жень нетерпеливо расхаживал взад-вперед по короткому известняковому выступу. Затем она с горечью поняла, в чем дело: перед ними зияла пропасть, пересекавшая путь почти под прямым углом. Крутой обрыв вел к глубокой расселине, образовавшейся здесь, наверное, вечность назад, во время некоего геологического катаклизма. Пропась была около десяти футов шириной, и рядом с тем местом, где они стояли, лежал кусок веревки. Прикрепленная к стволу дерева, веревка змейкой вилась через известняковый уступ и исчезала за краем пропасти. На той стороне Нэнси разглядела другой конец веревки, привязанный к другому дереву, но это был всего лишь измочаленный обрывок — монахи ее перерубили, и пути через пропасть не было.

Она посмотрела на Жень: впервые с момента их встречи он потерял привычное спокойствие. Даже когда его освободили из сети, он держался независимо и бесстрастно, но сейчас, видела Нэнси, китаец был крайне взволнован.

Все еще тяжело дыша, Джек проговорил:

— Ну, можем перепрыгнуть, если очень постараемся.

Нэнси шагнула к краю. Невозможно было разглядеть дно расщелины — каменные стены круто спускались вниз, кое-где покрытые пятнами чахлой растительностью. Нет, такую бездну не перепрыгнуть. Жень покачал головой, бормоча что-то по-китайски, наклонился и внимательно оглядел склоны обрыва слева и справа от себя, насколько хватало глаз. Они стояли у самой узкой части пропасти, а джунгли были густые — спуск или подъем по обрыву занял бы долгие часы.

Не затрудняя себя объяснениями, Жень скинул рюкзак и вынул из ножен непальский нож Нэнси. Не говоря ни слова, он быстро направился в джунгли. Несколько мгновений Нэнси и Джек озадаченно смотрели друг на друга, затем услышали звуки — Жень рубил дерево.

Глянув вниз по тропе, Нэнси увидела Жень, возившегося со стволом дерева в десять ярдов высотой. Ствол был ровным, сантиметров пятнадцать в диаметре. Будет ли он достаточно прочным, этого Нэнси определить не могла. Жень повернулся к ним и, задыхаясь, крикнул:

— Рубите ветки, пока я управлюсь с ним, чтоб подтащить к краю.

Они поспешили вниз по тропе, и Джек принялся обрубать нижние ветви, а Нэнси оттаскивала их и сбрасывала вниз. После нескольких минут отчаянных усилий клинок Жень уже глубоко входил в ствол, но дерево упрямо не поддавалось, его верхние ветви по-прежнему

му переплетались с ветвями соседних деревьев. Разочарованно вздохнув, Жень принялся рубить ветки повыше, приподнимаясь на цыпочках и держась одной рукой за ствол. Джек схватился за концы покрытых листьями верхних веток, потянул изо всех сил, взревев от злости и напряжения, и повалил дерево на землю. Жень принялся яростно обрубать оставшиеся ветви, и через несколько минут они уже тащили ствол к обрыву. Нэнси поразилась, как быстро они управились. Мужчины обливались потом, но по их лицам было ясно, что они намерены перебраться на ту сторону как можно скорее.

Джек и Жень перебросили ствол через расщелину. Без колебаний полковник ухватился за него и повис на руках. На мгновение он исчез за краем обрыва, но затем Нэнси увидела, как Жень, раскачиваясь и перехватывая руками, продвигается через пропасть, как обезьяна по ветвям лесного полога. Со стороны все казалось просто, но как только Нэнси представила себя на его месте, она почувствовала головокружение и страх. Добравшись до противоположного края, Жень подтянулся, выбрался на тропу, достал веревку, которую прихватил из рюкзака Джека, проворно связал ею два конца старой перерубленной веревки — и мост был восстановлен. Теперь они с Джеком могли встать на ствол ногами и перейти на ту сторону, держась рукой за веревку, натянутую на высоте плеча.

— Вы первая, — хрипло проговорил Джек.

Для страха не было времени, успею испугаться позже, подумала Нэнси. Стараясь не смотреть вниз и не отрывать подошв от ствола, она приставными шажками начала движение, слыша позади шаги Джека. Веревка раскачивалась и потрескивала. Ступив на тот край обрыва, Нэнси тяжело дышала, ее била дрожь. Никто не проронил ни слова — они сразу пустились в путь.

Сгущалась ночь. В угасающем свете путники спешно пробирались вперед. Верхушки леса снова остались внизу, растительность поредела. Нэнси думала, что они приближаются к обрывистому склону, на котором видели монахов и Херцога. Впервые с того момента, как они вышли на скалистый выступ, полностью открылась цветущая долина. Там двигались крохотные дрожащие огоньки, разделенные равными промежутками примерно в милю.

Жень показал на них и сказал:

— Поисковые партии.

Глядя на вереницы огней, Нэнси почувствовала (очень отстраненно, словно в этот момент отделилась от своей судьбы), что ее силы уже на пределе, но при этом она близка к цели, к кульминации. Не хватало фантазии, чтобы представить, какие испытания ждут впереди, если им удастся догнать Херцога. В Дели Нэнси думала, что она имеет ясное представление об Антоне Херцогe: он воспитанный и любезный, энергичный и целеустремленный, эксцентричный, но по сути предсказуемый — с ее точки зрения, в несложной системе координат ее мира. И вдруг в этой системе стали возникать, накладываясь друг на друга, новые слои, черты и мотивы. Нэнси уже не понимала, кто этот человек на самом деле. Однако ни с кем прежде она не ощущала такой связи на расстоянии: для его личности как будто не существовало никаких мыслимых пределов.

Она проделала бесконечный путь от суматошных улиц Дели до этой узкой пропасти, до последнего моста на бесплодном обрыве, где не росли даже мхи и лишайники. С этого каменного выступа она шагнет к своей судьбе.

Нэнси взглянула вверх. Она поняла только, что полковник зашагал вперед.

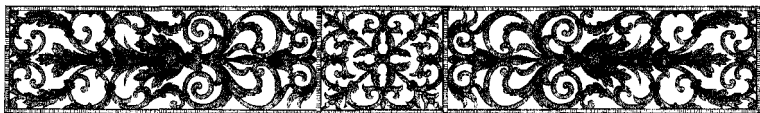
«Неутомимый», — подумала Нэнси.

Отчего же они так спешат, что так неумолимо тянет их вперед, какая сила, таящаяся в их маленьком отряде или действующая извне? Нечто в тревожной ночи, древняя сила гор, не доступная их пониманию.

Тут она увидела, что полковник Жень повернулся к скале, но вдруг стремительно пригнул голову и исчез.

— Он нашел! — воскликнул Джек, устремившись к провалу на склоне.

Нэнси заставила себя последовать за ним, ее сердце отчаянно билось.



В темноте Нэнси услышала голос. Надтреснутый, полный отчаяния, совсем не характерный для полковника Женья.

— Они ушли! Мы опоздали.

Его слова отдались глухим эхом. Нэнси потрясенно молчала. За ее спиной разочарованно вздохнул Джек.

— И что, не оставили ни знаков, ни следов? — спросил он.

Задышавшись после финального броска к пещере, Нэнси оперлась ладонью о сырую стену и согнулась — ее мутило.

И тут изменившимся голосом Жень воскликнул:

— Пойдите. Смотрите!

Нэнси повернулась и увидела, что взгляд полковника прикован к чему-то в темноте у входа в пещеру. Он присел на корточки и чиркнул зажигалкой. Язычок пламени бросил на стены пещеры танцующие тени. И там, в пляшущих тенях и полусвете, Нэнси различила на полу некую фигуру. Еще раз чиркнула зажигалка — и она поняла: человек.

— Это Херцог? — охнула Нэнси и мгновенно подскочила к Женью. — Мертвый?

Человек рядом с чуть дымящимися остатками костра — в темноте они прошли мимо него. На тело был брошен кусок полиэтилена, голова бессильно повернута



набок. Он не подавал признаков жизни. Жень осветил зажигалкой его лицо. Джек, качая головой, присел рядом и вгляделся в лицо несчастного.

— Бог ты мой, — тихо проронил он. — Он, точно. Похоже, перенес жуткую лихорадку. Сам на себя не похож.

Кожа, обтягивавшая темные впадины щек изможденного лица, напоминала тонкий пергамент. Спутанные седые волосы прилипли к черепу. Лицо было бескровно-бледным. Жень осторожно приложил два пальца к его шее, нащупывая пульс.

И тут глаза человека резко распахнулись.

— Фу ты, черт... — Джек в ужасе отшатнулся.

— Скорее, ему нужна помощь! — сказала Нэнси. — Воды!

Джек принялся рыться в рюкзаке.

— Да не вода нужна, а лекарства.

Он достал пузырек с таблетками. Жень с сомнением взглянул на него.

— Не уверен, что нам удастся заставить его проглотить это.

Херцог пытался что-то произнести, выпучив глаза от усилия:

— Ту... Тру...

Это напоминало предсмертный хрип. Жень с безмолвной просьбой посмотрел на своих спутников.

— Что он говорит? О чем просит?

— Не понял, — ответил Джек.

— Тру... — хрипел Херцог. — Тру...

Нэнси едва не закричала:

— Трубка! Вон, на земле. Он просит трубку.

На расстоянии вытянутой руки от умирающего лежала тоненькая черная опиумная трубка.

— Жень, сделайте что-нибудь. Он просит опиума — у него, наверное, сильные боли.

Жень передал зажигалку Джеку, подобрал трубку и осмотрел ее.

— Пустая. Надо поискать, может, где-то здесь есть еще...

Нэнси вглядывалась в лицо Херцога, похожее на маску смерти. Сухие губы вновь разомкнулись, показался язык. Джек достал из рюкзака флягу с водой и протянул Нэнси. Она отвинтила пробку, коснулась горлышком губ Антона и осторожно влила ему в рот несколько капель. Очень медленно он перевел на нее глаза и проронил одно слово:

— Пояс.

Жень откинул голубую пленку, обнажив едва прикрытое грязными лохмотьями высохшее тело и голые ноги в жутких болячках. Пояс с карманом для денег огибал тощие бедра. Полковник резко открыл карман на поясе, пошарил внутри и достал шарик опиума.

Действуя быстро, Жень нагрел шарик на кончике носа. Когда опиум начал тлеть, он ссыпал его в трубку. Затем вставил обкусанный мундштук меж губами Херцога и придержал его так.

— Затянитесь, — сказал он.

На мгновение все замолчали, загнипнотизированные тусклым свечением в чашечке трубки. Когда Херцог вдыхал, угольки загорались.

— Дышите, дышите, — повторял Жень.

Огоньки вновь потухли, потом засветились. Чуть погодя костлявая рука медленно высвободилась из-под лохмотьев и потянулась к трубке. Жень разжал пальцы, отдал трубку Антону и сел на пятки.

Две минуты спустя костлявая рука выронила трубку, и она упала на песок. Никто не решался заговорить: охваченные тревогой и неуверенностью, все ждали. И вот Херцог повернул к ним голову.

— Благодарю... — Он кашлянул и коснулся рта ко-
стяшками пальцев. — Пожалуйста, дайте еще воды.

Нэнси опять осторожно прижала горлышко фляги к
губам Антона. Он сделал несколько глотков.

— Большое спасибо.

Нэнси с трудом узнавала его голос, бессильный про-
зрачный, выпитый болезнью. Антон говорил чуть слыш-
но и совсем не походил на прежнего себя — харизматич-
ного сильного мужчину. Но все же что-то оставалось,
некая деталь — Нэнси не могла с уверенностью сказать,
что именно, глубина или сила устремленного на нее при-
стального взгляда, заставившая ее молча опустить гла-
за. Никто не находил слов, и в пещере повисла тишина,
пока призрак не вымолвил:

— Прощу вас... Не могли бы вы помочь мне... На-
до... Что-то вроде подушки. Приподнять голову... Тяже-
ло дышать... И говорить.

Он замолчал. Джек сделал из своего рюкзака подобие
подушки и бережно приподнял голову Антона. Херцог
застонал и с облегчением вздохнул, когда голова опу-
стилась на рюкзак. Он вновь открыл глаза и вниматель-
ным взглядом прошелся по лицам троих путешественни-
ков, задержавшись на Нэнси. На этот раз она не отвела
глаз и подалась вперед, чтобы расслышать слабый ше-
пот.

— Нэнси Келли, я рад, что вы дошли. — Он закрыл
глаза на несколько секунд. На этот раз в уголках его рта
Нэнси уловила подобие улыбки. — Каждому магу нужен
медиум, а каждому царю — царица. За вами послали, и
вот вы здесь.

— Он бредит, — сказал Джек. — Он болен.

— Погодите, — прервала его Нэнси, подняв руку. —
Херцог, мы знаем, зачем вы прибыли в Пемако. Мы зна-
ем, что вы ищете. Вашим отцом был Феликс Кениг. Нам

известно, что вы охотились за арийской мечтой нацистов. Я говорила с Майей, я...

Слова замерли у нее на языке: что бы она сейчас ни говорила, все это впустую. Она чувствовала, что в пещере царит харизма Херцога. Нэнси отчетливо представляла себе его дух, его силу, доверху наполнявшие оставшуюся внизу долину. Она ощущала себя крохотной и незначительной рядом с ним. Она все-таки нашла его, но понятия не имела, с чего начать.

— Херцог, что с вами стряслось? — торопливо вмешался Джек. — Что вы делали в Тибете? Куда девался тертон? Где монахи?

Призрак произнес:

— Я нашел ее и познал истину.

Джек и Нэнси озадаченно переглянулись. Нэнси склонилась над Херцогом и, отчетливо проговаривая каждое слово, на случай если он и вправду бредил, спросила:

— Вы нашли терма? Вы нашли «Книгу Дзян»?

Херцог скривился от боли и на секунду прикрыл глаза. Затем проговорил:

— Вас привлекли сюда силы, находящиеся за пределами вашего понимания, милая девочка. Вы отчаянно бросились в погоню за мной, не осознавая, зачем и почему. Разве не так?

Так, мысленно согласилась Нэнси. Она все время боролась с этой неопределенностью, но так и не поняла, почему ее тянуло в Тибет, почему она делает все это, откуда в ней решимость очертя голову броситься на поиски едва знакомого человека. Эти вопросы ставили ее в тупик, сбивали с толку. Когда она встретила Херцога лицом к лицу, она испытала еще большее недоумение. Нэнси старалась не думать о своих мотивах, но какое-то болезненное чувство не отпускало ее. Ее выманили, вызвали. Нэнси поняла: ее действиями управляла не она сама, но что-то вне нее.

— Я отправилась сюда, чтобы найти вас... — Она запнулась. — Я хотела выяснить, что с вами случилось.

— Ну вот, вы меня нашли. Увы, слишком поздно. Джек опять вмешался:

— Херцог, где терма? Где «Книга Дзян»? Что в ней, в той книге?

— Джек Адамс, вы хороший человек, но ужасно примитивный. Вам никогда этого не понять.

— Не задирайте нос, Херцог. — Джека изумил надменный тон Херцога. — Если кто чего не понимает, так это вы. Вы одурманены Тибетом и нацистским оккультизмом, и вот до чего они вас довели.

— Чушь! Вы недалекий американский мальчишка, который верит всем нелепостям и выдумкам о мире. Вы слишком материальны, и это не дает вам постичь истину.

— Кто дал вам право относиться ко мне свысока, Херцог?

Нэнси поспешила вмешаться.

— Джек, пожалуйста! Пусть говорит, дайте ему высказаться. — Она посмотрела на умирающего.

Херцог закашлялся, и его жуткое изможденное лицо скривилось, изобразив некое подобие улыбки. Это напоминало хищный оскал черепа — таким высохшим и костлявым было его лицо, и Нэнси отпрянула, хотя и попыталась выдержать его взгляд.

— Этот мальчишка не верит мне. Иного я и не ждал. Но вы поверите и поймете. Вот почему я вызвал вас сюда, прислав вам ту костяную трубу. Видите ли, я много лет помогал вашей карьере и рекомендовал издателю повысить вас, еще не понимая, чего ради делаю это. Вернее, я считал, что ценю ваши профессиональные качества и успехи. Именно так и действуют цари Шангри-Ла. Мы всегда последними узнаем об истинных мотив-

вах наших деяний. Я послал вам кость, руководствуясь инструкциями Оракула. Оракул знал, что вы понесете ее Джеку Адамсу. Джек — единственный в Дели, кто способен идентифицировать такую вещь, и единственный, кто мог привести вас сюда. Как только Джек Адамс увидел кость и понял ее ценность, он уже не мог противостоять собственному тщеславию. Оракул знал, что Адамс готов на все, лишь бы узнать, где я нашел реликвию. Кость стала отличной приманкой.

Херцог помедлил, и его глаза помутнели, словно он уносился назад, в воспоминания, считая реальностью именно их, а не дрожащие тени пещеры.



Антон Херцог заглянул в далекое прошлое. Перед его взором появилась каменная фигура рыцаря в величественном соборе: голова покоится на подушке, руки скрещены на груди. Он будет лежать здесь вечно... Если бы он только мог открыть этим людям хотя бы часть этих видений. Он зашелся кашлем, острой болью пронизавшим грудь; легкие уже отказывали, времени осталось слишком мало. Слишком мало, чтобы думать, вспоминать, жить. Чтобы высечь свою жизнь на этих суровых безрадостных камнях. Какое-то время его будет поддерживать опиум, но потом зелье перестанет действовать, и Херцог скользнет по спирали в темноту. И спирали той не будет конца, если только за ним не придут. Если за ним не придут из Шангри-Ла.

С чего же начать? Как объяснить им, что он открыл и каковы страшные последствия этого? Херцог неторопливо приступил к рассказу, воскрешая прошлое в надежде, что оно само заскользит в танце на обступивших его темных стенах пещеры. Он слышал собственный голос как будто со стороны — слабый хриплый шепот.

— Как-то раз худой, аскетичный, коротко стриженный человек в штатском попытался перейти мост Бремерверде. Это было двадцатого мая тысяча девятьсот сорок пятого года, война кончилась...

Херцог снова закашлялся, чувствуя невероятную боль в легких. Когда она чуть улеглась, позволяя сделать вдох, он продолжил:

— Мост охраняли британские солдаты. Они окликнули прохожего. Его правый глаз прикрывала перевязь, а при себе он имел документы на имя Хитцингера. В последующих донесениях солдаты в один голос утверждали, что человек был очень странный. Документы были явно фальшивые, поэтому солдаты арестовали его и доставили в ближайшее отделение военной полиции. Там его в течение трех дней и трех ночей допрашивали, пока, вконец измотанный, он не снял свою перевязь и не сказал: «Мое имя — Генрих Гиммлер, я рейхсфюрер СС. Хайль Гитлер!»

Херцог застонал, боль вновь скрутила его. Жень погасил зажигалку, и в темноте пещеры три пилигрима дожидались продолжения рассказа...

— Разумеется, поначалу ему не поверили, решив, что он сумасшедший. Его раздели и предложили на выбор американский костюм или одеяло беженца. Он выбрал одеяло. Его собрались осмотреть на предмет ампулы с ядом, но он не успели: ампула была имплантирована в один из зубов, и он раскусил ее. Его похоронили в лесу, в безымянной могиле...

Дрожащим от страха голосом Нэнси перебила:

— Зачем вы нам рассказываете это, Херцог? Вы что, симпатизируете этому извергу? Почему вы отправились за отцовской мечтой?

— Дитя мое, симпатия или антипатия здесь ни при чем. Мой отец Феликс Кениг несколько раз встречался с этим, как вы сказали, извергом и рассказывал мне, что этот человек придерживался абсолютно иной этической системы. Судить его по общепринятым меркам бессмыс-

ленно. Он был как африканский шаман. Монах-воитель из другого мира. Он не был европейцем, живущим по законам совести и морали иудейско-христианской цивилизации. За двенадцать лет, пока нацисты были у власти, на берегах Рейна поднялась новая цивилизация и родилась новая этика, кардинально отличная от всего, что ей предшествовало...

На этот раз Херцога прервал Джек:

— Вот как надо рассказывать о банде преступников!

Последовало молчание, поскольку реплика Адамса прервала транс Херцога. Затем из темноты вновь зазвучал тихий бесстрастный голос:

— Называя их преступниками, вы демонстрируете пугающую бедность своего разума. Если вы оцениваете нацистов по общепринятым моральным критериям, вам не суждено постичь их тайну. Как судьи в Нюрнберге или на процессе Эйхмана в Иерусалиме, вы демонстрируете лишь свое ханжество и лицемерие, свой собственный моральный вакуум. А природа, как известно, не терпит вакуума. Все, что вы сейчас творите — это подготовка нового холокоста.

— Да как вы смеете говорить такое!..

Нэнси опустила ладонь на руку Джеку.

— Джек, пусть говорит.

Резкий кашель эхом разнесся в темноте, и Херцог продолжил:

— Парень сердится, это вполне естественно. Неприятные истины всегда так действуют. Он усвоил материалистическую трактовку истории во всем ее лицемерии: якобы необузданная инфляция и неудовлетворенность итогами Первой мировой войны вынудили народ Германии избрать лидера, в итоге оказавшегося кровожадным маньяком. Традиционная наука предпочитает эти жал-

кие объяснения, но человека, арестованного на мосту Бремерверде, нельзя считать всего лишь одним из горстки сумасшедших. Арийская раса была призвана сбросить чужих богов и вернуться к истокам. А призвали ее высшие силы, ей самой неподвластные.

В ужасе от услышанного, Нэнси проямлила:

— Как вы можете говорить такое? Они же отправили вашего отца на верную смерть. Сталинград должен был стать его могилой...

Херцог остановил ее:

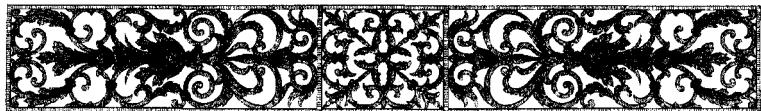
— Мой отец видел гораздо дальше этих ограниченных людей. Гитлер, Гиммлер — это все воинствующие мясники. Ему до них не было дела — он видел в конце пути Шангри-Ла и понимал суть событий. Почему евреям дозволено иметь свои традиции и историю, а арийцам нет? Почему тибетцам можно, а арийцам нельзя? Отец был верен истине, а не нацистскому режиму. Он хотел показать немцам, откуда они родом и каково их наследие. Однажды я попросил его рассказать о Сталинграде, о зимней битве, о боях на улицах и в развалинах — об этом безнадёжном, безжалостном и безрассудном сражении. Как это подействовало на него, не возненавидел ли он мечту, положившую начало войне? Неужели ему по-прежнему хотелось возродить германское наследие, найти «Книгу Дзян» и Шангри-Ла? Я ждал признания, что все это стало для него варварством и иллюзией после Сталинграда. Однако отец посмотрел на меня сквозь слезы и просто ответил: «Это было потрясающе...» Тогда я его не понял, но теперь... Теперь понимаю.

Не в силах сдерживаться, Джек раздраженно бросил:

— Вы сумасшедший, Херцог. Психопат, готовый оправдать что угодно. Вы перешли моральный Рубикон. Это слишком.

— Нет. Я побывал в Шангри-Ла и видел «Книгу Дзян». — Херцог сделал паузу. — Я расскажу вам, и вы поймете. Вы тоже узнаете правду.

Они слышали его тяжелое дыхание в ночной тишине. Затем Херцог заговорил, и голос его стал глубже и тише, но неожиданно обрел силу. Казалось, он звучал у них в головах.



Ночь, пещера, темнота — все изменилось, все было забыто, когда Херцог утянул их в мир своей изумительной, невероятной, сказочной истории. Из маленькой деревушки в Австрии они перелетели в Аргентину, Америку и наконец в Тибет. Нэнси закрыла глаза, и перед ней заплясали видения. Глазами Антона Херцога она увидела его отца в молодости — профессора-труженика, много лет отдавшего Мюнхенскому университету. Вместе с ним она перенеслась через десятилетия и континенты к той самой Изумрудной долине и далее, в страшное царство Шангри-Ла. Вместе с ним из уст царя узнала правду о мире и о жуткой судьбе, поджидавшей его в случае неудачного побега.

— И вот, я забрал из своей кельи рюкзак и спустился на первый этаж.

Голос Антона гулким эхом отдавался прямо в мозгу Нэнси. Она путешествовала вместе с ним.

— Я брел наугад, стараясь запомнить расположение коридоров и переходов; по счастью, мне не встретилось ни души. Неожиданно я выбрался на внутренний дворик, в центре которого виднелся монастырский колодец. Торопливо, в страшной панике я напился воды — она была кристально чистой и сладкой, как вино, — и наполнил свои фляги. И тут мне улыбнулась удача: у стены стоял мешок с кампой. Я выпотрошил рюкзак, бросил на землю зубную щетку, бинты, бесполезные кар-



ты и доверху наполнил его цампой. Мешочек с мукой, оставшейся от «меток чулен», я обвязал вокруг шеи — это было самое ценное имущество. Продолжив разведку, я обнаружил комнату, где хранился садовый инвентарь, несколько толстых зимних тулупов и засаленная шапка из ячьей шерсти. Я выбрал самый большой тулуп, а в карман затолкал шапку. Теперь я был более или менее подготовлен к побегу, оставалось только найти «Книгу Дзян». Отыскать библиотеку мне удалось довольно быстро; как призрак в заброшенном замке, я неслышно скользил по коридорам и комнатам, пока не набрел на просторную комнату, заполненную книгами. В центре помещения возвышался золотой пюпитр. Я поспешил к нему лишь для того, чтобы убедиться: книги на нем нет. Я огляделся: тысячи тысяч древних томов полнотью закрывали стены. Чтобы проверить каждую из них, потребовалось бы несколько недель, а в моем распоряжении, увы, были считанные минуты. Я поначалу разозлился, но тут же вспомнил нелепые слова царя: «Книга Дзян» выцарапана на черепашьем панцире, а позже перенесена на пергамент. Она хранит размышления о Вселенной и говорит сама с собой. «Сущий бред и черная магия», — сказал я громко вслух, резко развернулся и пустился на поиски выхода. Я подозревал, что придется пробираться к дальней стене монастыря и спрыгивать с нее или ползти вниз. Значит, нужна веревка. Но на деле все оказалось куда проще. Из коридора я вышел на задний двор, в дальней стене которого виднелась дверь. К ней я и поспешил, ни секунды не сомневаясь, что она закрыта, но все-таки потянул за ручку. Дверь распахнулась, открыв моему взору горный склон. Я едва верил своей удаче, но очень скоро понял: единственная причина такого легкомыслия монахов — полная уверенность в том, что никому не взбредет в голову бежать отсюда и ни один непрощенный гость не явится

к ним из суровой горной пустыни. День угасал, когда я неслышно ступил за порог и бесшумно прикрыл дверь за собой. Страх звенел в каждом нерве моего тела, когда я сделал первый шаг по скалистой земле. Если меня сейчас схватят, возможности бежать мне больше никогда не представится и моя ужасная участь будет предрешена. Поправляя на плечах лямки рюкзака, я заметил на земле что-то блестящее и наклонился посмотреть. Это был мундштук костяной трубы. Я тотчас обратил внимание, что у основания стены валялось огромное множество древних костей; мои ноги по щиколотки утопали в них. Я стоял на кладбище царей Шангри-Ла. Я поднял костяную трубу и сунул ее в рюкзак: по крайней мере, у меня останется вещественное доказательство жуткого путешествия — если, конечно, побег удастся. Спустя несколько минут меня уже отделяла от гомпы половина мили. Я обернулся, чтобы бросить последний взгляд на монастырь. Мрачный силуэт башни почти сливался с сумеречным небом. Было ли это игрой воображения, или я и в самом деле разглядел фигурку несчастного царя, устремившего взгляд к звездам в ожидании своей страшной участи? Не исключено, что я спас его: после моего побега его отречение отменят, царь останется жить до появления очередного новичка. Он еще некоторое время сможет лелеять свои нездоровые иллюзии и править миром — или тем, что он считает миром. И все же я не исключал вероятности того, что за мной вышлют погоню. Мысль об этом подгоняла меня, заставляя быстрее карабкаться вверх по каменистому склону туда, где, как я полагал, находилась расщелина, ведущая к перевалу. Это было очень тяжело: разреженный воздух содержал мало кислорода, и я чувствовал себя так, будто мои легкие работают вхолостую. Прошел час, а я все еще лез вверх и по-прежнему задыхался. Последние серые полутона дня готовы были исчезнуть, и я решил



сделать привал, сориентироваться на местности по первым звездам и постараться запомнить расположение горных пиков, прежде чем их поглотит ночь. Я замесил себе немного цампы и муки «меток чулен» с водой, самостоятельно приготовив первую дозу волшебного снадобья тертона. Затем вновь развернулся в сторону склона и уже чуть медленнее продолжил путь в темноте. К рассвету я достиг верхней точки перевала, и передо мной предстало обширное плато — детально описанное царем, оно и впрямь напоминало лунный пейзаж: усеянное рытвинами и камнями разной величины, от яблока до головы человека, оно очень скоро отняло у меня все силы. Для поднятия боевого духа я позволил себе небольшую передышку — постоял, глядя вниз на ущелье. Видимость была хорошей, и можно было разглядеть склон на протяжении всех семи миль моего восхождения: никаких признаков погони. Значит, если монахи все-таки пустятся по моим следам, у меня будет как минимум двенадцать часов форы. Подстегиваемый сильнейшим возбуждающим средством — страхом за свою жизнь, — я внезапно осознал, что главные опасности поджидали меня впереди. У меня имелось весьма смутное представление о том, где я и куда идти. Кажется, я находился где-то к юго-западу от гомпы Литанг в одной из складок горного хребта, предположительно более чем в ста милях от долины Цангпо. Но такие расстояния — ничто в Гималаях. Ни один маршрут не идет по прямой. Дороги делают бесчисленные зигзаги вверх и вниз по склонам, через высотные перевалы, из ущелья в ущелье. Сколько горных долин лежало на моем пути в Пемако, я не знал, но подозревал, что не меньше десятка. В дополнение к десяти или одиннадцати перевалам будет неизвестное количество плато — таких, как распростертое передо мной сейчас, и бесчисленное множество препятствий иного рода: непроходимых речек с ледяной водой, непре-

одолимых пропастей, заваленных снегом горных склонов. Тысячи шансов получить растяжение, вывих лодыжки либо перелом... А весь мой арсенал составляли компас, ночные звезды над головой, литров десять воды, мука и цампа. В таких ситуациях нет смысла ничего загадывать. Самое лучшее — просто идти вперед, сосредоточившись на сложном поиске кратчайшей тропы. Хорошо, что хотя бы мука тертона начала действовать. У меня давно болели ноги, ступни покрывали синяки от ударов о камни, но под действием снадобья боли стали стихать. Потом, несмотря на все сложности моего пути, начались видения — результат действия галлюциногенов. К полудню я чувствовал себя так, будто выпил залпом бутылку шампанского. Я ощущал небывалую бодрость, шаг мой был скор, голову не обременяли никакие мысли, кроме одной: не забыть бы с наступлением сумерек съесть еще немного муки. Не знаю, долго ли я пребывал в таком состоянии. Я сознавал лишь, что должен идти не останавливаясь, пока не набреду на какую-нибудь деревню или не сломаю себе шею, сорвавшись с высоты. Солнце неторопливо скатилось вниз по пологой дуге, луна вскарабкалась высоко в ночное небо, а затем пропала, как актер, скрывшийся за кулисами. Затем опять появилось солнце, заиграло лучами над скалистым плато. Я пробирался вниз по ущелью, огибая огромные валуны. На пути мне попался широкий круг из камней, напомнивший британский Стоунхендж. Я сел, привалился спиной к самому крупному камню мегалита, представил себе людей, соорудивших все это вечность назад, и почувствовал себя неописуемо одиноким, утратив последние проблески надежды. Ландшафт вокруг меня раскинулся непостижимо широко, и я казался себе муравьем, пробирающимся через гигантские каменные каньоны под бесконечными завесами небес. Солнце тонуло в кровавой вечерней заре. Сколько дней так



продолжалось — не ведаю. Я пересекал широкую степь, до костей продуваемый завывающим ветром; спускался в ущелья, как в глубины ада; взбирался на горы, преодолевал перевал за перевалом и наконец, полуживой от усталости, сбежал со склона очередной горы и очутился около густого леса на какой-то равнине. Я понятия не имел, где нахожусь, но здесь можно было найти съедобные корни и кору, а с ледников бежали прохладные ручейки чистой воды, о которой мечтал мой пересохший рот. Теряя последние силы, я вдруг увидел невероятно захватывающее зрелище, не менее шокирующее, чем царь Шангри-Ла или уготованные ему клетка и погребальный костер. Я находился на открытом всем ветрам высокогорном плато, но в отдалении видел то, что в своем бредовом состоянии принял за пугало. Одинокая фигура человека, тощего как скелет, неподвижного и как будто не замечающего ветра и жары. Я пошел к нему, крича и махая рукой. Никакой реакции. Я приблизился. Монах, одинокий отшельник, сумасшедший — бог знает, что он делал здесь, за многие мили от людей. Он стоял на одной ноге в позе журавля, руки сложены в молитве, правая нога выпрямлена, левая поджата к паху. Я не верил своим глазам. Подойдя ближе, я попытался привлечь его внимание. Вдруг у него есть еда и питье? Вдруг он скажет, где я? Но я ничего от него не добился. Ни слова! Я умолял, кричал на него, в конце концов упал на колени и разрыдался, но монах не обращал на меня внимания, лишь бормотал себе под нос молитву. Сколько дней или недель он тут стоял? Неизвестно. У него не было ни крошки хлеба, ни горстки цампы, ни даже фляги с водой. У него не было ничего — только лохмотья, едва прикрывавшие тело. Возможно, он решил, что я галлюцинация или один из демонов, которых он успешно поборол. Ведь на таком плато не встретишь человека, тем более белого. Меня для него не су-

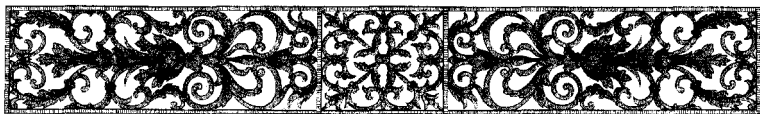
ществовало. Я воспринял это как знак того, что человечество отказалось от меня. Мне даже подумалось, что я умер — вот почему монах меня не видит. Я обречен вечно скитаться, как призрак, и никто не узнает о моей судьбе и о моем открытии. Затем вдруг родилась новая мысль. Она возникла в моей голове в образе гексаграммы, отвечавшей на мой вопрос: «Что мне делать?» Со мной заговорил Оракул. Я больше не нуждался в стебельках тысячелистника или книге. Я был на одной волне с ее силами, и она говорила со мной напрямую. Из многолетней практики я точно знал, что мне велела делать гексаграмма. Я достал костяную трубу, обернул вокруг мундштука бейджик «Трибьюн», порылся в рюкзаке и отыскал ручку. Свой дневник я потерял и уже отчаялся найти хоть клочок бумаги, но на самом дне рюкзака, под мукой «меток чулен» нашарил маленькую фотографию далай-ламы. Я всегда брал с собой в путешествие его фотографии — они были очень ценными подарками, поскольку распространение его изображений в Тибете запрещено. На обороте снимка я нацарапал несколько прощальных слов. Я полагал, что в Дели мне уже нашли замену, и не сомневался, что это вы, Нэнси Келли. Поэтому я послал кость именно вам — Дэн Фишер твердо обещал, что следует моему совету... Но стоило подумать об этом, и я тотчас понял, почему так пристально все эти годы наблюдал за вашей карьерой. Да, вы блестящий журналист, идеальный кандидат, который в один прекрасный день сменит меня на моем посту. Но истина в том, что Оракул предрек вам стать моей царицей. Как всегда, он начал плести свои интриги заранее, он использовал меня, чтобы манипулировать вами, и заставлял меня думать, будто все происходит по моей собственной воле. Но меня постигла неудача, думал я. Я разрушил его тщательно разработанные планы. Мне суждено умереть в этой пустыне, а вы не доберетесь до Шангри-Ла. Затем

я прибегнул к секретному приему, о котором узнал в процессе изучения древней системы ба-гуа*. Я коснулся точки на шее монаха под левым ухом и приказал ему: «Доставишь эту кость в Индию далай-ламе — он знает, что делать, и передаст ее полиции». Техника внушений ба-гуа необычайно сильна, но дойдет ли она до рассудка впавшего в транс безумного монаха, я не знал. Однако я должен был попытаться. Затем, теряя сознание от усталости, я повернулся и побрел через это окаянное раскаленное плато; мои легкие горели огнем. Сумасшедший монах за моей спиной так и стоял — одинокая фигура посреди дышащей жаром каменной пустыни. Мое состояние было опасно для жизни. Тело израсходовало все резервы, мышцы слабели с каждым часом. Даже мука «меток чулен» больше не помогала. Но в этот трудный час я обрел недолгое утешение. Не сознавая, куда иду, продрался через заросли на небольшую поляну. В центре ее, к моему изумлению и радости, чуть теплились остатки костра. Я тяжело упал на землю. Из последних сил подполз на четвереньках к костру, рухнул ничком, перевалился на спину и принялся молиться, чтобы тот, кто развел костер, вернулся прежде, чем я испущу дух. Через некоторое время я очнулся и увидел над собой две фигуры в изодранных рубахах из ячьей шерсти и ботинках из ячьей кожи. Это были не тибетцы, а представители одного из множества туземных племен, что обитают в дальних долинах, следуют верованиям древних анимистических религий и живут в первобытной дикости. Едва я открыл глаза, как они стремительно выхватили из-за поясов ножи и замахнулись на меня. Я сжался от страха и краем глаза заметил, что это их немного успокоило. Туземцы принялись негромко переговаривать-

* Ба-гуа — система триграмм, схем из трех черт, впоследствии преобразованная в гексаграммы «Книги перемен».

ся на странном языке, который я слышал впервые. Затем старший опустил нож, отстегнул от пояса флягу с водой и, протягивая ее мне, что-то проговорил. Я вымучил улыбку, хотя даже это далось мне с дикой болью, и с благодарностью отпил воды. Старик внимательно наблюдал за мной. Когда я закончил пить, он снова заговорил, на этот раз на плохом китайском с сильнейшим акцентом: «Хорошо?» Я ответил: «Лучше, но не хорошо. Пожалуйста, скажите, где гомпа Литанг?» Мой вопрос вызвал у туземцев новый всплеск непонятного лепета. Затем старик вновь попрактиковался в китайском: «Золото есть? Соль есть?» — «У меня ничего нет. Отведите меня в Литанг, я заплачу вам, когда доберемся туда». Я не был уверен, поняли туземцы меня или нет. Они вновь заспорили. Затем оба подошли к костру и воткнули в него свои ножи. Я не понимал, что они замыслили. Старший вернулся ко мне. Они приняли какое-то решение. «Мы слушать кость, — загадочно объявил старший. — Кость скажет нам». Я кивнул и с грустью подумал: как жаль, что нет со мной Оракула. Последние несколько дней я многое отдал бы за возможность спросить у него совета. Быть может, я не оказался бы в таком страшном положении, если бы не оставил Оракул в Дели, получив от него рекомендацию немедленно отправляться в Шангри-Ла? Вспомнив об этом, я спросил себя (вынужден признаться, что в моем тогдашнем состоянии я осмелился усомниться в мудрости Оракула): зачем он отправил меня сюда? Чему он хотел научить меня? Что хотел доказать, кроме нелепости моей навязчивой идеи и чрезмерности моего самолюбия? Искоса я наблюдал за туземцами — они подбрасывали хворост на угли, разжигая костер. Как только весело заплясали языки пламени, один из них осторожно положил в середину костра наконечник копья. Оба молча сидели на корточках несколько минут, глядя на огонь, дожидаясь некоего зна-

ка или сигнала, который решит мою судьбу. Затем, ору-
дую длинной палкой, старший выкатил наконечник из
огня на землю. Оживленно чирикавая на своем языке, они
вдвоем закрепили наконечник копья на древке. Мне труд-
но описать то, что случилось дальше. Не из-за невероят-
ности происшедшего, но лишь потому, что воспомина-
ние заставляет мое сердце больно сжиматься от страха.
Тот, что помоложе, полез в свой мешок и вытащил некий
предмет. В другой ситуации эта вещь не имела бы для
меня никакого смысла, но в тот день, в тот час, после жест-
очайших испытаний, после кошмарных рассказов бе-
зумного царя... При виде этого предмета леденящий ужас
пронизал все мое существо: это был панцирь черепахи.
Туземец опустил его на землю и, занеся над ним правую
руку, пробормотал несколько фраз. Старик в это время
размахивал копьем, а затем с силой ударил по панцирю
раскаленным докрасна наконечником копья — сбоку,
рядом с тем местом, где было отверстие для левой перед-
ней лапы. Я услышал негромкий треск, и двое тузем-
цев усталились на расколовшийся панцирь. Старший
отгреб в сторону из-под ног сухие листья и, к моему ужа-
су, стал царапать на земле какой-то символ — вне всяких
сомнений, гексаграмму... На этом месте моя история об-
рывается, поскольку в тот миг последние силы оставили
меня и я потерял сознание. Очнулся я много дней спу-
стя, привязанный к носилкам, на которых несли меня
через джунгли монахи Бон. И как только я очнулся, я
заплакал горькими слезами, потому что понял: никогда
не быть мне творцом своей судьбы. Я был пешкой в чу-
ужой игре, и царь Шангри-Ла сказал правду: «Книга
Дзян» направляла каждое мое действие, она вела меня
через всю мою жизнь. А то, что я считал возвышенным
и благотворным инструментом пророчества, было не чем
иным, как вратами чистейшего зла.



Нэнси казалось, будто она медленно всплывает из ому-та тягуче-долгого сна. В темноте Пещеры магов Антон Херцог повторял одно-единственное слово, пока его го-лос не слился с тишиной.

— Оракул... Оракул...

Нэнси осознала, что качает головой. Ее охватила глу-бокая печаль. Все происходящее было настолько стран-ным и похожим на сон. Да именно сон. Не может тако-го быть, думала она: Херцог лежит перед ней и долго рас-сказывает свою историю. Наверное, пока он говорил, она задремала и все перемешалось, явь и сон, безумие и здра-вый рассудок. Она прислушалась к его дыханию — оно было натужным и неровным. На протяжении всего рас-сказа Антон оставался непостижимо загадочным. Гово-рил ли он правду? Хоть отчасти? Существует ли Шан-гри-Ла? А «Книга Дзян» и Оракул: может ли быть, что это одно целое — сила зла, постоянно живущая в них, затягивающая всех и каждого, одного за другим, управ-ляющая судьбами и ходом истории, манипулирующая нациями, поджигающая великие войны?

В темноте она представляла себе его, лежащего на по-лу пещеры, как поваленный идол, задышающегося. Серд-це этого человека холодно и бесстрастно, подумала Нэн-си, и эта мысль не отпускала ее. События жизни Хер-

цого отрезали его от человечества, и он нашел смысл в мечте об уединении, об убежище, недоступном для понимания обычных людей. Он жертва войны — не был ранен телесно, но пострадал психически. Значит, из-за этого Антон стал равнодушным, надломленным и не мог думать ни о чем другом? Нэнси сама отвечала себе: нет, дело не только в этом.

Первым заговорил Жень. Его голос звучал напряженно и устало.

— Выходит, у нас всегда был доступ к «Книге Дзян»? Если это Оракул. И вы верите, что он управлял нами? Всеми нами...

Херцог слабо кашлянул.

— Все верно. Каждый, кто открывает «Книгу перемен» и задает вопрос, тотчас попадает под его чары. Всех нас сюда привел Оракул, каждого по отдельности он привел именно в эту точку. Он порождает войны и бунты, он управляет нациями, мужчинами и женщинами. Царь Шангри-Ла говорил правду: и Вторая мировая война, и все события человеческой истории происходят из царства Шангри-Ла. Они вызваны к жизни тайными творцами, работающими с Оракулом. Оракул получает власть над каждым, кто в него заглядывает.

— По-вашему, именно Оракул привел меня в Тибет, а не вы призвали меня? — спросила Нэнси.

— Ответ вы знаете лучше меня. Могу добавить, что послать вам кость меня заставил Оракул. И он же велел мне рекомендовать вас Дэну Фишеру, чтобы вы заменили меня в случае непредвиденных событий. Оракул внушил мне, что я обязан это сделать. Он вызвал вас, он давал советы вам. Он знал, какая вам отведена роль, — сказал Херцог.

Джек в панике попытался опровергнуть умирающего:

— Херцог, это бред сумасшедшего. То, что вы говорите, противоречит истине. В мире нельзя действовать

таким образом. Шангри-Ла не существует, нет никакого тайного царства, управляющего миром, а у вас нет доказательств, что «Книга Дзян» — это Оракул. У вас не было времени на ее поиски, вы в глаза не видели ее. К тому же ваша история просто недостоверна. Даже если допустить, что Шангри-Ла существует, что Оракул есть «Книга Дзян» и что именно он завел вас сюда, почему он позволил вам бежать? Почему он разрешил вам отказаться от престола, уготованного вам? Неужели вы не понимаете? «Книга Дзян» ошиблась, вы доказали это!

В ответ из темноты зашелестел слабый голос:

— Вы пропустили самое главное. Будто не слушали вовсе.

— Нет, это вы пропустили. Вы не продумали свой рассказ, Херцог. Вы больны и расстроены, вы не в состоянии отделить грезы от реальности.

Похожее на череп лицо вновь сморщилось — Херцог злобно покосился на Адамса. Тощие израненные руки шевельнулись в мерцающем свете.

— Я одновременно и там, и здесь. Это я в состоянии осознать. Оракул знал, что меня постигнет неудача, он проведаль о моих слабостях задолго до меня. Он знал, что я попытаюсь избежать своей судьбы, что я сбегу из Шангри-Ла. Ведь он видит все задолго до того, как нас озарит мысль. Он вызвал Нэнси при помощи костяной трубы, а через Нэнси призвал вас — единственного человека в Дели, способного помочь ей отыскать меня. Он знал, что Нэнси принесет кость к вам. А этот человек, полковник Жень, сам ведомый Оракулом, вел вас последние мили маршрута. Всех вас направляли к тому, чтобы вы спасли меня, чтобы я получил еще один, последний шанс, потому что я избранный...

— Избранный, — скривив губы, повторил Джек Адамс с презрением и страхом.

— Еще один шанс — для чего? — спросила Нэнси, с ужасом понимая, что уже знает ответ.

— Чтобы вернуться в Шангри-Ла. Исправить свою ошибку. Теперь я знаю, мое бегство — это ужасная ошибка. В последние дни, пока меня несли монахи, у меня было время подумать и отделить зерна от плевел. Я все делал неправильно. Оракул для нас отец и мать, бесполезно бежать от него, бесполезно уклоняться от его планов. Не будет счастья тому, кто попытается сделать это. Теперь мне открылась истина, я понял свой путь. Я, блудный сын, должен вернуться.

— Антон, послушай, — сказал Джек, будто надеялся по-дружески уговорить Херцога изменить сюжет истории и признать, что рассказ был ложью. — Давай предположим, что дело было так. Ты заблудился и заболел, тебя нашли какие-то шаманы — я могу в это поверить. Ты видел, как они возились с панцирем, и твой рассудок породил невероятную сказку, чтобы компенсировать неудавшуюся попытку добраться до Шангри-Ла и найти «Книгу Дзян». Ты сознаешь, насколько это нелепо, но все-таки хочешь повторить попытку.

— Нет, я был там! Для меня это ясно как день. Я говорил с царем и видел шаманов, которые использовали черепаховый панцирь, то есть саму природу, для составления гексаграмм. Царь Шангри-Ла сказал правду: Оракул — это «Книга Дзян». По ее воле вращается мир. Империи рождаются и рушатся, цари Шангри-Ла пробуждают народы из дремоты, и те принимаются за дело: вершат великие дела, суть которых им постичь не дано, — сказал Херцог.

Голос его так ослабел, что слушателям пришлось склониться над ним.

— Но почему вы хотите вернуться к этим варварам? — спросила Нэнси.

— Потому что я все понял. Понял, как только увидел панцирь. Это моя судьба. Я испугался, когда встретил на башне царя — узника, жертву. Охваченный страхом, я поддался слабости и мог помышлять лишь о спасении ничтожно малого человечка — себя, своей незначительной жизни. Но когда те люди спасли меня, я прозрел и увидел истину. Я должен вернуться. Должен принять предназначенную мне роль. В шаге от конца света лучше править адом, чем прислуживать небесам. У царя нет выбора, принимать трон или нет: его назначают высшие силы. С вами, Нэнси, немного по-другому. Оракул предписал вам отправиться со мной, вы должны стать моей царицей. Вместе с вами мы ввергнем мир в величайшую войну, каких еще не было на земле, и из пламени разрушения родится сверхчеловек. Он поднимется, как феникс, чтобы править очистившимися расами человечества. Идем со мной! Götterdämmerung приближается...

Нэнси в ужасе отпрянула.

— Ты совсем псих, — разозлился Джек.

Несмотря на то что Нэнси испытала силу Оракула, несмотря на ее готовность верить чему угодно после всех странностей путешествия, в конце концов она все же согласилась с Джеком: разум Херцога не выдержал напряжения. Он бредит.

— Ты невежда, Джек, и всегда будешь отрицать то, что не в состоянии понять, — гневно прошептал Херцог. — Оставьте меня здесь. Из Шангри-Ла придут за мной, как предсказал царь. Придут и заберут меня. Вот увидите. Они придут...

— Безнадежно, — после долгого молчания проговорил Джек. И вдруг всполошился. — Подъем! Надо уходить. В любой момент здесь могут появиться китайские солдаты. Жень, что скажете?

Жень молчал, будто они только сейчас встретились и он не решил, что делать дальше. Пока Херцог расска-

зывал, полковник все дальше отодвигался от него, будто не хотел иметь отношения к этой истории. Женю позарез нужна «Книга Дзян», думала Нэнси, но его отвращают подробности путешествия Антона и то, что может повлечь за собой обладание этой книгой. Он молчал и не двигался, будто Херцог обратил его в камень.

— Жень, очнитесь! — нетерпеливо окликнул его Джек. — Мы засиделись.

Медленно, с большим усилием Жень поднял голову.

— Да, вы правы. Надо уходить. Я должен вернуться в Пекин и посоветоваться с братством. В свете новой информации поход за «Книгой Дзян» кажется ненужным. Столько сил потрачено впустую, а книга все время была у нас.

— Жень, возьмите себя в руки, — хрипло прошептал Джек. — Он же безумен.

— Ошибаетесь, Джек. Боюсь, Херцог говорит правду. Мое присутствие здесь само по себе это доказывает: Оракул привел меня сюда, он направил меня в монастырь Литанг, а потом в лес. Каждый отрезок пути я согласовывал с ним, каждый поворот делал по его команде... Мне нелегко признаваться в этом.

Джек уже едва не рычал:

— Вы-то хоть не дурите! Это совпадения! Вы могли бы прийти не сюда, а куда угодно. Херцог бредит, это все опиум! Забудьте и поднимайтесь, надо уходить.

Нэнси присела рядом с Антоном и наклонилась над ним, не обращая внимания на спор.

— Что нам с ним делать?

Джек не ответил и даже не взглянул на нее. Казалось, они ночь напролет слушали сказки Херцога, и вот наступило утро. Нэнси вновь посмотрела на распростертого перед ней человека: лицо Антона застыло, глаза были крепко зажмурены, словно он боролся с сильнейшей болью. Его губы дрогнули, но не раздалось ни звука.

— Он выживет? — умоляюще спросила Нэнси у Джека.

Тот покачал головой.

— Если тащить его — нет. А если не трогать... — Он предоставил ей самой додумать ответ.

Слезы потекли из глаз Нэнси. Джек положил ладонь ей на плечо.

— Ему не больно. Боль заберет опиум.

Жень что-то искал в своем рюкзаке, готовясь к возвращению. Неожиданно он повернулся к Нэнси и произнес:

— Погодите, Нэнси, есть у меня идея. У вас с собой Оракул?

— Да.

Она скинула рюкзак, достала книгу и положила на пыльную землю. Ей почудилось, что Оракул источает живую энергию — энергию зла. Нэнси чувствовала за спиной Джека, напряженного и раздраженного, но не остановилась.

— Есть монетка? — спросила она.

— Есть.

Жень встал на одно колено и достал из кармана монету. Нэнси нерешительно взглянула на него.

— А вопрос?

Жень секунду смотрел ей в глаза, потом опустил взгляд на книгу и, накрыв обложку ладонью, проговорил — сначала по-китайски, затем по-английски:

— Оракул, правдив ли рассказ Антона Херцога о том, что ты и есть «Книга Дзян»?

Нэнси шумно вздохнула и принялась подбрасывать монету. Жень записывал результаты пальцем на песке. Когда монетка подлетела и упала шесть раз, они составили гексаграмму. Кровь отхлынула от лица Женья. Слабым бесстрастным голосом он объявил:

— Солнце в зените. Кричащий журавль в тени. В середине пустота.

Нэнси испуганно спросила:

— Вы помните эту гексаграмму, не заглядывая в книгу?

— Да, — ответил полковник, глядя на Нэнси почти сердито.

Дрожащим от волнения, умоляющим голосом она попросила:

— Объясните мне, пожалуйста.

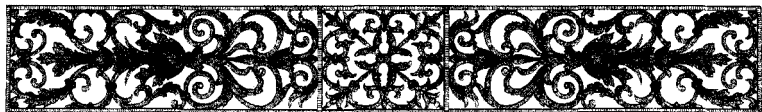
— Это Чжун-фу. Внутренняя правда. — Жень испуганно округлил губы.

Прежде чем Нэнси успела ответить, полковник заговорил вновь. В его голосе слышалось страдание.

— Это означает, что Антон Херцог говорит правду. Это означает, что Шангри-Ла существует, а Оракул и есть «Книга Дзян».

Жень отвернулся, погрузившись в свои мысли. С минуту все молчали. Потом, словно разбивая волшебные чары, Джек наклонился, протянул руку и стер начертанную на песке гексаграмму. После чего, положив руки на плечи Нэнси и полковника, прошептал:

— Все. Уходим.



Далеко внизу мерцали факелы и фонарики китайских солдат, разыскивающих Антона Херцога, а еще дальше, на краю погрузившейся в ночь долины, Нэнси видела зловещее оранжевое зарево Метокка — последнего тибетского аванпоста перед индийской границей.

— Не сворачивайте с этой тропы, — напутствовал Жень в темноте. — Мне в другую сторону, к Гоби, на совет братства. Несу им печальные вести... Как только преодолеете перевал, обязательно поспите, затем двигайтесь через плато. Придете к племени торговцев солью. Они отведут вас к индийской границе, где Ярлунг-Цангпо образует водопады. Там есть тропа, крутая и очень трудная, но вы справитесь. Она приведет вас через горы к берегам Брахмапутры. Идите по течению священной реки, и довольно скоро увидите селения. У вас нет с собой золота?

— У меня немного ренменби*, — ответил Джек.

— Там они не в ходу. — Резким движением Жень растегнул куртку, надорвал подкладку и вытащил золотой обруч. — Возьмите. Весит три унции. Отдайте его вождю торговцев солью, а в придачу вот это. — Он достал маленькие квадратные карточки. — Это фотографии его

* От RMB — женьминби, или женьминьби, — обобщенное название китайских денег; буквально «народные деньги»; основная единица — юань.

святейшества далай-ламы. Херцог говорил, в Тибете они запрещены законом, но очень ценятся. Это должно останавить туземцев, если они вдруг задумают ограбить вас. А теперь возьмите еще воды и цампы — и разойдемся...

Джек благодарно кивнул.

— Я верну вам деньги за золото, если удастся найти вас, — сказал он.

— Не стоит беспокоиться. Вы спасли мне жизнь. Просто идите и не оглядывайтесь.

Нэнси все еще была в шоке, лишь наполовину понимая их разговор.

— А Херцог?

Жень молчал, но молчание его говорило о многом. После паузы он ответил:

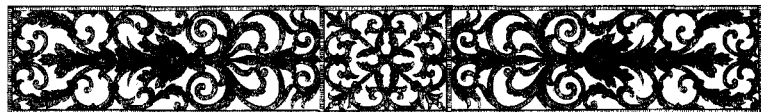
— Сейчас я приготовлю ему трубку. И еще одну про запас. Больше никто и ничем ему не поможет. Он нетранспортабелен, мы не можем его нести. И не можем больше оставаться рядом: нас схватят или убьют на месте.

Все трое ощутили невысказанное облегчение оттого, что иного выбора, кроме как оставить умирающего Антона Херцога, не было. Ему не суждено вернуться в Дели и выздороветь, не суждено подготовить вторую экспедицию и вернуться в Шангри-Ла, если, конечно, царство действительно существует. Он умрет в одиночестве, его чары будут разрушены раз и навсегда; они отвернутся от него и тем самым отвергнут его страшную правду, чтобы добрая воля восторжествовала. Жуткая таинственность Антона обернулась кошмарным сном. И все же, несмотря ни на что, бросать его было бесчеловечно. Нэнси несколько мгновений стояла, глядя на оболочку Антона Херцога — знаменитого журналиста, блестящего ученого, обезумевшего и одинокого на пороге смерти, затерявшегося в этом вероломном уголке планеты. Нэнси не выдержала и горько зарыдала, повернувшись к ди-

ким джунглям. Где-то высоко в небе прогудел самолет. Пора уходить. Жень попрощался и зашагал прочь по тропе, а Нэнси и Джек начали свое последнее восхождение.

Нэнси карабкалась вверх, а слезы все бежали из глаз. Она проделала такой путь, столько выстрадала и узнала — ради чего? Чтобы бросить умирать человека, которого так долго искала? А вдруг Херцог говорил правду и их жизни были лишь игрой кукловода? Джек Адамс никогда не советовался с Оракулом, избегая его планов и интриг, но сама Нэнси чувствовала силу книги, мощь ее психологической обработки и некое присутствие, до самого конца управлявшее ими всеми, постичь суть которого никто даже не надеялся.

Нэнси замерзла до костей и проголодалась, у нее осталось одно желание: уйти подальше от людей, отделиться от них. Все в этом мире напоминало жуткую карусель, чудовищный фарс, устроенный дьяволом и демонами. Счастьем здесь называли себялюбие — это и есть истина мира. Рыдая и хватая ртом воздух, опустив голову, Нэнси устало брела по тропе. А позади, в пещере, живой или уже мертвый, остался он — дикарь ли, безумец ли? — человек, чья жизнь непостижимым образом переплелась с ее жизнью: Антон Херцог.



ЭПИЛОГ

Нью-Йорк

Жень оказался прав: торговцы солью стояли лагерем на продуваемом всеми ветрами плато. Их юрты покрывали ячьи шкуры, чуть поодаль яки щипали траву из-под тонкого снежного покрывала, шумной стайкой носились дети. Поначалу пришельцев встретили с подозрением и враждебностью. Неудивительно, подумала Нэнси, — они с Джеком являли собой странное зрелище: двое оборванных белых, смущенных и растерянных. Однако золото и фотографии далай-ламы сделали свое дело, и торговцы стали заметно дружелюбнее. Гостей привели в палатку вождя — задымленный вигвам, где человеческие фигуры контурами угадывались в темноте. Вождь, свирепого вида мужчина с саблей и пистолетом за поясом, принял дары. Он выделил двух юношей и одно животное, чтобы проводить белых людей до границы и показать им тропу, спускавшуюся через темное ущелье вниз к подножиям Гималаев, а оттуда — к солнечным берегам Брахмапутры.

Как и предсказывал Жень, путь был трудным, но в конце концов Джек и Нэнси добрались до деревни. Оттуда за двенадцать часов на попутных грузовиках они доехали до отдаленной железнодорожной станции в глуши индийского штата Сикким. После тридцати шести

часов путешествия в переполненном вагоне они выбрались на перрон Центрального вокзала Дели, сонные и не верящие происходящему.

Прошло шесть месяцев; Нэнси Келли давно покинула Дели. Позже она узнала от Кришны, что индийская полиция прекратила поиски Антона Херцога. Правительство Китая сообщило, что считает его мертвым, хотя тело не обнаружено. Кости его, по всей видимости, растаскивают гималайские стервятники после анонимных небесных похорон в Пещере магов. Обвинения в шпионаже были забыты, и полиция разрешила Нэнси свободный выезд.

Оставалось только встретиться с Майей. Нэнси провела целое утро в мучительных раздумьях, что сообщить женщине. Наконец она заставила себя написать, что добралась до Тибета и там нашла Херцога; он умер, писала Нэнси, у нее на глазах. Майе следует отнести завещание адвокату и получить деньги на воспитание ребенка. Нэнси подумала и закончила письмо строчкой: «Антон Херцог умер с вашим именем на губах. Его последним словом было “Майя”. Это была ложь, но ложь благая. Стоило ли рассказывать Майе, что на смертном одре Антон ни разу не вспомнил о ней?

Нэнси успела на первый рейс в Штаты. Глядя из иллюминатора лайнера, берущего разбег под нещадно палящим солнцем Дели, Нэнси не могла избавиться от ощущения, что вплотную подошла к постижению страшной истины — той самой, что разрушила Херцога, как только он познал ее. Она завидовала Джеку, его отношению к жизни, его решительному отказу от самой мысли о том, что Херцог мог говорить правду. С другой стороны, все эти загадки и тайны, истинные или нет, ей самой казались слишком значительными, чтобы свести их к жизни одного человека. Они с Джеком договорились держать

в тайне свое путешествие — в особенности то, что они нашли Антона Херцога. Отправляясь в Тибет, Нэнси ожидала, что это будет самый грандиозный материал ее жизни. В некотором смысле — пожалуй, самом глубоком — так и получилось. Но на обратном пути в Индию, анализируя и переоценивая все, что они услышали и пережили в пещере, Нэнси и Джек осознали: никто не поверит им и не поймет их. Величайшая повесть ее жизни никогда не увидит свет.

Прощаясь с Джеком на делейском вокзале, Нэнси пообещала перевести на его счет деньги. В шумном вестибюле вокзала они несколько мгновений молча смотрели друг на друга, обтекаемые людским потоком. Затем Джек сжал ее ладонь и поцеловал в щеку.

— Не ломайте голову над тем, что он говорил. Все это вранье. Его смерть доказывает это. А то, что мы выжили, доказывает наличие у нас свободной воли. Или Оракул лжет.

И Джек ушел обратно в свой мир торговцев древностями, доисторических костей, долгих душевных делейских ночей. Нэнси глядела ему вслед и видела, как он качает головой, словно пытается стряхнуть воспоминания о пережитом.

Она смотрела ему в спину, и ее сердце больно сжималось: в душе затеплился росток чувства к этому человеку. В других обстоятельствах их отношения наверняка бы получили романтическое продолжение. Возможно, она поступила необдуманно. Джек неразрывно связан со всем, что ей пришлось испытать, он — часть ее нового опыта, перевернувшего ее душу, как землетрясение. Но им обоим было необходимо как можно дальше уйти от случившегося, а сделать это они могли лишь поодиночке.

Нэнси возвратилась в Нью-Йорк, к Бруклину и тенистым улочкам Парк-Слоуп, к своим друзьям, к старым знакомым кафе и книжным магазинчикам. Пришла вес-

на, в Центральном парке распустились цветы. Ей предложили отпуск, но она отказалась, боясь долгих часов наедине с собой, и предпочла работу редактора отдела. С облегчением Нэнси погрузилась в уютный мирок дедлайнов, утренних издательских летучек, нарастающего ажиотажа перед подписанием номера в печать, корпоративных вечеринок и обедов — мирок утешительной и жизнеутверждающей активности. Постепенно странный индийский опыт отошел на второй план: по крайней мере, Нэнси уже не думала об этом постоянно и часами или даже целыми днями не вспоминала о пережитом. Ей удалось похоронить эти воспоминания. Она поняла, что есть единственный способ вернуться в нормальное состояние: мировоззрение Херцога, его рассказ в пещере, его мечты и кошмары, его мир, в котором демоны и Учителя правили судьбами человечества, необходимо заглушить неумолчным шумом повседневной жизни. Херцог глубоко заблуждался или, как считал Джек, потерял рассудок. Монахи Шангри-Ла не спасали его, и он никогда не следовал судьбе, якобы предначертанной для него Оракулом. Теперь Нэнси считала рассказ Херцога следствием искаженного восприятия мира, а его историю о путешествии в Шангри-Ла и о «Книге Дзян» — чистой воды фантазией.

А затем, ранним летним утром, ровно в семь зазвонил телефон. Нэнси была дома. Лежа в кровати, она слушала радио и думала лишь о том, что пора вставать. Она подняла трубку, недоумевая, кто звонит в такую рань, не дожидаясь ее прихода на работу. Голос в трубке был таким знакомым, таким важным для нее, что у Нэнси задрожали руки.

— Нэнси, это Джек.

На мгновение она онемела.

— Нэнси! — повторил он, словно испугался, что связь прервалась.

— Джек, вот это сюрприз, — ответила она, пытаясь говорить теплым дружеским тоном. Старый приятель, спутник в давнишнем путешествии — вот что означал этот тон.

— Извините, что так долго не давал о себе знать. Я... Ну, вы понимаете... Звоню, потому что я в Нью-Йорке, проездом. Я сейчас в аэропорту. Подумал, может, выпьете со мной кофейку? Если еще не сгорели на работе.

Нэнси попыталась рассмеяться его шутке, но вдруг почувствовала себя скованной странным напряжением, как тогда, в джунглях Пемако, когда она не знала, куда бежать. Она боялась. Боялась снова увидеть Джека и воскресить воспоминания о Тибете, которые так старательно похоронила. Нэнси сознательно убеждала себя принять обычный мир, предать забвению все, что она узнала об иных измерениях, и не видела в этих усилиях ничего дурного: придерживаться общепринятого мировоззрения — это был единственный путь остаться в здравом уме. Лишь одно по-прежнему сильно расстраивало ее: мысль об Антоне Херцoge, брошенном умирать в темной пещере.

— Судовольствием повидалась бы с вами, — сказала Нэнси. — Но сегодня утром, боюсь, не получится. У меня куча дел.

— Да ладно, Нэнси! Выпьем по чашечке кофе, и все. Я вас не задержу. — Джек понял, почему она упирается.

«Да, он все понял», — подумала Нэнси, и эта уверенность сделала ее более покладистой. Как будто со стороны она слышала свой ответ:

— Хорошо. Тогда в Томпкинс-сквер-парке, в Алфавет-сити. Таксисты это место знают. Буду через сорок пять минут.

Нэнси очень встревожилась, но не хотела признаваться себе в этом. Она метнулась в душ, стремительно оделась, почти бегом выскочила из дома и поймала такси. Начинался погожий день. Зеленые газоны в Томпкинс-

сквер-парке заполнялись людьми, наслаждавшимися утренним солнцем: велокурьеры дожидались очередных заказов, кто-то тянул кофе из стаканчиков, просматривая заголовки газет, люди вяло переговаривались, празднично развалившись на траве. Нэнси отыскивала свободное место и уселась. Долго ждать не пришлось: почти напротив того места, где она устроилась, притормозило такси. Джек вышел и стал озираться, ища ее. Сердце Нэнси замерло, когда она увидела его. Джек несколько не изменился — такой же красивый, подвижный и энергичный, но она отлично знала, сколько всего скрывает этот образ мачо.

— Привет! — окликнула его Нэнси.

Голос прозвучал высоко и нервно. Джек обернулся и улыбнулся. Он подошел к ней, протянул руку, а когда Нэнси взяла его ладонь, притянул ее к себе и поцеловал в щеку. Ощутив его дыхание на щеке, Нэнси почувствовала, что ее захлестнула волна нежности, и смутилась еще сильнее. Она отступила на шаг.

— Нэнси, как я рад, — проговорил Джек, окидывая ее взглядом с головы до ног. — Прекрасно выглядите.

— То есть лучше, чем в Тибете, когда мы едва не умерли от голода? Спасибо, порадовали.

Джек от души рассмеялся и опустил ее на скамейку рядом с ней. Несколько мгновений оба молчали. Нэнси чувствовала, что он не знает, с чего начать.

— Так каким ветром вас занесло в Нью-Йорк? — решила она помочь.

— Мне надо в Метрополитен-музей. Это связано с моими изысканиями — палеонтология Гималаев и все такое...

— Да, я помню.

— Как жизнь на веселой Парк-Слоуп?

— Спасибо, хорошо. Я теперь редактор отдела. Это, конечно, не так интересно, как иностранный корреспондент...

— Ну, зато меньше шансов схлестнуться с индийской тайной полицией, — улыбнулся он.

— Точно. Мне угрожают только ежедневные деловые приемы и бесконечные офисные интриги.

— Для меня это звучит пугающе, — отозвался Джек.

Нэнси кивала и улыбалась, не переставая ощущать нелепость ситуации: они столько пережили вместе, добрались до ада и вернулись обратно, а сейчас сидят и говорят друг другу банальности. Это расстраивало ее, она злилась на себя за неспособность сказать то, что хотела.

— Извините, — вырвалось у Нэнси. — Я хотела говорить не об этом... Вообще-то...

Джек накрыл ее ладонь своей, и она почувствовала тепло его кожи.

— Нэнси, я знаю, о чем вы хотите сказать. Я все понимаю.

— Я старалась... Я очень старалась привести себя в порядок, вернуться к нормальной жизни. Четыре месяца мне удавалось не думать об этом. Слишком тяжелые воспоминания...

Джек внимательно смотрел на нее, не говоря ни слова. Она хотела сказать больше, но ничего не получалось. Наконец он отнял руку и потянулся к своей сумке.

— Хочу вам кое-что показать.

Он вытащил утренний номер «Нью-Йорк таймс», бросил его на столик, а затем, энергично порывшись в недрах сумки, вытянул коробку. Сдвинув газету к краю, он осторожно поставил коробку на стол и снял крышку. Нэнси увидела нечто вроде костяного обломка.

— Господи, что вы притащили, Джек? — спросила она, стараясь говорить насмешливым тоном.

— Человеческий череп. Анатомически он соответствует черепу современного гоминида. *Homo sapiens*. Это точно такой же череп, как у современного европеоида.

— Похоже на кусок дерева.

— Потому что дерево проросло сквозь него, прямо сквозь макушку. Если его поднять, будет видно: вот дерево, а вот череп. Наверное, семя когда-то упало в череп, много тысяч лет тому назад. Возможно, мозг обеспечил необходимую для прорастания влажность или дождевая вода скопилась в опрокинутом черепе. Так или иначе, череп сыграл роль цветочного горшка.

— И?

— Такой симбиоз черепа и дерева позволяет гораздо точнее определить их возраст.

Джек смотрел на нее, ожидая реакции.

— Это самая древняя кость гоминида из всех, когда-либо обнаруженных в Азии. То, что я искал столько лет. Это подводит мою работу к завершению и доказывает, решительно и бесповоротно, что я прав. Современный человек на самом деле ходил по земле четверть миллиона лет назад... Денег я за это не получу, зато буду знать, что я прав. Вот везу его в Мет*. Они мне не поверят, но все равно покажу. — Он печально усмехнулся.

— Слушайте, это ж здорово. Просто грандиозно! Спасибо, что показали мне.

Однако Нэнси не понимала, что происходит. Она видела, что выражение его лица изменилось, он потерял всякое спокойствие. Руки двигались над костью, словно он боялся прикасаться к ней. Затем Джек сказал:

— Нэнси, на свете немного тех, кто понимает суть моей работы, а тем более верит в нее. Сказать по правде, был всего один такой человек... — Джек опустил глаза на череп. — Две недели назад эту вещь прислали по почте на мой домашний адрес в Дели...

Нэнси резко расхотелось слушать его. Она даже подняла руку, словно пыталась остановить Джека. Она готова была подняться и уйти, но что-то ее удерживало.

* Сокр. Метрополитен-музей.

И Джек продолжал говорить, и ей пришлось услышать все:

— Его прислали из Поме, что около гомпы Бхака, то есть из Тибета. В посылке была записка, адресованная вам. Простите, я прочитал ее, прежде чем понял, что это не мне. Возможно, я в любом случае прочел бы ее... На ней проставлены точные координаты, широта и долгота, и еще кое-что.

Джек выложил на стол клочок бумаги и жестом предложил Нэнси взять его.

— Я снова стал пешкой, — заметил он с невеселой улыбкой.

Нэнси взяла записку. Она прочитала ее и тотчас выронила, словно бумага обожгла ей руку. Яркое светило солнце. Все вокруг было мирным и будничным, мимо шагали люди со стаканчиками кофе и газетами, будто в жизни нет никаких загадок и тайн. Почти минуту Джек Адамс ждал, что скажет Нэнси. Затем растерянно пожал плечами и закрыл коробку.

— Простите, что приехал сюда. Думал, вы захотите взглянуть... Мне казалось, это поможет вам избавиться от угрызений совести. Но, наверное, так еще хуже.

Записка лежала у нее на коленях — безвредный клочок бумаги. Но Нэнси не могла собраться с силами и снова посмотреть на нее.

— Ну что вы, не принимайте все так близко к сердцу! — сказал Джек. — Бог знает, как ему удалось выкарабкаться. Могу предположить, что какое-то племя набрело на него... Судя по этой записке, Антон жив и по-прежнему безумен. Полностью и неизлечимо.

Нэнси по-прежнему не могла вымолвить ни слова. Очень медленно она покачала головой.

— Если я все испортил, простите меня, — произнес Джек.

На его лице было написано такое глубокое раскаяние, что Нэнси сжала его руку.

— Нет, нет, дело не в этом. Спасибо, что приехали. Вы сделали большое дело.

Осторожно и бережно она взяла записку и перечитала. Для Джека эти шесть слов означали, что Херцог сошел с ума и безвозвратно заблудился в безумных грезах. Для Нэнси же они имели совсем иной смысл. Именно поэтому они с Джеком не могли понять друг друга и даже после всего совместно пережитого их разделяла пропасть. Эти слова означали, что мечта Нэнси о нормальной жизни разбита, что прежнее больше не повторится. Она изменилась сама, а вместе с ней изменилось все — бесповоротно. Тревожным взглядом Нэнси оглядела Томпкинс-сквер-парк. Долго ли еще продержится этот мир? Сколько дней? Сколько недель? Взгляд ее упал на заголовок в «Нью-Йорк таймс», лежавшей на столе рядом с коробкой: «ВМС США предупреждает о новом ракетном кризисе, аналогичном Карибскому, в связи с блокадой Тайваня китайскими ядерными подлодками. Президент клятвенно обещает применить ядерное оружие для защиты островной нации». Внезапный порыв ветра взметнул пыль и погнал ее по дорожке. Черные облака закрыли солнце, погрузив парк в темноту. *Götterdämmerung*. Сумерки богов. Чувствуя на себе внимательный взгляд Джека, Нэнси перечитала записку вслух, как волшебное заклинание. Эти чары околдовали мир, и Нэнси поняла: никто не спасется.

«Привет от царя Шангри-Ла».

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Том Мартин

ОБИТЕЛЬ НОЧИ

Ответственный редактор *А. Етоев*

Редактор *Н. Волкова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *М. Львов*

Корректоры *С. Голияк, Е. Терскова*

Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.

Тел.: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 18.11.2010. Формат 60х90¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0.

Тираж 6100 экз. Заказ № 4238.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-46292-6



9 785699 462926 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vlpzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 269-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ТОМ
МАРТИН

ОБИТЕЛЬ НОЧИ

Книга Дзян» – хранилище древней арийской мудрости. Ее обложка сделана из черной, как смоль, кожи давно вымершего животного, а на заглавной странице нарисовано золотое кольцо с обвившей его змеей, заглатывающей собственный хвост. Ради этой книги перед войной нацистская экспедиция отправилась на Тибет в легендарную страну Шамбалу. Ради нее в наши дни повторяет путь отца, ученого, пропавшего вместе с экспедицией, преуспевающий журналист Антон Херцог. Страшное открытие ждет его в труднодоступных горных районах. Шамбала существует...

ISBN 978-5-699-46292-6



9 785699 462926 >



ЭКСМО

SIKKIM